

ISSN 1694 – 6820

Русское слово в Кыргызстане

информационно-аналитический журнал

Специальный выпуск

№ 1-2 (31-32)/2020

Перевод:
наследие
и будущее

Основоположники
научной школы
перевода
в Кыргызстане:
историографическая
галерея

Кыргызстан
и шедевры
мировой
переводческой
мысли

Преимственность
отечественных
традиций
перевода в КРСУ

Учредитель – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет»

Редакционный совет:

В. И. Нифадьев
В. М. Плоских
С. И. Чупринин (Россия)
И. О. Шайтанов (Россия)
В. И. Шаповалов
А. Л. Эбаноидзе (Россия)
В. К. Янцен

Редакционная коллегия:

Г. Д. Данильченко
Л. В. Иванова
В. С. Мальнева
М. Дж. Тагаев
Г. П. Шепелева

Главный редактор Б. Т. Койчуев

Выпуск подготовили:

В. И. Шаповалов, В. С. Мальнева

Дизайн – Д. В. Лебедев

Верстка – Г. Н. Кирпа

Адрес редакции: 720000, г. Бишкек,
пр. Чуй, 44, каб. 223
тел.: (996 312) 625315
e-mail: russlovo@krsu.edu.kg

Издание журнала осуществляется в рамках Программы развития КРСУ на 2017–2019 гг.

Журнал зарегистрирован в Министерстве юстиции Кыргызской Республики (свидетельство №1690 от 30 ноября 2010 г.).

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал издается ежеквартально.

Фото В. Ушакова

Фото <https://ru.sputnik.kg>

Отпечатано в КРСУ

Формат 60x90 1/8

Объем 17,25 п. л.

Тираж 150 экз.

Подписано в печать 02.02.2020 г.

© КРСУ, 2020 г.

Художественный перевод
и кыргызско-славянский курс 2

Перевод: наследие и будущее

Научная школа истории и теории
перевода в Кыргызстане 5

**Основоположники научной школы перевода
в Кыргызстане: историографическая галерея**

К. Абдыкеримов. Поэтический перевод и современность... 10

К. Х. Джидеева. На пути к реалистическому переводу
(70-е гг.) 13

Ч. Т. Джолдошева. Лирическая поэзия Касыма
Тыныстанова в русских переводах 21

Е. К. Озмитель. М. Ю. Лермонтов в переводах
на киргизский язык и в оценке киргизской критики 30

А. О. Орусбаев. Гармонизация отношений между
киргизским и русским языками 38

М. А. Рудов. Этнокультурная среда восприятия русской
литературы в переводе на киргизский язык 46

**Кыргызстан и шедевры мировой
переводческой мысли**

Е. Д. Поливанов. Общий фонетический принцип
всякой поэтической техники 59

М. Л. Гаспаров. Стилистическая перспектива
в переводах художественной литературы 65

С. И. Линкин. Я хотел передать музыку киргизской поэзии... 75

**Преемственность отечественных традиций
перевода в КРСУ**

Научно-образовательный центр «Перевод» 81

Эпос «Манас» в творческой мастерской КРСУ
«Манас» (эпизод варианта Жусупа Мамае,
пер. С. Сусловой) 87

«Семетей» (эпизод варианта Сагымбая Орозбакова,
пер. В. Шаповалова) 95

**Мир научных проектов КРСУ: подготовка
переводчика в XXI веке** 100

М. А. Рудов. Стадиальная эволюция перевода в процессе
восприятия басен Крылова на языках народов СССР 101

В. И. Шаповалов. Терминологическое пространство
перевода: векторы и универсалии 109

О. Ю. Шубина. Подготовка переводчиков и новые
тенденции на профессиональном рынке 118

Технологии переосмысления культурно-исторических
явлений при подготовке лингвистов-переводчиков 120

Центр китайской культуры 124

И. В. Чжан. Некоторые особенности перевода
с китайского языка на русский (на примере журнала
«Контимост») 126

М. Дж. Тагаев. Текст как результат процесса
межъязыковой деривации (на материале
кыргызско-русских переводов) 129

**Теория и практика перевода (дайджест материалов
форумов КРСУ)** 137

Художественный перевод и кыргызско-славянский дискурс

Уважаемые читатели!

Предлагаемый Вашему вниманию специальный выпуск журнала «Русское слово в Кыргызстане» посвящён вопросам истории, теории и практики перевода. Эта сфера интеллектуальной деятельности была и остается чрезвычайно значимой для нашей страны. Изначально важно и то, что её научный центр постепенно переместился в Кыргызско-Российский Славянский университет, обретая новую энергию и целенаправленность.

Перевод издавна (а сегодня, в информационную эпоху, особенно) считают главным фактом творческой деятельности человечества, неким универсумом, примиряющим открытость временам, языкам и культурам изначально замкнутого сознания с пониманием невозможности полного слияния этих разных стихий.

«Почтовые лошади просвещения» – так образно А. С. Пушкин назвал переводчиков, значение профессии которых в жизни всего человечества со времен разрушения Вавилонской башни огромно, хотя и незаметно. Без переводчиков народы не смогли бы общаться между

собой. В 1991 г. появился профессиональный праздник: Международная федерация переводчиков (International Fédération Internationale des Traducteurs, FIT) провозгласила 30 сентября Международным днём переводчика (International Translation Day). Дата для праздника была выбрана неслучайно, в этот день 30 сентября 420 года скончался св. Иероним Стридонский (Saint Jerome of Stridonum) – один из четырех латинских отцов Церкви, писатель, историк, переводчик. В Вифлееме в течение долгих лет он переводил Библию – Ветхий и Новый Завет – на латинский язык. Одиннадцать столетий спустя его версия была провозглашена как официальный латинский текст Священного Писания (Вульгата).

Сама FIT была основана в 1953 году в Париже и сегодня объединяет представителей более 100 ассоциаций переводчиков из более чем 60 стран по всему миру с целью обмена опытом, полезной информацией и укрепления связей, а также для продвижения перевода как профессии и искусства. В рамках Дня переводчика проходят конференции, выставки, тренинги и семинары, каждый год посвящённые определённой теме: «Перевод – основа многоязычия и культурного многообразия», «Ответственность переводчика перед профессией и обществом», «Много языков – одна профессия», «Терминология: слова

имеют значение», «Стандарт качества в многоголосом мире», «Наведение мостов между культурами», «Перевод как межкультурная связь», «Объединённый мир – вне лингвистических барьеров», «Право на язык: основа всех человеческих прав», «Меняющийся облик устного и письменного перевода», «Устный и письменный перевод: Соединяя миры», «Перевод: содействие развитию культурного наследия в эпоху перемен» и др.

Практика, да и теория перевода (преимущественно, художественного) в Киргизии в конце XX века составляли значительную часть гуманитарной культуры: существовала научная школа перевода, активно переводились на кыргызский и с кыргызского на русский язык важнейшие художественные произведения, на базе перевода упрочивались в многонациональном социуме начала билингвальной культуры. Сегодня практически всё это утрачено: поколение основателей школы перевода уступило свое место молодым учёным, литературные взаимосвязи становятся воспоминанием. В первую очередь это ударило по состоянию русского языка, роль которого в интегративном развитии общества и государства была основополагающей. Эта утрата стала особенно болезненной, поскольку совпала с обретением государственности и соответствующей суверенизацией всех сфер Кыргызстана.

В такие моменты истории в государствах, как правило, возрастает роль образовательного института. Прежде всего, это, конечно же, ведущие университеты, формирующие интеллектуально-профессиональный потенциал ближайших

поколений, причем, университеты международного характера – лаборатории, через которые в традиционные общества поступает огромное количество целевой информации, призванной спровоцировать соответствующие адаптационные процессы в принимающей культуре, унифицировать её приоритеты. Речь идет об Американском университете в Центральной Азии (АУЦА), Кыргызско-Турецком университете «Манас».

Роль русского культурного присутствия в сознании талантливого и открытого к сотрудничеству кыргызского социума, осуществлявшаяся, в том числе, через многолетнюю и многообъемную программу создания билингвального общества, при содружестве кыргызского и русского языков, стала раздражающим фактором для государств, чьи службы развивают свою деятельность на благодатном пространстве молодой государственности. Есть все основания думать, что дальнейшее развитие русского языка и возрастание его роли в кыргызском социуме противоречит стратегической задаче этих организаций.

В этих условиях институцией, которая могла бы сохранить кыргызско-русское сотрудничество, готов служить именно перевод как древнейшая поликультурная вселенная человечества, противостоящая губительному глобализационному процессу, как гуманитарное объединяющее начало цивилизации. Совокупность противоречивых глобальных тенденций видится, примерно, так:

– этносы уже не принадлежат территориям своих предков, миллионы предста-

вителей той или мной национальности разбросаны по разным точкам земли, население планеты становится понемногу однородно разнонациональным;

– национальные культуры всё менее выражают локальный мир этносов, всё значительнее подвергнуты воздействию извне и беззащитны перед ним;

– процесс миграции ставится массовой фобией и – с ростом системы коммуникаций – единственной геополитической реальностью.

В этих условиях неизмеримо возрастает значение межъязыкового, межкультурного перевода как залога информационной самостоятельности и защищённости молодых государств. Печально, что этот рост приобретает агрессивный смысл: *«Функция перевода первоначально состояла в передаче сходства, возвышавшегося над всеми различиями; теперь же он свидетельствует о непреодолимости этих различий... Мир перестаёт быть неделимым единством» (Октавио Пас).*

Однако в большинстве мест планеты с традиционным содержанием жизни приобретает осознанное значение стабильность бытия и национально-культурная самоидентификация общества. И вот тут-то и нужны национальная программа и государственный институт перевода, эквивалентные концепции и институту обороны страны. Здесь нужна осознанная переводческая политика, подобная политике выстраивания сотрудничества взаимодействия кыргызской и русской языковых целостностей. Нужна концепция выращивания многоязычной культуры, свободной от чужеродных ин-

формационных заимствований и/или воздействий.

Эту задачу в Кыргызстане сегодня способен выполнить Кыргызско-Российский Славянский университет.

***В. И. Шаповалов**, заслуженный деятель культуры КР, народный поэт Кыргызстана, доктор филологических наук*

ПЕРЕВОДЧИКУ

*Благодарность тебе, переводчик.
Ты меня не оставил слепым.
Непонятное таинство строчек
Сделал ты достояньем моим.
Непонятные прежде созданья
Я читаю теперь належке.
Ты вложил в них второе дыханье,
Поводырь мой в чуждом языке.
Напечатали имя петитом –
Беспристрастно прими этот знак.
Переводчику быть знаменитым
Некрасиво, сказал Пастернак.*

М. Рудов

ПЕРЕВОД: НАСЛЕДИЕ И БУДУЩНОСТЬ

Научная школа теории и истории художественного перевода в Кыргызстане

Научное направление, связанное с изучением истории и поэтики художественного перевода в Киргизии, определило свои приоритеты, начиная с середины 60-х годов XX века, преимущественно на кафедре теории и истории русской литературы Киргизского госуниверситета.

Преемником этих традиций в последнее десятилетие становится Кыргызско-Российский Славянский университет: здесь, в научно-образовательном центре «Перевод», аккумулируются исследования современного отечественного переводоведения.

Многовекторностью подходов отмечена кыргызстанская переводоведческая школа, заложенная в своих основах Е. Д. Поливановым.

С середины 60-х годов прошлого века на кафедре теории и истории русской литературы Киргизского государственного университета силами ведущих филологов Е. К. Озмителя, А. Е. Супруна, М. А. Рудова, И. А. Шерстюка, Ч. Т. Джолдошевой и других начинает осуществляться научно-исследовательская работа по теме «Русско-киргызские литературные взаимосвязи».

В рамках проблемы освещается широкий круг вопросов, связанных с художественным переводом кыргызской поэзии и прозы на русский язык, русской классики на кыргызский, билингвальным автопереводом, сравнительным изучением русской и национальной литератур, выявляются закономерности функционирования русскоязычной литературы в Кыргызстане. Эта значительная сфера идей наиболее полно обусловлена современными работами К. Х. Джидеевой (перевод на кыргызский язык русской поэтической классики), Ч. Т. Джолдошевой (художественный билингвизм и авторский перевод; творческая практика перевода русской прозы), Р. З. Кыдырбаевой (перевод кыргызских эпических памятников), Е. К. Озмителя и М. А. Рудова (многонациональный характер литературных связей, рецепции, стадийность перевода, изучение его истории в XX в.), В. И. Шаповалова (творческая методология, история, типология перевода в контексте многонациональных культурно-исторических процессов; научный инструментарий транслатологии; национальные

стихотворные поэтики), а также книгами и статьями К. Абдыкеримова, О. Ибраимова, А. Садыкова и других учёных.

Методология и исследовательские принципы научной школы перевода опираются на традиции изучения литературного процесса в СССР в русле концепции межлитературного синтеза; в центре интересов научного сообщества – теоретические и исторические проблемы перевода на русский язык произведений кыргызской литературы, перевод на кыргызский язык произведений русской и зарубежных литератур, вопросы сравнительной поэтики.

Для кыргызстанского переводоведения 70-х годов, как и для науки национальных республик в целом, было характерно внимание к переводу как форме литературных связей и взаимообогащения литератур. Эту тенденцию отражают работы Дм. Брудного, К. Х. Джидеевой, Ч. Джолдошевой. В эти же годы М. А. Рудовым инициируется проблема подстрочника и влияния перевода на укрепление взаимосвязей литератур.

Особое место в переводоведении Кыргызстана заняли работы, посвящённые переводам русской классической литературы. Это труды Т. Саманчина, Е. К. Озмителя, Д. А. Бегеевой, ленинградца А. М. Жмаева. Эти проблемы сохраняют своё значение для переводоведения республики и в 80-е годы: в этом направлении продолжили исследования Е. К. Озмитель, К. Х. Джидеева. Другое направление переводоведения было связано с поэтикой и методологией переводов кыргызской литературы в контексте сравнительного литературоведения.

В этой области следует отметить работы М. Т. Байджиева, Ч. Т. Джолдошевой, А. С. Садыкова, В. И. Шаповалова.

Переводоведение суверенного Кыргызстана подготовлено всем предшествующим ходом развития науки. К обобщению проблем перевода кыргызских устно-поэтических памятников на уровне выработки новой методологии ведут труды М. А. Рудова. Работы следующего поколения также отмечены вниманием к вопросам восприятия в силу особенностей национальной картины мира. Своего рода закономерным итогом первых двух десятилетий нового века в Кыргызстане стали монографические труды В. И. Шаповалова. Прежде всего, это построение истории перевода «в совокупности векторов её развития, в контексте литературной культуры и этносоциальной специфики», вопросы научно-понятийного аппарата транслатологии, реализация переводческого метода на уровне поэтики. Актуальной для науки остаётся проблема сохранения своеобразия оригинала русской классической литературы при переводе на кыргызский язык. В этом направлении написаны работы Д. А. Бегеевой и исследователей уже нового поколения – К. Асаналиевой, Э. А. Ниязовой, Ж. С. Карагуловой, К. Б. Биялиева, Г. З. Абитовой.

В 70-е годы XX столетия интерес к переводу оформляется в программу и деятельность научной школы теории и истории художественного перевода, во главе которой – заслуженный деятель науки, член-корреспондент НАН КР, доктор филологических наук, профессор Ч. Т. Джолдошева. Эта школа, опираясь на достижения пере-

водоведческой науки бывшего Союза, сосредоточивает интересы на региональной проблематике художественной культуры молодого государства, функционирует в контексте общего развития теории и практики художественного перевода. Будучи тесно связанной с историей национальных литератур, школа входит в контекст сравнительного литературоведения и охватывает преимущественно аспект русско-кыргызских литературных взаимосвязей, затрагивая проблемы прозаического и поэтического перевода. Основателей этой научной традиции уже нет с нами, но последующие поколения активно используют их базовые открытия. Так, интересы Ч. Т. Джолдошевой были сосредоточены в области перевода художественной прозы (монографии «Кыргызская проза в русских переводах», «Современная киргизская повесть и проблемы перевода») и теоретических аспектов проблемы автоперевода (монография «Двуязычное творчество Ч. Айтматова»).

Основополагающий вклад в научно-переводческое наследие сделан трудами профессора М. А. Рудова, посвященными проблемам исторической роли перевода, его стадиальности и подготовке национальной литературы к широкой рецепции инокультурного контекста. В рамках этой широкой традиции рождались труды выдающегося культуртрегера Кыргызстана, профессора С. Джигитова, который обосновал концепцию истории перевода в Кыргызстане как одного из векторов развития государственного языка. В рамках школы осуществлялась и деятельность профессора К. Х. Джидеевой, автора мо-

нографий, где впервые обозначена проблема истории перевода русской поэзии на кыргызский язык и творческой методологии переводчиков.

В русле школы и научные интересы нового поколения учёных. В первую очередь это труды профессора В. И. Шаповалова – автора концепции сравнительной типологии кыргызского стихосложения в свете поэтического перевода, обосновавшего теоретические принципы кыргызско-русского поэтического перевода и модель его истории в контексте истории национальных литератур.

Переводческая проблематика находится в центре внимания межведомственного диссертационного совета при Национальной академии наук КР, Кыргызском национальном и Бишкекском гуманитарном университетах по защите литературоведческих и фольклористических кандидатских и докторских диссертаций. Заслуживает интереса спектр исследований молодых учёных, в разное время получивших учёные степени по переводческой проблематике.

Важно также, что в первых же научных сборниках КРСУ (независимо от российских «возрожденческих» установок, которые оформились позднее) проблематика художественного перевода стала одной из актуальных сфер отечественной гуманитарной отрасли и в первую очередь в области литературоведческой компаративистики.

Пограничным моментом стало создание в КРСУ Научно-образовательного центра «Перевод» при управлении инноваций в науке и образовании. Вокруг

Центра сегодня группируются исследовательские силы, здесь реализуются научно-творческие интересы, связанные с теорией и историей художественного перевода в тюрко-славянском контексте. На сегодняшний день Центр установил партнёрские связи с более чем тридцатью исследовательскими структурами Российской Федерации, других стран СНГ, Европы, и этот процесс продолжается.

Переводоведение ещё полвека назад в максимальной степени проявило внимание к вопросам взаимоотношения, взаимовлияния и взаимодействия литератур, к их национальному своеобразию, к рецепции русской литературы. Эта проблематика в Центральной Азии, в первую очередь в Казахстане и Кыргызстане, в последние десятилетия в значительной степени определяется мощной инерцией «евразийской» литературной традиции, деятельностью переводческих сил и сопутствующей им научно-критической поддержкой литературной практики.

Соответственно, применительно к Кыргызстану, как и к другим государствам Центральной Азии, особо следует сказать о той значительной роли, которую сыграла в евразийском контексте деятельность русских поэтов-переводчиков, бесспорно обогатившая творческую палитру «советской школы перевода» художественными открытиями, в том числе в воплощении

на русском языке национальных стихотворных поэтик.

Концептуальный подход к явлению перевода обусловлен глубокой интеграцией национальных художественных культур, их длительным взаимовоздействием. Закономерно, что художественный перевод рассматривался в контексте литературных взаимоотношений как часть и, одновременно, порождающий фактор многонационального творческого синтеза. Переводоведение здесь имело и имеет многовекторный (в собственно литературоведческом континууме) характер, когда предметом исследования являются и общие проблемы прозы, поэзии и драматургии, и конкретные вопросы поэтики, и специфика переводческого процесса, и место собственно перевода в многонациональном историко-литературном процессе.

Сегодня завоевания отечественного переводоведения в глазах российской и евразийской гуманитаристики всё более соотносятся с Кыргызско-Российским Славянским университетом, который в значительной мере продуцирует большие достижения в этой научной отрасли, где в творческом содружестве объединяют усилия учёные разных университетов Кыргызстана и Российской Федерации.

***В. И. Шаповалов**, заслуженный деятель культуры КР, народный поэт Кыргызстана, доктор филологических наук*

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПЕРЕВОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Курманбек Абдыкеримов (1939–1986)

Литературный критик, переводчик. Родился в с. Бурана Чуйского района Кыргызской ССР в семье учителя. В 1956 г. окончил СШ № 5 им. А. С. Пушкина во Фрунзе (на кырг. яз.), в 1961 г. – русское отделение филологического факультета Киргосуниверситета. Печатается с 1959 г.

С 1961 по 1969 г. работал редактором, старшим редактором издательства «Кыргызстан», с 1969 по 1974 г. – зав. отделом издательства «Мектеп», с 1974 по 1979 г. – главным редактором Госкомиздата Кыргызской ССР; с 1979 по 1981 г. – старшим научным редактором Главной редакции КСЭ, а с 1981 г. – старшим научным редактором Главной редакции по изданию Полного собрания сочинений В. И. Ленина на кыргызском языке

Института истории партии при ЦК КП Киргизии.

Автор ряда книг, статей, посвящённых проблемам художественного перевода, а также кыргызского стихосложения. Первый сборник литературно-критических статей «Туркун асерлер» («Многообразие впечатлений») выпущен в 1960 г. Писатель занимается преимущественно художественным переводом на кыргызский язык. Им переведены произведения А. Стендаля, Л. Н. Толстого, А. М. Горького, В. Кожевникова, М. Слущикса, К. Симонова, К. Паустовского и др.

Член Союза журналистов СССР с 1967 г., Союза писателей СССР с 1972 г. Награждён знаком «Отличник печати СССР».

Поэтический перевод и современность

В этой статье затронуты некоторые проблемы переводной литературы. Для анализа взяты в основном поэтические произведения, переведённые на киргизский язык в последние 3–4 года. Но при необходимости автор будет обращаться и к более ранним переводам.

Киргизский народ, который до Великого Октября не мог запечатлеть на бумаге миллионы строк великой эпопеи «Манас», малых эпосов, других жанров богатого народного фольклора, сейчас стал обладателем не только письменной литературы, он на родном языке читает шедевры мировой классики. Этим огромным достижением нельзя не гордиться.

Мы глубоко убеждены в том, что переводная литература сыграла огромную роль в создании и развитии киргизской советской литературы. Художественный перевод глубоко вошел в киргизскую литературу и обогащает её. Художественный перевод нашел широкую дорогу к сердцам тысяч и тысяч киргизских читателей. Ещё Максим Горький – основоположник советской художественной литературы – на I Всесоюзном съезде советских писателей говорил о значении перевода в сближении наций: «Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой национальности, входящей в Союз, переводилось на языки всех народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется,

очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальных черт лица всех племен, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру».

В самом деле, что было бы, если бы культура одной нации оставалась только её достоянием и не распространялась среди других народов, если бы о её существовании никто не знал, если бы на неё не влияли культуры других наций? Разумеется, такая культура была бы обеднённой. Насколько был бы ниже духовный уровень, скажем, немца или русского, англичанина или француза, если бы он с детства не читал корифеев мировой литературы, не был знаком с классикой, и в этом деле, в деле интеллектуального и эстетического развития каждого человека, определенную роль играет переводная литература. Переводная литература сейчас не знает границ. В Англии переводятся книги советских писателей, словаки переводят книги писателей Новой Зеландии... Перевод сближает народы, способствует интернациональной солидарности. Язык принадлежит только одному народу, перевод, образно говоря, является как бы международным языком.

В нашем социалистическом обществе созданы все необходимые условия для того, чтобы богатства культуры каждой нации стали широким достоянием всех наций. И здесь немаловажную роль игра-

ет переводная литература, которой в нашей стране уделяется большое внимание. На переводную литературу отпускаются огромные средства, готовятся кадры специалистов-переводчиков. Вот почему ежегодно переводная литература занимает значительное место среди книг, выпускаемых нашими издательствами. Планы переводных изданий составляются на несколько лет вперед, и с каждым годом переводятся все больше и больше книг.

Киргизский народ, много веков подряд находившийся в тисках патриархально-го строя и ведший кочевой образ жизни, как известно, не имел своей письменной литературы. Социальная, экономическая и художественная культура находилась на очень низком уровне. Единственно, что было широко развито – богатый фольклор, богатое устное народное творчество.

Великая Октябрьская революция, наряду со свободой, открыла киргизскому народу огромные возможности для культурного развития, она создала все возможности для развития новых общественных отношений, таких взаимоотношений, каких никогда не было в истории человечества. Киргизский народ из патриархально-родового строя сразу перешагнул в социалистический строй. Это была небывалая в истории победа.

С первых лет Советской власти на киргизской земле стали происходить невиданные перемены. Буквально за жизнь одного поколения, за очень короткий исторический срок свершились события, которые не могли свершиться и за тысячелетия. Это были исторические вехи, грандиозные сдвиги. На глазах обновлялась земля, в

гору поднималась экономика, ярким букетом цветов расцветала культура. Конечно, все перемены, сдвиги, успехи произошли не за один месяц, не за один год.

Для того чтобы раскрыть весь сложный духовный мир советского человека, строящего социализм, явно не достаточно одного обращения фольклору. Революция, ее боевые походы, ее лучезарные идеи невозможно было уложить в рамки фольклора. Все это должно было найти свое отражение в письменной литературе. И оно нашло, нашло еще в первые годы метода социалистического реализма. В те годы особенно плодотворно поработали первые русские советские писатели, из-под пера которых вышли десятки революционных блестящих книг.

Киргизская советская литература зарождалась, начала крепнуть на двух «китах»: на лучших традициях устного народного творчества и наиболее актуальных произведениях русских писателей. Сейчас киргизская советская литература имеет все возможности использовать богатое мировое литературное наследие. В ее арсенале имеются различные художественные средства освоения мировой классики.

Начало художественному переводу в киргизской литературе положил старейший киргизский советский писатель К. Баялинов. В 1925 году он перевел на киргизский язык «Три пальмы» М. Ю. Лермонтова, а в 1927 году перевел рассказ М. Горького «Макар Чудра». Оба произведения были опубликованы в периодической печати и вскоре вышли отдельными изданиями. Это были пер-

вые переводы, отсюда, повторяем, и берет свое начало переводная литература в Киргизии.

Тут все определено: писатель К. Баглинов действительно впервые перевел вышеупомянутые произведения, они действительно опубликованы в печати, однако с отдельными произведениями русских писателей киргизский народ был уже знаком в конце XIX столетия. Это подтверждается целым рядом фактов и доказательств. Остановимся на некоторых из них.

Откуда, скажем, близость, сюжетная схожесть между баснями классика киргизской литературы Тоголока Молдо (Байымбета Абдырахманова) и великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова? Их схожесть не случайна.

Тоголок Молдо был одним из немногих грамотных людей своего времени, человеком с передовыми, прогрессивными взглядами. Очевидцы, современники акына, утверждают, что он бегло мог читать книги, издававшиеся на тюркских языках. В его годы очень популярны были известные просветители казахского народа Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев, видный акын татарского народа Абдулла Тукай. Они знали русский язык и переводили на казахский и татарский языки те басни Крылова, которые случайно или по стечению обстоятельств попадали к ним в руки. Эти переводы распространялись в списках, а иногда и печатались.

Перед поэтическим переводом, перед киргизскими переводчиками стоят большие задачи. К сожалению, до сих пор киргизский массовый читатель по-настоящему не приобщился к Байрону,

Лермонтову, Гейне, Мицкевичу, Некрасову. Хотя их произведения частично и переведены, но эти переводы очень низкого качества, они не отвечают запросам читателей, в них много искажений. Настало время заново перевести названных поэтов, и поручить это дело следует опытным, талантливым переводчикам.

Мало еще переводится русская советская поэзия и поэзия народов СССР. Киргизский читатель, правда, получил сборники Н. С. Тихонова, А. А. Суркова, С. Я. Маршака, С. Вургуна, П. Тычины, С. Михалкова, А. Прокофьева, К. Чуковского и других. Но этого не достаточно. Очень жаль, что до сих пор не переведены и не изданы отдельными сборниками произведения Есенина, Багрицкого, Брюсова, Кедрина, Чаренца, Луговского, Светлова... Каждый из этих поэтов имеет свой интересный поэтический голос, оригинальную творческую манеру. Поэтому было бы неплохо разнообразить арсенал киргизской поэзии новыми художественными средствами, чем богато творчество перечисленных поэтов.

Киргизскую советскую поэзию желательно обогатить также произведениями Гете, Шиллера, Бернса, Уитмена, Незвала, Неруды, Бехера и других поэтов, кто оказал огромное влияние на развитие мировой поэзии.

Думается, киргизская поэзия, наш поэтический перевод имеют все возможности, чтобы успешно решить эти задачи.

(Абдыкеримов К. Поэтический перевод и современность // Стих и искусство перевода: сборник литературно-критических статей. Фрунзе: Мектеп, 1970).

Джидеева Клара Хусаиновна
(1940–2011)

Учёный, педагог, общественный деятель. Окончила Пржевальский педагогический институт. Первая публикация – статья «"Джамия" – образ советской киргизской женщины» издана в сборнике студенческих работ в 1961 году. Свою жизнь в науке посвятила изучению лирики выдающихся русских поэтов XIX–XX веков в киргизских переводах, исследованию истории развития русско-киргизских литературных связей. Особое место в творчестве занимает монография «Поэтический перевод и историко-литературный процесс. Из истории поэтического перевода русской классики в Киргизии» (Фрунзе, 1980).

Как заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, декан филологического факультета профессор К. Джидеева 25 лет своей творческой и педагогической деятельности посвятила развитию Киргизского женского педагогического института (ныне – Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева). Разработала авторский курс «Основы теории и практики перевода». Учебник-хрестоматия «Русская литература для 8-х классов киргизской средней школы», написанный в 1974 г. в соавторстве с московским учёным З. С. Смелковой, переиздавался более одиннадцати раз и до сих пор активно используется в киргизской школе.

К. Х. Джидеева – заслуженный деятель образования КР.

На пути к реалистическому переводу (70-е гг.)

*«Поэзия требует поэтов,
только поэтов для своего перевода».*

Рассмотрение истории поэтического перевода позволяет уловить взлеты, подъемы его развития, периоды замедления, отступления от уже завоеванных позиций, расширение его системы и

П. Антокольский углубление структуры. Увеличение переводческого фонда идет непрерывно, и на первый взгляд – стихийно. Но за внешней стихийностью отбора произведений для воссоздания на другом языке кроется

действие внутренних закономерностей, присущее движению перевода в его связи с национальной литературой и относительной самостоятельности. Так, история перевода в Киргизии позволяет наблюдать циклическое возвращение к одним и тем же именам представителей русской поэзии, и более того – к одним и тем же творениям классиков. Внимание переводчиков вновь сосредоточивается на них всякий раз, когда время выдвигает новые эстетические и художественные задачи, когда нужно было на живой практике проверить реальность использования новых возможностей, предлагаемых литературным творчеством в его поступательном развитии; играет роль и субъективный фактор – жажда талантливых деятелей искусства испытать свои творческие силы, померяться ими с предшественниками в трудном деле художественного перевода.

Но главное заключается в том, что любое движение в области литературы и искусства, и в том числе, перевода, основывается на диалектической связи традиций и новаторства. В этой связи наряду с определяющим действием закона преемственности проявляется действие и фактора отталкивания от достигнутого. Без этого невозможно идти дальше, вперед. И последнее. В сферу перевода включаются, прежде всего, высшие творения лучших представителей искусства слова; рецепция инационального художественного опыта через перевод осуществляется в значительной мере так и таким образом, как это обуславливается внутренними потребностями национальной литературы, национального эстетического сознания, которые обращены в процессе

взаимодействия с художественными культурами других народов к их высшим образцам. А такие образцы и представляли классики поэзии Пушкин, Лермонтов, Маяковский. Обращением к ним не случайно открывался всякий раз новый этап истории перевода в Киргизии.

В 70-е годы на киргизском языке вышло несколько книг Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Многочисленные переводы их произведений публиковались на страницах периодической печати. Молодая смена переводчиков вслед за средним и старшим поколениями пробовала свои творческие силы, обращаясь к воссозданию шедевров великих русских мастеров прошлого. У русских художников слова они научились зоркости социального взгляда, масштабности художественного мышления, тонкости восприятия и постижения человеческих характеров, движений человеческого сердца во всей их сложности. В эти годы, как никогда прежде, особенно часто возникало большое количество переводческих вариантов одних и тех же произведений. На них лежит печать горячности соревнования, внутреннего напряжения, соединенного со все возраставшей личной ответственностью перед читательской аудиторией за качество перевода.

Открытие новых имен и произведений, представляющих в переводах русскую поэзию на киргизском языке, происходило как бы по расширяющемуся кругу. Если рассматривать дело перевода ретроспективно, то не трудно увидеть: почти никогда осуществленные переводы не оставались эпизодическими явлениями. Как правило, к ним добавлялись новые

и в результате появлялись живые ветви многоцветного дерева поэтического перевода, выращенного в саду национально-искусства слова. Особенно наглядно это проявляется в 70-е годы.

Если в 60-е годы А. Блок, С. Есенин только-только входили в киргизскую литературу лишь отдельными переводами их произведений, то в 70-е уже увидели свет первые сборники их стихотворений и поэм¹. Особенно активизируется интерес к поэзии С. Есенина. Это притяжение было обусловлено волной всесоюзного внимания к его творческой индивидуальности.

Как известно, в 60-е – 70-е годы начался стремительный процесс научного осмысления творческого опыта С. Есенина; его места в современности. Киргизские поэты, охваченные всеобщим порывом, с большим внутренним подъемом воспринимали поэзию С. Есенина, что побуждало их к воссозданию его поэтических произведений на родном языке. «Персидские мотивы» были переведены С. Жусуевым, С. Эралиевым, Э. Турсуновым, С. Акматбековой; «Песнь о собаке» – С. Жусуевым, Р. Рыскуловым, К. Бобуловым; «Лебедушка» – С. Жусуевым, Ш. Келгенбаевым и т. д. Примечательно, что в числе переводчиков мы не видим имен ветеранов киргизской поэзии – А. Токомбаева, К. Маликова, К. Баялинова. В 70-е годы переводческая эстафета полностью переходит в руки среднего и младшего поколения национальных писателей. Их представители как бы заново открывают

¹ Блок А. Стихи и поэмы. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. 102 с. (пер. С. Эралиева, С. Жусуева); Есенин С. Черемуха. Фрунзе, 1974. 54 с. (пер. С. Жусуева, К. Ырсалиева).

для себя мир русской поэзии во всей ее первозданной красе и свежести. В то же время, они не выпускают из виду путей, проложенных их предшественниками.

В отборе произведений для перевода продолжается ценная традиция постоянного, последовательного обращения к программным, наиболее сложным произведениям из русской поэзии. Так, наследие Н. А. Некрасова на киргизском языке обогатилось зрелыми реалистическими переводами новых произведений. Особенно знаменательно то, что была переведена поэма «Кому на Руси жить хорошо». После «Евгения Онегина» этот перевод явился второй значительной работой Э. Турсунова над воссозданием русской поэзии. Приверженность Э. Турсунова к произведениям, создавшим литературную эпоху, его непрестанная готовность работать над различными стилями, увлеченность решением самых трудных переводческих задач вызывает особое уважение и заставляет внимательно приглядеться к принципам, которых он придерживается.

«Кому на Руси жить хорошо», выпущенная издательством «Мектеп», предназначалась для школьников старших классов. Киргизские дети в девятом классе подробно изучают творчество Некрасова по учебнику, составленному ведущим методистом и ученым Киргизии Л. А. Шейманом². В его талантливой книге дается доступный, бережный глубокий комментарий жизни и деятельности русского поэта-демократа. Особым разделом выделена поэма «Кому на Руси жить хорошо», где четко

² Шейман Л. А., Абдулина Э. Ш. Русская литература. Учебник для IX класса киргизской школы / 9-е изд. Фрунзе: Мектеп, 1979. С. 185–241.

и проникновенно характеризуется народный пафос, народный стиль программного произведения Некрасова. Киргизские школьники, изучая и эстетически осваивая поэму, невольно внутренне «переводят» ее в плоскость своего художественного сознания, образных национальных представлений, присущих родной речи. Поэтому хороший перевод мог способствовать еще более глубокому прочтению художественного текста. <...>

Обращение переводчиков к поэме «Кому на Руси жить хорошо» объясняется тем, что она является сосредоточением передовых революционных идей, благородных чувств, гуманизма. Э. Турсунов упорно стремится передать присутствие народной точки зрения в поэме «Кому на Руси жить хорошо». <...> Перевод дает почувствовать, что Э. Турсунов верно уяснил ведущую концепцию произведения. Он сопровождает текст небольшими, необходимыми для его понимания, примечаниями (например, дает разъяснения словам «временно-обязанные», «царска грамота», «Переметьев», «Губонин», «венгерка», «царские именины», «двухнадесятый праздник», «день Симеона», «питерщик», «Корежина», «по всей Сибири славится», «по манифесту царскому», «раб-славянин» и др. Кроме того, он обращает внимание читателей на социальный смысл значимых названий некрасовских деревень и приводит к ним киргизские эквиваленты). <...>

Такая вдумчивая работа переводчика вела к тому, что ее результаты способствовали воспитанию у читателя, особенно юного, навыков вдумчивого, заин-

тересованного чтения, создавали основу для восприятия произведения в рамках атмосферы своего времени. Таким образом закладывались в истории киргизского перевода начала научного подхода к воссозданию русской и мировой поэтической классики.

Характеризуя перевод Э. Турсунова, следует отметить, что он выполнен в духе лучших традиций киргизского поэтического перевода. Народный стиль поэмы направляет воображение переводчика к стихии фольклорных традиций, осмысливаемых с точки зрения конкретных творческих переводческих задач. Он находит нужную народно-поэтическую ритмическую организацию стиха, склада речи, которые оказываются функционально идентичными русскому оригиналу. Вот, например, характеристика мужиков-спорщиков:

Өжөр мужук – өгүз да,
өз билгенин бербеген.
Бир ой түшсө башына,
Бир пикирге келбеген
В оригинале:
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!¹

Вслед за А. Осмоновым, У. Абдукаимовым Э. Турсунов показал пример тончайшего использования неисчерпаемых богатств народной поэтики и еще раз подтвердил на практике теоретическую мысль о том, что поэтический перевод может и должен звучать художественно и быть

¹ Некрасов Н. А. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М.: Правда, 1954. С. 4.

адекватным подлиннику, а переводчик, не копируя внешней красоты оригинала, способен создавать талантливые произведения по законам и в русле художественного видения воссоздаваемого автора. <...>

В 70-е годы в новых, достаточно пестрых и разнообразных переводах отчетливо улавливаются те существенные изменения, которые намечаются в переводческом методе. Нарастает объективизация поэтического перевода. Киргизские поэты острее ощущают всю многосложность первоисточников и стремятся максимально сохранить и представить в переводе узловые индивидуальные художественные черты и признаки на уровне эстетических открытий. Отсюда увеличение стилевых поисков, что явилось одним из факторов активизации и расширение диапазона художественного мышления киргизских поэтов. Эти творческие сдвиги отчетливо запечатлелись в переводах талантливых киргизских поэтов С. Эралиева, С. Жусуева.

Переводческую манеру С. Жусуева отличает кропотливый поиск универсальных решений проблемы воссоздания инонационального текста. Но если в предыдущие периоды это проявлялось только в отдельных его работах, присутствовало в виде неразвернутых деталей, то в 70-е годы превращается в самостоятельную творческую линию, которая приносит плодотворные результаты. Рассмотрим эту эволюцию на переводах из произведений С. Есенина.

Знакомясь с работами С. Жусуева, можно выделить одно удивительное свойство, рожденное, вероятно, его искренней

влюбленностью в поэзию С. Есенина. Его переводы воспринимаются как одна песня, как воплощение самых сокровенных душевных движений, которые текут плавно, сохраняя своеобразие индивидуального голоса:

Жактырам да, турналарды аяймын,
Куркулдашып өткөн мында калалбай.
Бир жеринен ушунча кең талаанын,
Курсак тоёр бир ууч эгин табалбай¹.
(«Низкий дом с голубыми ставнями»)

Достигает переводчик подобной органичности путем сознательного отбора незамутненных, светлых, глубоко лирических, романтически настроенных произведений и воссоздания бытия поэтического мира С. Есенина. Отправной точкой, которая помогла ему выстроить цельный образный мир русского поэта, послужило уяснение лейтмотива его лирики – чувства сыновней нежной любви к Родине, России. Эта любовь живет в переводах естественной жизнью, проявляясь в цветении черемух, в угасании осени, в переливах красок Руси, в сердечности чувств, необыкновенной образности и напевности:

Алтын токой сүйлөп бүттү сумсайып,
Ал өзүнүн шайыр кайың тилинде.
Каркыралар учуп өттү муңканып,
Эч бирөнөү аяп койбой дилинде.

Так начинается по-киргизски один из шедевров есенинской лирики – «Отговорила роща золотая...». Киргизский поэт сохранил оригинальные черты есенинской лирики, окрашивающие мир его поэзии

¹ Есенин С. Избранные стихи и поэмы. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. С. 43.

в неповторимые тона. Они присутствуют не как пассивные детали, а в сцеплении, созвучии с другими элементами, организуясь в живой организм перевоплощения подлинника на другом языке. Поэтому так по-особому мелодично и волнующе льются строки Есенина на киргизском языке:

Эгер мезгил шамал экее ээлиге,
Баарын топтоп, таштап койсо тигинде.
Алтын токой суйлеп бутту дегиле,
Ал езунун пазик, мукам тилинде.

Мир поэзии Есенина, проникновенно воссозданный С. Жусуевым, обогащает киргизскую литературу свежими образными открытиями, вызывает в сознании и чувствах читателей особую симпатию и любовь к русскому поэту. В этом отразилось важное свойство переводческой манеры С. Жусуева. Он относится к переводчикам, которые стремятся вызвать оживленный читательский интерес к инонациональному поэту. Он выбирает произведения ясные, звучные, не отягощенные сугубо национальными реалиями, орнаментами церковнославянской лексики; прибегает в работе к устоявшимся образным построениям.

Умение определить поэтические моменты оригинала, где можно отойти от текста, а где необходимо достичь буквальной точности, не в этом ли выражается одна из тайн переводческого дара?! Именно с подобным мы и сталкивались в случае с С. Жусуевым.

Иной берег поэзии Сергея Есенина раскрывает С. Эралиев. Он перевел большинство стихотворений цикла «Персидские мотивы», (кроме двух стихотворений: «Улеглась моя бывлая рана»... и

«Шаганэ ты моя, Шаганэ...») Они переведены С. Жусуевым).

С. Эралиев обратился к Есенину в расцвете творческих сил. Величие поэзии русского художника слова влекло и манило его воображение. Именно увлеченность пронизывает работы С. Эралиева. Это придает переводам обаяние художественной пластики:

Ушул бүгүн мен сурадым сараптан,
Жарым жүзгө канча бир сом келерин.
Лалам үчүн жанды тартып бараткан,
Перси тилде «сүйүү» кандай делерин?
В оригинале:
Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Если С. Жусуев стремится слиться с образным миром Есенина, то С. Эралиев направляет свои творческие искания к тому, чтобы вызвать у читателей ощущение того, что они находятся во власти эмоции красок, звуков инонациональной поэзии. В этом мы видим своеобразие переводческой манеры С. Эралиева.

Достигает он подобного эффекта не путем насилия над киргизским языком. С. Эралиев умел мастерски открывать в недрах киргизского языка самые необходимые стилистические ресурсы и подчинять их внутренним закономерностям переводимого произведения.

История поэтического перевода многократно убеждает в том, что постижение внутренних закономерностей оригинала – это первооснова для творческого адекватного воссоздания. Не достигнув этого, пе-

реводчик обычно бьется как рыба об лед. Он оказывается не в состоянии преодолеть языковую преграду, скользит по поверхности слов, теряет чувство вдохновения.

В Киргизии за последние десятилетия вышло немало значительных работ киргизских переводчиков: «Василий Теркин» А. Твардовского, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, стихотворения С. Есенина и др.

Среди задач, поставленных перед киргизскими писателями, самое видное место принадлежало задаче издания произведений А. С. Пушкина в новых переводах. В 70-е годы, через одиннадцать лет после выхода на киргизском языке отдельным изданием произведения Пушкина были переизданы в прежних переводах. [Однако] страницы истории освоения поэзии русского поэта неотвратимо вели киргизских деятелей поэтического перевода к самым сложным, неразгаданным звеньям – поэмам, лирике. «Бахчисарайский фонтан» был переведен Ж. Абдыкалыковым, «Кавказский пленник» – Б. Карагуловым, «Цыганы» – Ж. Садыковым, «Полтава» – С. Эралиевым, «Медный всадник» – С. Жусуевым, лирика – Ж. Садыковым, Ж. Абдыкалыковым, С. Жусуевым. Каждый имел к этому времени немалый переводческий опыт, стиховая культура их оригинального творчества была достаточно высока. Перед ними не стояла проблема подстрочника, они владели русским языком. Переводчики имели перед собой по несколько переводческих вариаций, располагали богатыми ресурсами братских литератур по воссозданию поэзии А. С. Пушкина. И все же несмотря на столь «идеальные» предпосыл-

ки, киргизские переводчики стояли перед труднейшей задачей – задачей перевода А. С. Пушкина в современных условиях.

Во все времена переводчики держали экзамен перед читателями. Но экзамен в современную эпоху в корне отличался от прежних в первую очередь тем, что уровень эстетического сознания киргизских читателей в корне изменился. Ушло в историю время, когда переводчиков волновало, что инонациональные произведения могут быть не восприняты, не поняты читателями. Выросло поколение читателей, которое свободно воспринимало произведения русских поэтов в подлиннике. У этого поколения были особые требования к переводу. Само время определяет главную цель переводчиков. Они должны максимально уменьшить различия между оригиналом и переводом, с исчерпывающей полнотой воссоздать самые, казалось бы, неуловимые нюансы духа и мысли оригинала. Для этого переводчики должны были уяснить для себя внутреннюю логику поэтической системы, уловить ход переживаний, выделить ключевые слова, несущие в себе основной эмоциональный и интеллектуальный заряд, определить закономерность художественной структуры воссоздаваемых произведений, то есть на более высоком художественном, эстетическом уровне прочесть и воссоздать оригинал. В новых переводах 1980 года представлена широкая панорама пушкинской лирики – более ста стихотворений.

Переводчикам становятся подвластны все новые и новые поэтические миры Пушкина. Процесс восприятия и воссоз-

дания оригиналов все более отходит от описательности, все более расширяет горизонты воссоздания целостного конкретно-образного бытия пушкинской поэзии.

Поэзия Пушкина – великий учитель в воспитании эстетического отношения к языку. Одна из стержневых задач современных переводчиков его – не галопом скакать по строкам произведений русского поэта, а развернуть перед читателями такое чудо ювелирного словесного искусства, которое не только перекликалось бы с недостижимой речевой культурой Пушкина, но и открывало неизведанные горизонты киргизского поэтического слова.

Итак, рассмотрев заметные и значительные работы киргизских переводчиков 70-х годов, мы сможем с полным основанием говорить о поступательном развитии поэтического перевода русской классики в республике. Творческие открытия наблюдаются на всех уровнях переводимого текста, хотя не всегда они проявляются одновременно. Каждый перевод находится в неоднозначных, но органических связях с предыдущими вариантами. Поэтому в современном поэтическом переводе русская поэзия предстает как единая идейно-художественная система, аккумулирующая в себе позитивные традиции предшествующего опыта и одновременно преодолевающая инерции, тормозящие поступательный ход развития искусства поэтического перевода. Отсюда то сложное, многообразное, порою противоречивое, динамичное переплетение различных форм восприятия и воссоздания. Лучшие переводы четко и выразительно отражают пути форми-

рования у киргизских художников слова принципов реалистического перевода.

Наряду с этим следует отметить еще одно явление, проявившееся в ходе развития переводческого искусства. По мере дальнейшего повышения профессионального уровня киргизской литературы, казалось бы, воссоздание русской поэзии будет меньше встречать на своем пути препятствий, трудностей. Но ход истории перевода показывает, что чем более национальная литература набирает силы, тем больше неразгаданных тайн открывает перед нею русская поэзия, тем усложняются проблемы поэтического перевода. Это объективно обуславливает и то изменение количественных и качественных величин в деле перевода русской поэтической классики, которое наблюдается на современном этапе. Факт более осторожного и отсюда более редкого обращения к русской классике неправомерно было бы объяснять следствием понижения интереса к ней: наоборот, именно возрастание углубленного интереса влечет за собой повышение ответственности и, следовательно, осторожности. Логика развития истории поэтического перевода в Киргизии убеждает нас в том, что ориентация на русскую классику являлась и является поныне ведущей закономерностью в становлении и развитии переводной литературы, составной части киргизской национальной художественной культуры.

(Джидеева К. Х. Поэтический перевод и историко-литературный процесс: Из истории поэтического перевода русской классики в Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1980. С. 147–187).

Чолпон Токчороевна Джолдошева (1929–2016)

Известный учёный, член-корреспондент Национальной академии наук, заслуженный деятель науки Кыргызстана. Родилась во Фрунзе, в семье первого народного комиссара просвещения Киргизской АССР Токчоро Джолдошева, репрессированного в конце 30-х годов, и заслуженной учительницы Акимы Оторбаевны Джолдошевой.

В 1952 году окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Научно-педагогическая деятельность связана с Кыргызским государственным университетом (ныне – Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына): прошла путь от аспирантки до профессора, много лет заведовала кафедрой теории и истории русской литературы.

Доктор филологических наук (1983), профессор (1984), член-корреспондент АН Киргизской ССР (1989). Заслуженный деятель науки КР (1993).

Автор научных работ в области русской и киргизской литературы, теории перевода. Под ее руководством защищены 1 докторская и 6 кандидатских диссертаций. Награждена орденом «Данакер» (2001), медалями СССР, российской медалью Пушкина (2004).

Лирическая поэзия Касыма Тыныстанова в русских переводах

Касым Тыныстанов, выдающийся деятель культуры и образования в эпоху становления кыргызской советской государственности, педагог-просветитель, ученый-языковед, один из основоположников литературно-письменной поэзии, драматург, прозаик. В его многообразном интеллектуально-творческом наследии, от которого сохранилось, увы, немного, особое

место занимает поэтическое творчество.

Тыныстанов начинает писать с 1919 года, когда, после возвращения из Китая, становится студентом Института просвещения (в Ташкенте). Вскоре он начинает публиковать свои первые произведения – и с этого времени печатается в газетах, выходящих в Ташкенте и Алма-Ате на казахском языке. Поэтому

молодой автор, одинаково владея родным и казахским языками, первые свои стихотворения пишет и публикует на казахском языке: такова была социокультурная обстановка. На казахском языке Касымом были написаны 12 стихотворений, опубликованные в 1920–1921 годы. В 1920–1924 годы – уже на родном языке – им написаны 30 стихотворений и первая кыргызская, романтическая по складу, поэма – «Жаңыл Мырза». Все эти произведения составили первую книгу стихов, изданную в Москве в 1925 году. Небезынтересна такая деталь: в этот сборник вошло и первое в истории кыргызской литературной поэзии переводное произведение – перевод басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

Трагическая судьба Касыма Тыныстанова, как и многих славных его современников – первых кыргызских государственных, ученых, просветителей, погибших в пору репрессий, сделала невозможным своевременный перевод его произведений на другие языки. И огромный, полувековой период развития киргизской советской литературы прошел без участия его творчества в литературном процессе. К переводам наследия поэта русская литература обратилась только спустя много лет. В задачи данной статьи – одного из первых обзоров творчества Тыныстанова как факта переводной литературы – не входит анализ его авторской, равно как и переводческой поэтики, сопоставления переводческих подходов и т. п. Наша цель – ввести эту проблему в круг исследований, привлечь к ней внимание молодых литературоведов.

Напомним, что в 1982 году была проведена окончательная реабилитация имени Тыныстанова, и в 1982 году член комиссии ЦК КП Киргизии и СП СССР, кандидат филологических наук, молодой тогда, но уже признанный поэт-переводчик, ныне народный поэт КР, В. И. Шаповалов обратился к переводу лирики Касыма Тыныстанова. Сразу же (как он сам пишет) обратил внимание на замечательную поэму «Жаңыл Мырза». Ему был передан хранящийся в запасниках Союза писателей Киргизии подстрочный перевод книги «Касым ырларынын жыйнагы». Позже, спустя некоторое время, решив сосредоточиться на переводе поэмы как знакового произведения в истории кыргызской литературы и оставив для себя часть «поздних» лирических стихотворений, В. Шаповалов передал некоторую долю подстрочников лирики Тыныстанова (преимущественно ранней) одному из своих наставников – профессору М. А. Рудову, известному литературоведу и критику, знатоку кыргызской литературы – для перевода лирики Тыныстанова на русский язык. Была попытка привлечь к этим переводам также и поэта-переводчика, редактора издательства Кыргызстан Николая Пустынникова, но он по каким-то причинам не смог перевести доверенные ему немногочисленные тексты. Таким образом, поэтическое наследие К. Тыныстанова существует сегодня в результате работы двух переводчиков, представителей двух поколений – Михаила Рудова и Вячеслава Шаповалова.

В 2000-м году Кыргызский национальный университет предпринял важ-

ную культурную акцию: по инициативе ректора, академика А. Ч. Какеева и проректоров В. И. Шаповалова и И. Ч. Исамидинова начались подготовка и издание трудов, отражающих неизвестные страницы культурной и политической истории страны. Успели издать четыре книги, получившие большой резонанс, в том числе и за пределами Кыргызстана: двуязычный двухтомник «Сборник стихов Касыма» и материалы научной конференции «К. Тыныстанов и отечественная культурная история XX века», книгу материалов международной конференции об Альберте Эйнштейне, книгу материалов о старейшем кыргызском ученом Кусейине Карасаеве, книгу материалов об известном правозащитнике, академике Дм. Сахарове и сборник «Эпос “Манас” как фактор культурной интеграции XX века», посвященный 90-летию известного поэта, переводчика эпосов С. И. Липкина.

Вышедшая к 100-летию поэта, возвращенная национальной культуре книга, два или три экземпляра которой под страхом репрессий скрывались в домашних архивах, стала знаковым переизданием, и теперь сама уже (ее тираж и в 2001 г. был небольшим) стала раритетом.

Следует отметить, что впервые в Кыргызстане в этой книге был использован международный формат публикации переводов, по опыту такого рода изданий в Европе и России – напечатаны параллельно казахские и кыргызские оригиналы стихотворений поэта и их русские переводы, включая перевод поэмы «Жаныл Мырза». Впервые были про-

демонстрированы варианты переводов, которые возникли, потому что М. Рудов и В. Шаповалов, увлекшись, перевели не только оговоренный для каждого из них корпус текстов, но и ряд других стихотворений. Это обогатило культурную палитру книги...

Большинство стихотворений, написанных на казахском языке, отличаются публицистичностью, это агитационная лирика в традициях эпохи, она воспекает «зарю новой жизни», но уже в этих первых произведениях чувствуется оригинальность, самобытность поэтического мышления Касыма Тыныстанова. Характерно в этом отношении стихотворение «Таң» («Рассвет»), которым открывается «Сборник стихов Касыма». Стихотворение строится на контрастах света и тьмы, черного и светлого, живого и мертвого. Поэт вводит в стихотворение образы-символы пробудившегося Востока, ликующей живой природы, сияющего солнца, озаренной светом Вселенной:

Жаркырап күн шыгыштан агарды таң,
Оянды уйкусунан ар түрлүү жан.
Бурунгу кара туннен кутулганга
Сүйүнүп жан-жанывар салады аң...

На Востоке забрезжил утренний свет,
Пробуждается все живое окрест,
Отступает сегодня темная ночь,
Мир живой, ликуя, встречает рассвет...
(пер. М. Рудова) [1, с. 12–13]

Эти образы-символы призваны выразить главную мысль поэта о гранди-

озности, масштабности тех изменений, которые, по убеждению его поколения, привнесла революция в жизнь трудового народа (хотя слова «революция» в тексте стихотворения нет). Публицистический характер носят также и агитационно-призывные стихотворения Касыма, обращенные к молодежи, написанные в форме послания: «Жастарга» – («Юным»), «Кыз карындастарыма» («Сестрицам»), «Ырас ак, жаксы заман...». Дидактическая направленность этих стихотворений идет от традиционной акынской поэзии. «Акын-соловей» – поэт, сам юный по возрасту, в стихотворении с посвящением «Соловью» («Булбулга»), обратился к молодежи с призывом защищать свободу, закон и право, которые принесла народу революция, овладевать знаниями, чтобы иметь возможность шире взглянуть на окружающий мир. В концентрированном виде эти идеи молодого поэта нашли воплощения в его программном стихотворении «Алашу» – в свое время самом известном стихотворении десятилетия:

Алаш, наш предок, в твой беспечный век
Жил беззаботно каждый человек,
Кумыс порой перемежал айраном...
Безбедных дней был незаметен бег.
Твои джайлоо не трогала беда,
Паслись на склонах гор твои стада,
Никто не торопил тебя – неспешно
Струилась жизнь, как тихих рек вода...

Ырас ак, жаксы заман, ниети кең,
Кары жас, аел, эркек – баарына тең.
Бирдей деп окуу окумай бекер жатма
Баскага окумасаң болорсуң жем.

Вот замыслов и целей новых клад!
Здесь все равны, здесь рядом стар и млад.
Учись же грамоте, слепец вчерашний,
Проспишь эпоху – пробудись же, брат!
(пер. В. Шаповалова) [2, с. 312]

Стихотворение завершается требованием поэта решительно взяться за дело образования и просвещения, неслучайно в заключительных строках автор использует императивную интонацию, глаголы повелительного наклонения:

«Бул заман – окуу-билим заманасы,
Иске кир, белинди буу, бекем устап!».

Известно, что молодежное политическое движение «Алаш» было впоследствии разгромлено, а в вину поэту неоднократно ставились эти его романтические мечты о новом будущем нового общества.

В лирике Касыма Тыныстанова явно пробиваются автобиографические мотивы, навеянные фактами жизни поэта: побег в Китай в подростковом возрасте в 1916 году, голод, нужда, унижение на чужой земле в Ак-Суу, годы учебы в Ташкенте. Автобиографические мотивы пронизывают такие стихотворения, как: «К...», «Иссык-Кулю», «Шакирт», «Аруак», «Ала-Тоо». Тоска по родине, с которой поэт разлучен по разным причинам, боль от разлуки с Иссык-Кулем чувствуется в таких словах «Кайдасын кен Ысык-Көл, тууган жерим!». С волнением признается поэт в любви к своей родине – Прииссыккулю:
Жактырткан Ысык-Көлдө бир каухар тас
Мың санап жоругунду айланды бас,

Журт үшүн алыс жерде жүрсөм дагы
Көкүрөк сени ойлайды, көзүмдө жас!»

Манит Иссык-Куль, как волшебный алмаз,
И я о тебе вспоминаю тотчас,
От родины ради народа вдали,
И сердце теснится, и слезы из глаз!».
(пер. М. Рудова) [1, с. 34–35].

Эти искренние слова и ныне волнуют и трогают души читателей, свидетельствуя о том, что поэзия бессмертна, когда она идет от души и в ней нет ни одной фальшивой ноты.

Ведь только то достойно поклонений,
Что перешло от прошлых поколений,
Обычаи отцов, наследство дедов –
Нетленное богатство юной смены
(пер. М. Рудова) [1, с. 75]

Стихотворения, созданные в 1922–24-е годы, явились новым этапом в творчестве поэта, эволюция которого шла стремительно. В стихах этих лет начинают господствовать уже иные мотивы, иные настроения. Поэт отходит от прямого выражения восторга, радости, ощущение счастья жизни сменяется тревожным настроением, беспокойством. Появился образ рока, случая, играющего в жизни человека огромную роль:
Люби и обнимай, ликуя снова,
Но каждому своя петля готова.
Твоя судьба – в листах бумаги белой –
Смесь капель крови с жемчугами слова...
«Калемге» («Перу»), пер. М. Рудова
[1, с. 78]

Одновременно у взрослеющего поэта нарастает глубоко выношенная патриотическая интонация, ощущение общности с народом в его историческом пути. Таково стихотворение «Гробница Манаса», переведенное В. Шаповаловым:

Мчит камня злая горная вода,
Дни струятся – превращаются в года,
С Ала-Тоо стекают в Чуйскую долину.
И река Талас прозрачна, как слюда.
На таласском крутосклонном берегу,
Словно вызов, смело брошенный врагу,
Встал гумбез –
Здесь погребен Манас-воитель,
Здесь грядущее у прошлого в долгу.

Был гумбез давно, как видно, возведен,
Может, жизнь свою веками мерит он,
О герое, что почил под этим сводом,
Если сможет, тайны все поверит он.
Древней вязью вся расписана стена –
О Манасе повествуют письмена,
Жаль, что время стерло все неумолимо –
И деяния людей, и имена. [1, с. 97–98]

Намеченное в таких стихотворениях ощущение истории народа и отечества становится доминантой творчества у Тыныстановы в поэме «Джаныл Мырза»:

Ревет толпа.
Вдруг, сразу, – тишина:
Джаныл!..
И появляется она,
Под нею пляшет серый иноходец,
Как лед, ее улыбка холодна.
Как в прежние промчавшиеся дни,
Очей пылают черные огни,
Чернь тонких стрел, и серебро булата,

И кованое золото брони...
Сквозь замершие толпы мчит она
Все дальше –
Навсегда, озарена
Каким-то неземным прощальным светом!..
Людская расступается стена.
(пер. В. Шаповалова) [1, с. 149–150]

Считается, что эта, вершинная по мастерству для национальной литературы поэма нашла аналогичное воплощение и в русском переводе В. Шаповалова, который удостоился щедрой похвалы великого переводчика «Манаса» С. И. Липкина. В последние годы своей долгой жизни Мастер писал ученику: «Киргизы должны быть Вам благодарны за отличный перевод поэмы Касыма «Джаныл Мырза». Как замечательно звучит по-русски рисунок глаз «Очей пылают черные огни, Чернь тонких стрел, и серебро булата, И кованое золото брони...». Особенно оказалось мне дорогим и близким Ваше отношение к киргизам – не ласковый взгляд сверху вниз, а серьезное понимание...».

«Сборник стихов Касыма» показывает, что поэт осознанно, с первых своих опытов, искал и силой своего дарования находил новые для кыргызской художественной культуры литературно-художественные принципы изображения жизни человека, его внутреннего мира в сложности и противоречиях своей эпохи. Оценивая вклад Касыма Тыныстанова в становление киргизской лирической поэзии, известный литературовед О. Ибраимов писал: «Сборник, несмотря на его малый объем, представляет собой явление уникальное... Практичес-

ки каждое стихотворение свидетельствует о необычно динамичном творческом, профессиональном росте автора, прошедшего путь от подражательства определенным образцам до самостоятельных поэтических находок, творчески – в киргизской лирической поэзии» [6, с. 43].

К этой высокой оценке можно было бы добавить, что сочетание новых принципов изображения человека с традициями фольклорной и акынской поэзии и вообще характерная черта поэтического творчества К. Тыныстанова, именно здесь заложен самый осязаемый вектор его прогресса. В творчестве поэта практически сразу проявились черты новых жанров, зазвучали новые интонации лирической поэзии. Это характерно не только для агитационно-публицистической, но и в еще большей степени для пейзажной и любовной лирики поэта, в которой сильно ощущается творческое восприятие традиций русской поэзии – и прежде всего традиций пушкинских.

Ряд его стихотворений резко контрастирует с господствовавшей тогда агитационно-публицистической традицией, и пушкинская, лермонтовская пронзительная грусть звучит в его стихах. Хотелось бы почти полностью привести один из лирических шедевров Касыма:

Зябко человеку порой,
Зимней ночью он одинок.
Воет вьюга зло за стеной,
Слабенький в окне огонек.
Еле-еле лампа горит,
Падает мерцающий круг.
Еле слышно песня звучит –

Нежный голос, дрогнувший звук.
 Эта песня – сердца секрет,
 Все, что пряталось – наяву,
 Детский страх лишь ею согрет:
 Для чего на свете живу?
 Притомился дедов комуз,
 Эту песню петь суждено,
 И слова срываются с уст
 Так, как мама пела давно.
 Голос от волнения дрожит,
 Выводя слова, не дыша.
 Что она себе ворожит,
 Детская слепая душа?
 Девочка с комузом вдвоем –
 Одиноким этот дуэт
 Долго слышен в сердце моем,
 Если даже сердца и нет...

(«Зимней ночью», пер. В. Шаповалова)
 [1, с. 72]

Необходимо отметить, что оба переводчика – пусть в разной степени, соответствовавшей их несхожим дарованиям, но осознанно-единодушно – обращали внимание на особенности национальной поэтической формы и предпринимали новаторские попытки ее воссоздания.

Так, М. Рудов это делает преимущественно путем создания своеобразного тонического эквивалента и тщательным сохранением редифных повторов. К примеру, стихотворение «Сегодня» («Бүгүңгү күн»), в котором молодой поэт прославляет сегодняшней день, принесший народам долгожданную свободу, состоит из шести строф рубаи (ааба). С другой стороны, использование повтора (15 раз повторяется слово «бүгүң»), в виде своеобразного редифа, отсылает читателя не

только к книжной восточной культуре, но и к традициям кыргызской и казахской эпической поэтики. Таким образом, в стихотворении «Сегодня» сочетаются традиции восточной классической литературы с традициями устной поэзии кыргызского народа. Эти особенности формы и содержания стихотворения «Сегодня» сохранены в переводе.

Настал прекрасный светлый день, –
 сегодня:

Развеяна ночная тень – сегодня,
 В прошедшем времени теперь остался
 Удушья и молчанья плен – сегодня.
 Ликует мир живой вокруг, – сегодня,
 И сгинул черный злой недуг – сегодня,
 И те, в ком клокотала кровь от боли,
 Здоровье ощутили вдруг – сегодня

(пер. М. Рудова) [1, с. 1–15]

В. Шаповалов точно воссоздает «тоники-логадические константы» (его термин [7]) – и этим как бы формирует образ кыргызского стихосложения русскими средствами, сохраняя размер и ритмический рисунок прихотливого сочетания 4-сложных и 3-сложных долей, но сохраняя прелесть русской ритмики:

Кен колот сай
 Зоо – капчыгай
 Ай нурунда,
 Жарты уйкуда,
 Кошулунку
 Жатыр жай...

Тени ложбин,
 Гребни вершин
 В свете луны

Дремлют, вольны.

Властвует синь

Тишины...

(пер. В. Шаповалова) [1, с. 62-63]

Тут совершенно очевидно, что стиховедческие разыскания обоих переводчиков, являющихся учеными-филологами, стали некоей базой трансформации русской поэтической формы для воплощения кыргызского стиха.

Лирическая поэзия Касыма Тыныстанова остается не только в истории киргизской литературы, она отнюдь не утратила ценности и интереса для современного читателя, а ее переводчики М. Рудов и В. Шаповалов сумели выявить, сберечь и передать характерные особенности лирики одного из основоположников новой культуры кыргызов.

Литература

1. Касым ырларынын жыйнагы. Сборник стихов Касыма: Лирика. Поэма. – Бишкек: КНУ, 2001.

2. Тыныстанов, К. Алашу. – Той, с кем разлучен. – Ночь в горах. – Зима. – Зимней ночью. – Разлука. – Перу. – Спроси, мой друг, спроси!.. – Гумбез Манаса. – Джаныл-Мырза: Отрывок из поэмы // Шаповалов В. И. Избранное. Т. 2: Горящий можжевельник: Переводы. – Бишкек, 2003. С. 312–349.

3. Рудов, М. А. Стихотворной строкой:

Поэтический сборник / М. А. Рудов. – Бишкек, КРСУ, 2008. – С. 49, 56.

4. Шаповалов, В. И. Касым Тыныстанов как зеркало культурной революции // Касым Тыныстанов и отечественная культурная история XX века: материалы международной юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию К. Тыныстанова. Мастерская переводчика. – Бишкек: КГНУ, 2001. – С. 62–69.

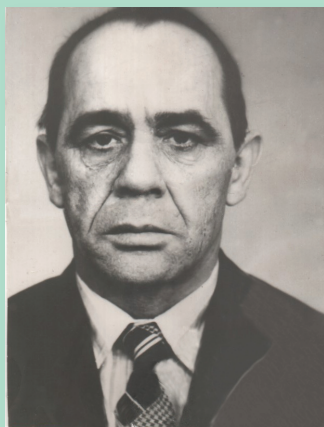
5. Касым ырларынын жыйнагы. – Сборник стихов Касыма: Лирика. Поэма./ “Касымга Гулдесте – Венок Касыму”. – Бишкек, 2001. С. 75.

6. Ибраимов, О. В чем сущность художественного культуртрегерства К. Тыныстанова? / О. Ибраимов // Касым Тыныстанов и отечественная культурная история XX века... С. 13–22.

7. Шаповалов, В. И. Стихотворная поэтика и экспликация метода перевода / В. И. Шаповалов // Эпос «Манас» как фактор культурной интеграции XX века: Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию поэта и переводчика С. И. Липкина и 55-летию выхода книги «Манас: Великий поход». – Бишкек: КНУ, 2002.

(Чолпон Джолдошева. Взгляд на отечественную литературу: научно-критические статьи разных лет / вст. ст. В. И. Шаповалова. Бишкек: Издательство КНУ им. Ж. Баласагына, 2014. С. 194–210).

Евгений Кузьмич Озмитель (1926–1994)

Литературный критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор. Родился в г. Алма-Ате Казахской ССР. Окончил Киргизский госуниверситет (КГУ, 1952), там же аспирантуру (1957) и в том же году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. В 1972 г. защитил докторскую диссертацию.

Участник Великой Отечественной войны. Его стихи и очерки публиковались в армейских газетах. Педагогическую деятельность начал с 1955 г. Работал преподавателем, заведующим кафедрой, профессором КГУ, заведующим кафедрой теории литературы и проректором по научной работе Фрунзенского педагогического института русского языка и литературы (ПИРЯЛ).

Специалист в области русской и кыргызской литературы, теории литературы. Автор ряда монографий литературоведческого и литературно-критического характера, брошюр, более 400 статей на литературные и публицистические темы, соавтор учебника по русской советской литературе для 10 класса кыргызской школы, учебников и учебно-методических пособий для вузов.

Член Союза писателей СССР (1975), заслуженный учитель (1979).

Награждён орденами Красной Звезды, Славы III степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

Основные научные труды:

Советская сатира. – М.: Просвещение, 1964.

Революционная сатира Октября. – Фрунзе: Мектеп, 1966.

Современность – источник поисков, новаторства, мастерства: Из опыта литературы наших дней. – Фрунзе: Кыргызстан, 1977.

Наследие классики и киргизская литература. – Фрунзе, 1980.

Обновлённая суть национальной поэзии. – Фрунзе, 1984.

Теория литературы: пособие для студентов национальных педвузов. – Фрунзе: Мектеп, 1986.

Введение в литературоведение: программа для национальных педвузов. – Л.: Просвещение, 1987.

М. Ю. Лермонтов в переводах на киргизский язык и в оценке киргизской критики

К киргизскому народу Лермонтов пришёл в советское время. До Октябрьской революции киргизы не имели своей письменности, профессиональной литературы. Их культурные, а значит и литературные, связи с русским народом только складывались. Из русского классического наследия до начала 20-х годов нашего века киргизскому народу были известны, пожалуй, лишь некоторые басни Крылова в переложениях акына Тоголока Молдо (Байымбета Абдырахманова) с казахского языка.

10 октября 1925 года, в первой, только что созданной на киргизском языке газете «Эркин Тоо» («Свободные горы») был опубликован перевод первого произведения из русской литературы на киргизский язык – стихотворения Лермонтова «Три пальмы» («Уч курма»), сделанный одним из основоположников киргизской советской литературы Касымалы Баялиновым. В последующие годы киргизские литераторы не раз обращались к переводу произведений Лермонтова, и за короткий срок его творчество стало одним из самых популярных среди киргизских читателей.

К концу 30-началу 40-х годов на киргизский язык было переведено уже немало страниц из богатого лермонтовского наследия. Систематизация и анализ этих переводов выявляют определенные закономерности в выборе киргизскими литераторами тех или иных произведений Лермонтова для перевода на родной язык.

Романтическая элегичность «Трёх пальм» оказалась созвучной эстетическим чувствам Касымалы Баялинова, работавшего тогда над первой в истории киргизской повестью «Аджар», где финальные сцены, изображающие трагическую гибель героини в одиночестве, в пустыне, по своему пафосу своеобразно перекликаются с эмоциональным содержанием стихотворения Лермонтова. Касымалы Джантошева привлекла сказка «Ашик-Кериб», и это объяснимо творческими пристрастиями киргизского прозаика. В 1938 году, когда он перевел «Турецкую сказку» Лермонтова, писатель как раз завершил создание романа со сказочной основой «Каныбек». Для Аалы Токомбаева, обратившегося в 1940 году к переводу той же сказки, был характерен интерес к восточным легендам, по мотивам которых он написал такие произведения, как «Даат», «Ответ мудреца». Алыкул Осмонов и Джоомарт Боконбаев, поэзии которых присуща философско-лирическая тональность, в 1937–1941 годах переводят многие лирические стихотворения Лермонтова. «Одиночество» («Жалгыздык»), «На севере диком» («Арча»), «Узник» («Туткун»), «Прощай, немытая Россия...» («Кош бол, кайран Россия...»), «Парус» («Жел-кайык») переводит А. Осмонов; «Отчего» («Емнеликтен»), «Кинжал» («Канжар»), «Баллада», «Солнце» («Кун»), «Узник», «Ангел» («Периште»), «Утес» («Аска»),

«Воздушный корабль» («Аба корабли») – Дж. Боконбаев. В довоенные годы были переведены и другие произведения Лермонтова. Среди них довольно удачные переводы стихотворений «Тамара», «Узник» Д. Ашубаева; стихотворения «Тучи» («Булуттар») и поэмы «Беглец» («Качкын») А. Эшмурзаева; «Смерть Поэта» («Акындынелуму»), «Листок» («Жалбырак») К. Эсенкоджоева; «Бородино» К. Маликова, «Две невольницы» («Эки эркисиз кыз») С. Шимеева, «Не плачь, не плачь, мое дитя» («Ыйлаба, эй, балдарым, ыйлабагын...») К. Акиева. К тем же годам относится первый опыт перевода на киргизский язык романа «Герой нашего времени» М. Кырбашевым. Одна за другой в печати появляются части романа: «Бэла» (1939), «Максим Максимыч», «Тамань» (1941).

Новая волна интереса к творчеству Лермонтова в Киргизии поднялась в 50–60-е годы и сохраняется по сей день. В газетах и журналах, отдельными изданиями перепечатываются лучшие переводы из Лермонтова К. Баялинова, А. Токомбаева, А. Осмонова, Дж. Боконбаева. К творчеству классика русской литературы обращаются известный поэт Т. Уметалиев, а также переводчики и поэты молодого поколения: З. Мамытбеков, Д. Абдылдаев, Б. Сабилов, С. Жусуев, А. Белеков, К. Рысалиев, Р. Рыскулов, Э. Турсунова и др. Что же нового принес этот период для распространения творений Лермонтова в Киргизии? Многие из ранее переведившихся на киргизский язык произведений Лермонтова были переведены вновь. Это «Баллада»

и поэма «Беглец» – теперь в переводе Б. Сабирова; «Тучи», «Тамара» в переводе С. Жусуева, который также перевел стихотворения «Сосна» («Карагай»), «Бородино»; «Смерть Поэта» в переводе А. Беликова; «Узник» в переводе Р. Рыскулова, который кроме того перевел стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» («Бир езум жалгыз чыгамын...»); «Тучи» в переводе Ж. Садыкова, переведшего и стихотворение «Сосед» («Коцшум»); наконец, стихотворение «Смерть Поэта» в переводе Э. Турсунова. В 50-е годы был переведен роман «Герой нашего времени» А. Абдылдаевым и поэмы «Демон», «Мцыри», «Аул Бастунджи» З. Мамытбековым. Выходят в свет отдельные издания Лермонтова на киргизском языке: «Стихотворения и поэмы», «Демон», «Измаил-Бей», «Маскарад» в переводе З. Мамытбекова, «Лирика» в переводе К. Рысалиева. В этих книгах мы находим немало произведений, которые уже ранее переводились, а также новые переводы. Так, З. Мамытбековым кроме названных выше произведений переведены «Родина», «Как часто построю толпою окружен», «Поэт», «Предсказание» («Алдын ала айтуу»), «Дары Терека» («Теректин ыйы»), «Утро на Кавказе» («Эртен менен Кавказ»), «Стансы», «Русалка» («Суу кызы») и ряд других; К. Рысалиевым «Осень» («Куз»), «Два сокола» («Эки шумкар»), «Гость» («Мейман») и др.

Поиски средств достижения адекватного перевода лермонтовских произведений продолжались. В этом направлении работали К. Баялинов, А. Токомбаев, А. Осмонов. Налицо несомненное повы-

шение профессионального мастерства, более глубокое постижение содержания, своеобразия поэзии и прозы Лермонтова, все более успешный творческий поиск путей и способов адекватного воссоздания лермонтовских произведений средствами родного языка.

В предвоенные годы в киргизской республиканской прессе появилось всего лишь несколько статей о Лермонтове, преимущественно популярных, содержащих ряд биографических фактов и дающих краткую оценку его творческого пути. Подобные статьи продолжали печататься и в 50–60-е годы. Такие публикации обычно ограничивались приведением основных дат жизни и творчества писателя, в них определялись его эстетические позиции, место в освободительной борьбе, указывалось на гонение поэта царизмом, кратко говорилось о его основных произведениях, а также резюмировалось, что Лермонтов становится все более и более близким, понятным киргизскому народу. Но в те же 50–60-е годы киргизские литературоведы и критики создали ряд работ, которые свидетельствуют о стремлении оригинально осмыслить и определить некоторые моменты творческого наследия писателя, проблемы его влияния на национальную литературу, а также охарактеризовать качество переводов его произведений на киргизский язык.

Первая такая работа появилась в 1953 году. К. Эшмамбетов попытался проанализировать перевод романа «Герой нашего времени», сделанный Д. Абдылдаевым¹. Сопоставляя перевод с ориги-

налом, исследователь приходит к выводу, что Д. Абдылдаеву удалось передать всего лишь сюжетную канву частей романа. Отсутствие художественного чутья, небрежность, а также то, что переводчик не понял внутреннего смысла лермонтовского контекста, своеобразия его образов-характеров привело к тому, что он пошел по пути буквалистического переложения романа, почему и возникает так много бессмыслицы и так мало остается от неповторимости стиля, от исторически обусловленного своеобразия социально и психологически обрисованных художественных типов, характеров.

Не менее острой критике перевод Д. Абдылдаева был подвергнут в статье А. Салиева, и тоже в первую очередь за буквализм. А. Салиев справедливо указывает на то, что «переводчик художественного произведения должен знать и понимать оригинал так хорошо, чтобы улавливать тончайшие переливы мысли в словах, фразах. Роман же Лермонтова «Герой нашего времени» переведен со множеством искажений и неверностей как в смысловом отношении, так и в отношении передачи художественных особенностей оригинала». И еще на две не менее важные причины неудачи перевода указывает А. Салиев: на отсутствие у переводчика достаточных знаний об эпохе, воссоздаваемой в произведении русского писателя, и на непонимание того, что «переводчик должен выполнять двуединую задачу – сохранять национальный колорит языка оригинала, в то же время творчески используя поэтические богатства своего языка, чтобы

¹ Советтик Кыргызстан. 1953. № 4. С 57–62.

найти созвучные оригиналу образные выражения».

Позже, в 1969 году, качества перевода Д. Абдылдаева вновь коснулся в своем выступлении на III пленуме Союза писателей Киргизии К. Эшмамбетов, отметив, что новый перевод романа «Герой нашего времени», осуществленный писателем А. Джакыпбековым, выполнен на несравненно более высоком художественном уровне.¹

В киргизском литературоведении и критике неоднократно ставились и освещались вопросы перевода поэтических произведений Лермонтова, в частности, в связи с выходом в свет книги стихотворений и поэм в переводах З. Мамытбекова. Сначала С. Шимеев², а затем К. Рысалиев³ подвергли переводы З. Мамытбекова серьезному критическому разбору и начали разговор о некоторых принципиально важных, но спорных аспектах проблемы поэтического перевода с русского языка на киргизский вообще. Дело в том, что киргизское стихосложение считается силлабическим. Постоянная закрепленность лексического ударения за последним слогом, в отличие от русского языка, где система ударения подвижна, всегда ставит переводчика перед вопросом: как перевести произведения, выполненные в ключевой стихотворной системе (силлабо-тонической, тонической), средствами, присущими тюркскому стилю, сохранив не только содержание, но и в определенной мере интонационно-ритмический строй оригинала, несомненно, играющий су-

щественную роль в воплощении идейно-художественного замысла. Киргизская литературная критика придерживается в этом вопросе мнения, что традиционные национальные поэтические формы могут быть вполне достаточными для адекватного перевода произведений русского художника слова на киргизский язык. Мнение это, однако, не бесспорно. Так, рассуждая о недостатках переводов З. Мамытбекова, К. Рысалиев пишет следующее: «В стихотворении «Одиночество» (в оригинале. – Е. О.) первая и третья строки состоят из 9 слогов, вторая и четвертая — из 8. Ритм киргизского восьми-сложника созвучен этому стихотворению. Мамытбеков перевел его одиннадцатисложником, и в результате темпераментное в оригинале стихотворение передал в замедленном ритме».⁴ Но, видимо, здесь дело вовсе не в нахождении обязательного тождества стиха перевода и стиха оригинала с точки зрения их слогового состава, тем более, что ритм образуется не столько из того или иного количества слогов в стиховых рядах, сколько из системно упорядоченного чередования сильных (ударных) и слабых (безударных) позиций – отрезков определенным образом синтаксически организованной содержательной поэтической речи, а также из определенных сочетаний прочих компонентов стиха: анакруз, эпикруз, цезур, состава и порядка рифм и др. И поэтому К. Рысалиев прав, скорее, не тогда, когда пытается диктовать необходимость чуть ли не обязательного достижения в переводе слогового соответствия

¹ Кыргызстан маданияты. 1969. 1 мая.

² Советтик Кыргызстан. 1955. № 10.

³ Советтик Кыргызстан. 1956. № 2.

⁴ Там же.

подлиннику (исходя из возможностей киргизских 7-, 8-, 11-сложников), а тогда, когда обнаруживает то буквализм, то ничем не оправданные вольности, ничем не оправданные вольности, ведущие или кутратехудожественно-эмоциональной выразительности оригинала, или к искажению истинного пафоса переводимых произведений (например: «Выхожу один я на дорогу...», «Сосед», «Измаил-Бей»¹ и др.).

Вот типичный перевод З. Мамытбекова из Лермонтова (кстати типичный не только для него одного) – тот случай, когда небрежность или неверная установка влечет за собой утрату образной структуры оригинала, его поэтического подтекста. Итак, перевод стихотворения «Одиночество» («Жалгыздык»). Возьмем лишь первую строфу:

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы.
Никто не хочет грусть делить.

В подстрочном переводе строки З. Мамытбекова на русском языке звучат так:
Стало тяжело неприятности жизни
(препятствия на жизненном пути)
Нам в одиночестве преодолевать.
Все люди поддерживают в веселье и смехе,
Но никто не хочет (не будет) вместе
(с нами) грустить.

Смысл лермонтовской строфы передан,

¹ З. Мамытбеков позже вновь вернулся к переводу этой поэмы и достиг значительно больших успехов в передаче оригинала. См.: Лермонтов М. Ю. Демон. Измаил-Бей. Маскарад. Фрунзе: Мектеп, 1872. С. 44–130.

но только в самом общем, приблизительном, виде и со значительными искажениями. Ведь русский поэт речи не ведет о преодолении «жизненных препятствий»; он элегически сетует на то, что «страшно жизни сей оковы нам в одиночестве влачить», и не видит, не выражает ничем какой-либо надежды сбросить эти оковы, «преодолеть препятствия на жизненном пути» (по Мамытбекову). Почему у переводчика произошла такая смысловая переацентровка – непонятно. Ведь есть в киргизском языке слова, выражения, намного более точно соответствующие лермонтовским «оковы жизни», «влачить» – «кишен», «эзуу» (последнее – переносное: «гнет»; «эптеп жан сактоо»).

Но использование их, видимо, вызвало бы большие трудности в области стихотворной техники, и переводчик решил пойти по легкому пути: передать смысл строк оригинала – и только. Однако при этом и внутренний смысл лермонтовских строк оказался в значительной мере утраченным.

Анализ перевода произведений Лермонтова на киргизский язык показывает, что национальные поэты достигают большого успеха, когда стремятся отыскать в родном художественном наследии образные средства, близкие к тем, что присущи переводимому произведению. В большинстве случаев успех к переводчику приходит тогда, когда он стремится как можно полнее сохранить образную систему оригинала. Примером тому может служить перевод на киргизский язык стихотворения Лермонтова «Из Гете» народным поэтом Киргизии Аалы Токомбае-

вым. Это стихотворение переводили многие, но токомбаевский перевод по праву можно считать классическим:

Мунарык жамынып,
Уктанды тоолор,
Аруужыт жагынып,
Тынчыдык оолор.
Силкинбей жапырак,
Жолдор да чансыз.
Токтогу назыраак,
Эс алыпкамсыз...

В подстрочном переводе с киргизского он звучит так: «Легкая мгла (дымка) укрывает спящие горы, тихие (спокойные) ложбины (лощины) полны чистых (свежих) запахов, не дрожит листва, не пылит дорога. Подожди немного, и ты отдохнешь беззаботно». Перевод не буквален, но очень близок к оригиналу, и не только лексически, а также, что очень важно, синтаксически, интонационно-ритмически. Такого рода мастерских переводов произведений Лермонтова на киргизский язык немало, и они свидетельствуют о том, что иноязычная стихия не является непреодолимым препятствием на пути превращения переводческого дела в действенное средство обогащения национальных литератур.

В киргизской критике и литературоведении вопрос о роли перевода (на материале творчества Пушкина и отчасти Лермонтова) уже поставлен и в известной мере освещен. Сначала К. Рысалиев – в 50-е годы¹, а в 70-е – К. Джидеева² об-

¹ *Рысалиев К.* Произведения Пушкина в киргизских переводах: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1953.

² *Джидеева К.* Поэтический перевод и взаимообогащение литератур. Ф., 1972.

ратили внимание на тот факт, что переводческая деятельность А. Токомбаева, А. Осмонова, Т. Уметалиева и других заметно влияла не только на рост их мастерства, но и на всю профессиональную советскую киргизскую поэзию, обогащала ее новыми интонационно-ритмическими возможностями, новаторским миром образных – предметных и психологических – деталей и, что важно, как отметила К. Джидеева, способствовала развитию «индивидуального творческого мышления киргизских поэтов-переводчиков».

С первым, более «внешним», «зримым», так сказать, романтическим планом поэзии Лермонтова переводчикам в Киргизии обращаться, как правило, было не особенно трудно. Переноса в национальную поэзию образы одиноких пальм, сосны, утеса, узника, беглеца, пересыхающего родника и т. д., переводчики, хотя и сталкивались с инонациональным предметно-образным миром поэтических деталей, событийным материалом, инонациональной системой поэтических средств, но в большинстве случаев тем не менее находили в художественном опыте своего народа аналоги. Это способствовало успешному достижению образности, близкой к подлиннику, позволяло воплощать в художественной форме, порою с достаточной глубиной, конкретные состояния, чувства, эмоции романтического плана, присущие лирическому герою поэзии Лермонтова. Что же касается целостного мира переживаний этого героя, то он в полной мере не воссоздавался, ибо большинством переводчиков

русский поэт воспринимался в известной степени однопланово, преимущественно как тот, «кто бурями дышал» (К. Маликов). Неслучайно до последнего времени менее всего удавались переводы лермонтовских произведений реалистического и философского характера – таких, как роман «Герой нашего времени», поэма «Демон», драма «Маскарад». Такие же произведения, как «Сказка для детей», «Тамбовская казначейша», «Исповедь», «Последний сын вольности», «Боярин Орша», «Станный человек», пока не переводились вовсе.

Это свидетельствует об определенных закономерностях «вхождения» наследия инационального художника слова в национальную литературу. Видимо, глубинные пласты философско-символического содержания поэмы «Демон», таящиеся под покровом сюжетной канвы любви полубога к земной женщине, остаются пока недоступными для эстетического постижения переводчиков, что и не позволяет передать содержание поэмы во всей полноте. Видимо, образный мир «Боярина Орши» также далек для киргизских переводчиков. Впереди у них большая и благодарная работа в области дальнейшего раз-

вития перевода произведений Лермонтова. Осмысление же вопросов, касающихся известности М. Ю. Лермонтова в Киргизии, влияния русского классика на национальную литературу, перевода его произведений на киргизский язык в киргизском литературоведении и критике только начато. (В частности, эти проблемы обсуждались на юбилейной конференции, посвященной Лермонтову, в 1964 году).

В 1964 году издательство «Кыргызстан» выпустило примечательный сборник: «Посвящение М. Ю. Лермонтову от киргизских поэтов». Стихотворные произведения, помещенные в нем – «Шынгытай барак» («Звонящая страница») А. Токомбаева, «Лермонтову» А. Усенбаева, «Лермонтов журген жерлерде» («По лермонтовским местам») К. Маликова, «Кецеш алам...» («Учусь у тебя») Ш. Бейшеналиева и другие – наглядные свидетельства народной признательности и любви к великому русскому поэту, творчество которого знают, читают и изучают в Киргизстане.

(Евгений Озмитель. Пульс жизни – пульс литературы: избранные научные труды. Бишкек, 2016. С. 115–127).

Цитата

Если выразиться в терминах родства, то можно сказать, что удачный перевод должен стать скорее братом, чем сыном подлинника, ибо и тот и другой восходят к одной трансцендентной идее, являющейся истинным, хотя и незримым, отцом произведения.

Цитата

Октавио Пас, мексиканский поэт, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1990 г.

Цитата

Цитата

Цитата

Цитата

Абдыкадыр Орусбаевич Орусбаев (1937–2009)

Заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, отличник народного образования, доктор филологических наук, профессор, единственный в Кыргызстане учёный, который был трижды отмечен государственной наградой России – медалью имени А. С. Пушкина.

А. О. Орусбаев родился в с. Калиновка Чуйского района, окончил факультет русской филологии Пржевальского пединститута, работал в качестве учителя русского языка и литературы в сельской школе.

Учился в аспирантуре Института языкознания АН СССР, в Москве. В 1971 г. успешно защитил кандидатскую, а в 1990 г., тоже в Москве, – докторскую диссертацию, посвящённую проблемам изучения сфер употребления русского, киргизского, дунганского, узбекского и других языков, выполняющих важные коммуникативные задачи.

21 год А. Орусбаев работал в Институте языка и литературы (ИЯЛ) Академии наук КР, где начинал лаборантом, а затем стал заведующим лабораторией экспериментальной лингвистики, 11 лет являлся заместителем директора по науке ИЯЛ АН, проректором по научной работе Фрунзенского пединститута русского языка и литературы, 3 года работал в Институте живых иностранных языков Оранского университета (Алжир), обучая студентов русскому языку. Год находился на научной стажировке в Германии, обучая студентов русскому языку.

Автор более 250 научных статей, восьми монографий (авторских и в соавторстве). Мировое признание получила одна из последних монографий учёного «Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане» (2003).

Являясь основоположником социолингвистической школы в Кыргызстане, А. О. Орусбаев определил круг вопросов, способствующих расширению коммуникативной функции официального (русского) языка, выявил тенденции, характеризующие социолингвистический профиль и языковой ландшафт страны. Многие наблюдения А. Орусбаева создали лингвистическую основу осознания особенностей перевода в процессе взаимодействия русского и кыргызского языков.

А. Орусбаев награждён орденами «Партийная доблесть», «Октябрьской революции», медалями «Ветеран труда», «Данк», другими наградами, почётными грамотами и знаками отличия.

Гармонизация отношений между киргизским и русским языками

«Язык и языковые проблемы сами по себе не становятся причиной различных социальных и политических коллизий, – утверждает видный социолингвист Л. Б. Никольский. – Всегда существует целый комплекс проблем, в котором язык может оказаться на какое-то время на первом плане и создать видимость того, что событие социально-политического характера... обусловлено прямо и непосредственно языковым процессом» [1, с. 4–5]. Иными словами, под лингвистическим покровом действуют более серьезные причины – экономические, демографические, социальные, политические мотивы. Они инициируются общественными группами, движениями, отдельными людьми, и распознать их интересы и преследуемые цели принципиально не сложно, нужно только признать следующие особенности языка как общественного явления и феномена национальной культуры: а) основу этнического единства создает язык; б) язык полностью репрезентирует степень развития культуры этноса; в) каждый член этноса независимо от социальной принадлежности воспринимает язык как национальное достояние; г) язык способен удовлетворять коммуникативные запросы этноса; д) чем сильнее народ «раздирается внутренними и внешними противоречиями, тем больше отводится роль языку как объединяющему началу и идее его суверенитета» [2, с. 27–29].

...К концу перестройки и началу суверенизации союзных республик началось повальное увлечение языковыми законами в больших и малых национально-территориальных образованиях. Тут же появилось расхожее представление «глоттофагии» («пожирание языка») – гибели этнических языков, наступления эры национальной и языковой ассимиляции. И первым виновником был объявлен русский язык, русские и русскоязычные.

Видный социолингвист Э. Г. Туманян, изучая советское языковое строительство, отмечает, что «в 20–30 годы, несмотря на отсутствие законов о государственном языке, под государственную заботу и защиту были взяты все языки крупных и малочисленных народов – бесписьменные и старописьменные» [3, с. 210–214]. При советской власти из 160 наций и народностей собственной письменностью пользовались 70, из них около двух десятков имели свою письменность до Октябрьской революции; более 50 народностей, насчитывающих от 200 до 12 тыс. представителей, а также 262-тысячное население цыган по причине малочисленности и дисперсного расселения по огромной стране не получили письменности. Молодое поколение бесписьменных народностей получало образование на языках крупных народов, и прежде всего ~ на русском языке.

Программа языкового строительства в указанный период выполнялась успеш-

но: обучение детей шло на родном языке; разрабатывались орфографические нормы языков, принципы национальной терминологии; выпускались учебники и учебные пособия; исследовались социальные функции языков. В Киргизстане в 20–40-х годах этими проблемами занимались языковеды И. Арабаев, Е. Д. Поливанов, К. Тыныстанов, К. К. Юдахин, Ю. Яншансин, Х. Карасаев, И. А. Батманов. По утверждению К. М. Мусаева, «советская власть на данном этапе повышения культуры исходила из того, что успешное распространение грамотности, образования, знаний среди населения, духовный рост людей возможны лишь на родном языке, в доступных и понятных национальных формах его существования» [4, с. 9].

В то же время в течение нескольких десятилетий, особенно после 50-х годов, из полутора сотен языков около половины перестали функционировать, исчезли, несмотря на усилия сохранить их. Одной из причин явилась теория слияния языков и культур, которая была идеологической основой языковой политики и языкового планирования... Проявилось это, прежде всего, в политизации роли и значения русского языка и русских в формировании новой исторической общности людей – советского народа. В пропагандистском увлечении, выдавая желаемое за действительное, проводники этой идеи не замечали или не хотели замечать, что общественное сознание советских людей реально имеет широчайший разброс ~ от родоплеменного до современного «культурного».

Одну из причин гибели языков этнических меньшинств следует искать в неблагоприятных для них демографических ситуациях: сами этносы из-за малочисленности и дисперсного расселения естественным образом растворились среди крупных народов. При этом не следует отрицать и того обстоятельства, что стремление к созданию суперэтноса... неизбежно вело к политике ассимиляции культур миноритарных этносов. И сильный удар самобытному существованию малочисленных народов объективно наносился через язык, который является феноменом национальной культуры, определителем этнического самосознания, источником и хранителем исторической памяти народов. Явление это, надо сказать, планетарное, ибо «в мировом сообществе в целом по отношению к кореным малочисленным народам доминировал ассимилятивный подход» [5, с. 5].

Ещё одна причина «глоттофагии» связана с понятием престижности языка, распространенном не только в образованных слоях общества, элитарных кругах, но и в массовом сознании людей наемного труда. Как известно, отношение этносов к престижности того или иного языка, используемого в стране, складывается из двух факторов: а) под влиянием социальных условий жизни; б) под воздействием политики, господствующей в данном национально-территориальном образовании. Причем эти факторы, представляющие, с одной стороны, интересы господствующего (титульного) этноса, а с другой - чаяния миноритарных этносов, зачастую обретают конфликтный

характер, так как их интересы объективно несовместимы. Сегодня, например, в республиканских, автономных и других этнотерриториальных образованиях России пропагандируется изучение местных языков, что должно оздоровить языковую ситуацию в этом обширном евразийском пространстве.

В Киргизстане и других странах бывшего СССР ведение делопроизводства, официально-деловой переписки осуществляется на государственном и русском языках. Однако население, в первую очередь, представители миноритарных народов, считает наиболее выгодным в социальном отношении получение образования на русском языке и, если это возможно, на английском как языках престижных и функционально мощных.

Как показывают события, эти далеко не простые национально-языковые проблемы становятся для отдельных людей, политических группировок, движений своего рода «языковой картой», разыграв которую, они пробиваются к власти. Многие из нынешнего состава трех ветвей власти и частично предпринимательских структур вышли в «политическую элиту» и в «новые киргизы», используя национальную идею в гипертрофированном виде и стараясь создать в обществе такую атмосферу, при которой знание государственного языка считалось бы если не единственным, то чуть ли не главным условием при отборе руководящих кадров. Ратуя за родной язык, призывая обучать соплеменников на родном языке, воспитывать их в духе нравственных воззрений великих предков, именно они отдают

своих детей в школы не с киргизским, а с английским и русским языками обучения.

В то же время раздаются горячие призывы защитить государственный язык от экспансии русского языка, хотя роль последнего значительно уменьшилась, и в первую очередь в таких важнейших сферах, как образование. Нехватка учителей русского языка в киргизских школах, слабая квалификация кадров, необеспеченность учебниками и методической литературой, нагнетание этноцентристского настроения населения привели к резкому падению качества преподавания русского языка как школьного предмета и средства массовой информации (радио, телевидение, печатное слово), как информационно-образовательного и культурно-воспитательного предприятия.

Не остается в долгу и другая, не менее патриотически настроенная сторона, которая считает себя лингвистически ущемленной. Ее можно понять: после стольких десятилетий доминирующего положения во многих сферах жизни оказаться вдруг в положении равной среди равных. Не каждая этническая диаспора может враз преодолеть этот психологический дискомфорт, даже если она является представителем великого народа, великой культуры, мощной державы.

Между тем в пылу разборок на почве языка обе стороны спокойно взирают, как у нас открываются двери для американской масс-культуры... Тем самым при попустительстве властей идет привитие нашей молодежи дурного вкуса, низменных чувств, внедряется культ насилия, что не может не беспокоить широкую обще-

ственность страны. Идет повальная ликвидация всеобщей грамотности, которой страна недавно гордилась.

Возвращаясь к контексту изложенного выше, следует сказать, что отсутствие в языковой политике, а следовательно, и языковом планировании, идеологической основы привело к суетливому поиску «якоря спасения». И таковым оказался Закон о государственном языке, в котором язык титульной нации провозглашен государственным. В принципе, это было правильным шагом, поскольку во всём постсоветском пространстве пошло повальное «огосударствление» языков. Однако беда в том, что этим языкам директивно делегировались такие функции, выполнение которых нередко находится за пределами их лингвистических возможностей...

Языковые конфликты, возникающие в многонациональных странах, Л. Б. Никольский подразделяет на этнолингвистические, лингвопрагматические и лингвополитические конфликты [1, с. 73–92]. Если в этнолингвистических конфликтах определяющим выступает интегрирующая функция национального языка, а в лингвопрагматических на первый план выдвигается снятие языковых преград в достижении национальными меньшинствами социально-политического равноправия, то лингвополитические конфликты характеризуются объективными этническими процессами, возникающими в результате использования языка определенными общественными движениями и партиями как орудия политической борьбы.

Наблюдения за языковой жизнью постперестроечных лет позволяют заключить, что, во-первых, все три рода языковых столкновений не проявляются изолированно или линейно, а зачастую пересекаются или действуют комбинированно; во-вторых, эти конфликты носили у нас чисто агонистический (примиренческий, толерантный) характер [6, с.22]. Поясню это на примерах.

Этнолингвистические агонистические конфликты имели место в Киргизстане, когда:

а) киргизами были выдвинуты лозунги: «Тил тагдыры – эл тагдыры» («Судьба языка – судьба народа»); «Эне тилим – эне сутум» («Родной язык – молоко материнское»); «Тилсиз дил болбойт» («Без языка нет и духовности»); «Манас» – кыргыз элинин рухунун туу чокусу» («Манас» – вершина киргизской духовности») и др.;

б) некоторые статьи принятого Закона о государственном языке вызвали у определенной части некиргизоязычного населения негативную реакцию, прежде всего, ст. 8, где говорится: «Руководители и все другие работники органов государственной власти и всех остальных сфер жизни, в функции которых входит общение с гражданами, обязаны применять государственный язык в объеме, обеспечивающем выполнение своих служебных обязанностей», а также ст. 17, где говорится: «В трудовых коллективах, в своем большинстве состоящих из работников, не владеющих государственным языком, внутреннее делопроизводство может осуществляться наряду с государственным и на русском или другом приемлемом языке».

ке с переходом на государственный язык по мере создания необходимых условий».

Лингвополитические агонистические конфликты имели место, когда в период освобождения от «оков имперского диктата Москвы» идеологи партий и движений, чувствующие конъюнктуру текущего момента, использовали родной язык в своих сугубо политических целях как орудие борьбы за интересы этнической общности. Это открыло им путь «для ловли счастья и чинов» в структурах власти, предприятиях, компаниях и других структурах государства и частного бизнеса. Во многом карьеристское использование 8-й и 17-й статей Закона о государственном языке привели к чрезмерной, нежелательной моноэтнизации центральных и местных органов управления, что сразу вызвало недовольство другой, иноязычной, стороны в киргизстанском обществе.

Практически свое понимание приверженности к родному языку как духовному достоянию нации они вложили в филистерскую акцию за всеобщую киргизацию топонимов, усовершенствование современной терминологии путем изгнания из употребления международных терминов (вм. поликлиника – бейтапкана, вм. радио – ун алгы, вм. шоссе – кан жол и др.). Были подняты проблемы придания словам иноязычного происхождения национального звучания и написания. Безуслвно, в каких-то случаях это необходимо, но не в ущерб норме и благозвучию.

Сейчас в Киргизии витает чужеродная идея замены русского (кириллического) алфавита на отуреченный латинский. Дело дошло до того, что некоторые «ра-

детели» родного языка вдруг заговорили о создании некоего межтюркского литературного языка (түрк элдеринин орток тили), чтобы знать этнокультуру братских народов, чтобы совместно строить новую жизнь. Предприятие благородное, но средство его осуществления никуда не годится... Реальный и бесконфликтный путь освоения этнокультуры родственных народов – это овладение их языками как средством коммуникации, развитие и поддержка дву-и многоязычия, установление межличностного и межнационального контакта.

Лингвопрагматические конфликты близки по характеру к лингвистическим конфликтам. Общественное движение под языковым лозунгом, порождаемое корыстными мотивами политических группировок, создает языковые барьеры для представителей других этносов, чтобы оттеснить их от материальных и других благ. Разыгрываемая таким образом «языковая карта» зачастую выражает интересы узкого круга людей, которые по достижении своих целей теряют зоркость и интерес к языковым проблемам, выдвигавшимся как их причины... Однако киргизский язык расширил свои функции во многих сферах коммуникации отнюдь не стараниями указанных структур, а главным образом вследствие достаточно стабильного и демократического развития общественно-политической жизни страны.

Тем не менее некоторые лингвопрагматики, не считаясь с объективными и субъективными факторами языковой ситуации в стране, торопятся наделить киргизский

язык абсолютно монопольной функцией, чтобы во всех государственных институтах, административно-производственной сфере из уст киргиза и некиргиза звучала киргизская речь. Еще более проблематичным предстает переход делопроизводства на государственный язык. Совершенно очевидно, что этого не произойдет до тех пор, пока существует миноритарное многонациональное государство с этническими диаспорами, являющимися осколками крупных и сверхкрупных народов. Трудно представить, чтобы протоколы, отчеты, справки от вузов, предприятий и учреждений, состоящих из интернациональных коллективов, писались на государственном языке. Для этого все же существует язык-макропосредник, использование которого в делопроизводстве оправдано во многих отношениях. Вполне разумно также, в соответствии с конкретной языковой ситуацией, применение как киргизского, так и русского языка...

Сразу же отмечу, что в массовом сознании киргизов и других народов, проживающих в Киргизстане, русский язык – не иностранный, не чужой, а язык, исторически, духовно и эмоционально близкий их родному языку. Непонимание этого обстоятельства зачастую ведет к обострению национально-языковых отношений, провоцирует ксенофобию и этноцентризм в худшей его форме...

Придание русскому статуса официального никоим образом не грозит экспансией этого средства общения, не направлено на ущемление коммуникативного структурно-строевого и социального развития государственного киргизского языка.

Киргизский язык пережил в своей исторической жизни такие катаклизмы, что вместе со своим носителем мог исчезнуть давно, как многие другие языки. Он мог уйти в небытие и на заре XX века, однако благодаря Октябрьской революции этого не произошло. Не произойдет этого и сегодня, и впредь в стране, которая обрела свою реальную государственность. Будут рано или поздно определены и действовать механизмы регулирования языковой ситуации, меры защиты государственного, официального и других языков, функционирующих в Киргизстане...

Но проблемы с русским языком, на котором исполняется значительная доля важнейшей научно-технической, общественной, политической, учебно-образовательной информации, здесь уже имеются... Русский язык функционирует в достаточной мере лишь в Бишкеке, гораздо в меньшей степени – в Токмаке, Кара-Балте, Канте, Караколе, минимально – в считанных местностях, где до недавнего времени проживали русскоязычные. В функциональном владении этим языком нуждается в первую очередь киргизское население, проживающее в сельской местности... В идеале наши люди, и в первую очередь наши дети, должны быть не только билингвами, но и преимущественно мультилингвами: владеть своим родным, русским, английским и другими межнациональными и мировыми языками, чтобы иметь для экономических, научных, политических и культурных связей широкое коммуникативное пространство.

Киргизский и русский языки найдут свои области применения, причем нельзя

исключить и то обстоятельство, что они будут функционально дополнять друг друга или обладать эксклюзивным применением в определенных сферах в соответствии с языковой действительностью. В продолжение этой мысли мне представляется наиболее приемлемым интенсивный путь развития социальных функций и форм существования этих языков, оптимальное распределение функций государственного языка и языка официального, но не экстенсивный путь, когда не берутся в счет их реальные возможности и социальные потребности [7, с. 36–44].

В наше время движущей силой помыслов и действий людей становятся материальные начала без духовности и фарисейский дидактизм. Эта негативная тенденция прослеживается во всех социальных сферах общества, включая сферу государственного управления. Она проникает в сознание молодежи и интеллигенции, которые в истории развития культуры народов были вдохновляющим источником и проводником прогрессивных мыслей в идеологию социально ориентированных общественно-политических формаций. Утилитарное и прагматическое в крайних своих проявлениях ломают души людей, ведут к разобщению и антагонизму между разными социальными слоями общества. Знания без мощной подпитки из сокровищницы философии воспитания не могут служить созидательным целям... Человек может создать и осуществить себя в разных формах жизнедеятельности, совершенствуя свою речь, наращивая навыки общения

с речевым (языковым) коллективом. При этом сам язык выступает не только средством коммуникации, но и инструментом воспитания духовности в человеке, установления взаимопонимания между людьми и народами.

Литература

1. *Никольский, Л. Б.* Конфликты и идеологии стран зарубежного Востока / Л. Б. Никольский. – М.: Наука, 1986.

2. *Данеш, Фр., Чмейркова, С.* Экология языка малого народа / Фр. Данеш, С. Чмейркова // Язык – культура – этнос. – М.: Наука, 1994.

3. *Туманян, Э. Г.* Языковые законы и межнациональные конфликты / Э. Г. Туманян // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. – М., 1994.

4. *Мусаев, К. М.* Язык и письменности народов Евразии / К. М. Мусаев. – Алматы, 1993.

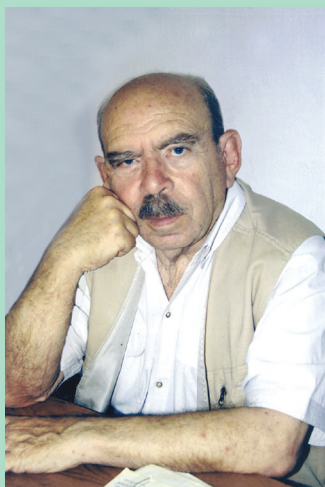
5. Конвенция № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах // Красная книга народов России. – М., 1994.

6. Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993.

7. *Белоусов, В. М.* Русский язык в межнациональном общении / В. М. Белоусов // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. – М., 1994.

(Орусбаев А. О. Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2003. С. 196–206).

Михаил Александрович Рудов
(1929–2014)

Литературный критик, литературовед, поэт и переводчик. Родился в г. Рудня Смоленской области России. Воспитанник детского дома, эвакуированного в Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны.

В 1950 г. окончил Киргизский государственный педагогический институт (Киргизский государственный университет, ныне – Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына), в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Печатается с 1950 г. В 1967 г. издана его первая книга «Уполномоченный партии» о деятельности Дм. Фурманова в Семиречье, в 1970 – сборник литературно-критических статей «Звенья открытий» и др. Является соавтором учебника «Русская советская литература» для 10 класса кыргызской школы, выдержавшего несколько переизданий, составителем сборников произведений кыргызских писателей в переводе на русский язык: «Горные родники. Рассказы кыргызских писателей» (1979 г.), «Киргизские повести» (1982 г.), «Песни небесных гор (1987 г.) и др.

Много лет возглавляя научно-педагогические коллективы Кыргызского национального, а затем Кыргызско-Российского Славянского университетов, профессор М. А. Рудов воспитал целые поколения филологов – учителей-словесников, преподавателей русского языка и литературы, писателей – прозаиков, поэтов и переводчиков, учёных – литературоведов и критиков.

М. А. Рудов открыл для русского языка и для мира многонациональной литературы многие значительные страницы кыргызского художественного наследия, его книги и статьи, посвящённые русской и кыргызской классической и современной литературе, эпосу «Манас», проблемам источниковедения, перевода, стали учебником для современников. Инициатор и главный редактор журнала «Русское слово в Кыргызстане», он последовательно отстаивал значение русского языка и русской культуры в многонациональном общечеловеческом единении. В истории отечественной литературы достойное место занимают художественные произведения М. А. Рудова – лирика, басни, переводы кыргызской поэзии.

Член Союза писателей СССР и Союза писателей Кыргызстана.

Заслуженный учитель Киргизской ССР, член-корреспондент Международной академии информатизации, академик Российской академии педагогических и социальных наук, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кавалер ордена «Данакер» (Кыргызстан), лауреат медали А. С. Пушкина (Россия).

Этнокультурная среда восприятия русской литературы в переводе на киргизский язык

Русская литература стала достоянием киргизского народа, неотъемлемой частью его национальной культуры и духовным приобретением нескольких поколений, чья жизнь совпала по определению судьбы с советской государственной властью и ее атрибутами национальной политики. Это был деятельный период межнациональных контактов, проводимых в жизнь государственными структурами и учреждениями Советского Союза, благодаря чему возникли необходимые условия для восприятия и распространения русской литературы в киргизском обществе. Система образования, обеспечившая всеобщую грамотность, широкомасштабное изучение русского языка, развитие национальной полиграфии, государственная поддержка творческой интеллигенции – эти и другие факторы стимулировали процесс перевода русской литературы на киргизский язык.

Письменная киргизская литература советского периода стала той почвой, на которой поднялось и выросло древо русской литературы в переводе на киргизский язык. С середины 20-х до конца 80-х годов прошлого века это был плодотворный процесс развития новой культурной общности в параллельном взаимодействии, а не в отчужденных параллельных рядах, процесс взаимных обретений как для киргизской литературы,

так и для русской литературы, особенно для ее трансформации и прочтения в другом вербальном мире, в состоянии иного национального мышления. По мере формирования киргизско-русского билингвального самосознания личности осуществлялось освоение русской литературы – ее своеобразный симбиоз с киргизским фольклором и литературой, давший жизнь русскоязычному творчеству киргизских писателей.

Этнос выражает себя в словесном искусстве со своей мерой, ему необходима по образу жизни, по начертанию исторической судьбы именно данная мера, присутствие которой сохранится во все последующие времена геополитических и социальных преобразований. В этом отношении киргизская литература в устном и письменном состоянии не исключение. Эпос «Манас» имеет тысячелетний возраст, но есть полное основание предположить, что колоссальному эпическому творению предшествовали свои формы синкретического искусства, устные словесные создания, о которых мы почти ничего не знаем из-за отсутствия источников. У этих созданий своя судьба, они живы в языке, в национальном художественном сознании, в самобытной эстетической традиции.

Документированным памятником древней киргизской литературы после многих

лет умолчания называют рунические эпиграфы на стелах в честь каганов и тюркской знати. Полагая, что язык надписей – это «литературный язык тюркской знати», А. Н. Бернштам рассматривал «надгробия древних кыргызов Минусинского края <...> как древнейшую киргизскую литературу»¹. Надпись в честь Торапа Ичраки датируется 648 годом. Если киргизская литература не уподобляется конструкции и динамике литературы европейской или не повторяет ход русской литературы, то из этого следует единственно верное заключение, что это самобытная литература, своеобразие которой надо понять и объяснить, а не переводить ее в разряд пониже, в разряд отстающих. Соответственно формам кочевой цивилизации устное словесное творчество господствовало в киргизском обществе, эпос выстраивался как энциклопедическое знание о мире, о народе и человеке, жанровый репертуар фольклора охватывал все стороны народной жизни.

Но в океане киргизского фольклора с древних времен существовала акынская поэзия, имеющая свои устои и правила, свой художественный формат, персонафицированная в творческом исполнении акына. Историю киргизской литературы до начала XX века составляют не только общетюркское наследие, письменные рунические памятники, отдельные рукописи художественных текстов и несколько книг, изданных в 1911 и 1913 годах в Казани и Уфе, а главным образом, в магистральном направлении – наследие киргизских акынов. Они во все времена были служи-

¹ Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 1. 1944. Фрунзе: Изд-во КирФАН, 1945. С. 80.

телями искусства, общественными глашатаями, творцами историко-литературного процесса. Традиция словесного творчества передавалась от акына к акыну и способствовала формированию творческой личности. Принято считать искусство импровизации характерной чертой акынской поэзии. Импровизация была актом творчества, за которым обнаруживала себя профессиональная способность акына, наследование художественного репертуара, общее со слушателями понятие о существе и назначении акынской поэзии.

Такова история киргизской литературы, своя история без проекции на нее схемы ускоренного развития. В этой среде по объективным причинам и должны были пробиться ростки литературного перевода.

История всемирной литературы – это неопровержимо история литературных контактов, как проявление геополитических общностей, культурных инвестиций, торгово-экономических связей, языковых семей и многого другого, включая субъективный человеческий фактор. Но деление литератур на развитые, передовые и бедные, отстающие, испытывающие благотворное влияние, не может быть аксиомой. Как и язык, литература в этническом самовыражении характеризуется самодостаточностью. Возникают условия межэтнических, геополитических взаимоотношений, формируются новые исторические общности, и литература на базе самодостаточности готова к контактам, к восприятию другой самодостаточной литературной системы; к развитию и совершенствованию искусства художе-

ственного перевода. Здесь-то и возникает «встречное течение» (А. Веселовский), то есть способность литературы к контактам и заимствованиям «чужого» и превращению его в «свое». Переводная литература приобретает не только иное вербальное состояние со всеми особенностями языковой картины мира, но и черты воспринимающей литературы в их диахронном развитии. Образуется нечто новое из двух ипостасей, В. М. Жирмунский назвал этот феномен «русский Гёте». Каждая национальная литература прирастает переводами, ее самодостаточность получает новые импульсы развития, она сама становится другой за счет приобретений не столько количественных, сколько конструктивных способностей обогащенной художественной формы.

В данном состоянии, вызвавшем исследовательский интерес, речь пойдет о русской литературе на киргизском языке. Парадоксально, но факт остается фактом: русская литература, оставаясь русской в этническом выражении, сменила свою языковую форму, обрела киргизское состояние. Подражание, перепевы, творческая учеба, заимствования – все это отмечено в высказываниях киргизских писателей о влиянии русской литературы, но главное свойство переводов состоит в их доступности киргизскому читателю, в их способности быть совместимой частью национального литературного процесса, достоянием киргизской культуры.

Общеизвестная истина гласит, что перевод необходим там, где складываются взаимные языковые контакты. Литера-

турный перевод, следовательно, детерминирован языковой ситуацией, сферой функционирования национального языка и мерой распространения контактирующих с ним языков других народов.

У миноритарного народа всегда существует востребованность языка, образующего обширное поле информационного и культурного пространства. Исторически таким языком для киргизов стал русский язык. Восприятие и освоение русской литературы в переводах на киргизский язык находится в непосредственной зависимости от места и роли русского языка в общественной жизни Кыргызстана. В современном Кыргызстане русский язык имеет широкое и повсеместное распространение, в том числе и среди киргизского населения, большинство из которого владеет двумя языками. Такая языковая ситуация определена историческим выбором, геополитической ориентацией народа. Освоение русского языка началось в последней трети XIX века как следствие присоединения края к России, увеличения контингента русских переселенцев, распространения русскоязычного образования. Распространение русского языка в Кыргызстане было определено государственным строительством в годы Советской власти: а именно образованием Киргизской автономной области в составе РСФСР в 1924 году, а затем КирАССР и КирССР в составе СССР. Во второй половине 20-х годов в киргизских школах было введено изучение русского языка, а в 30-е годы были созданы программы и первые учебники по русскому языку и литературному

чению для учащихся-киргизов. Своей кульминации русскоязычное школьное образование достигло в 60–70-е годы. Повсеместно, даже в районах с преобладающим киргизским населением, были открыты русские или так называемые «смешанные» – киргизско-русские школы, были созданы оригинальные учебники для всех классов киргизской школы по русскому языку, литературному чтению и русской литературе, разработана методика преподавания русского языка и русской литературы в киргизской школе, учрежден журнал «Русский язык в киргизской школе», открыт во Фрунзе педагогический институт русского языка и литературы (Постановление Совмина СССР от 24 мая 1974 г. № 488).

Жизнь в едином государстве способствовала распространению русского языка среди киргизов в такой мере, что в 60-е годы сформировалось активное двуязычие, причем настолько представительное, что оно было приравнено к двум родным языкам.

Изучение русского языка и знакомство с русской литературой было предопределено в Киргизии структурой и содержанием школьного образования. Здесь с конца XIX века формировалась и развивалась российская, а затем советская система образования с учетом особенностей национального региона. Русская литература в том или ином объеме присутствовала в учебных программах и учебниках для школ и как материал внеклассного чтения на протяжении целого столетия, и это не могло не оказать влияния на мировоззрение и эстетический кругозор ряда поколений.

Существенное влияние на распространение и восприятие русской литературы в Кыргызстане и соответствующего воздействия на духовную жизнь населения республики оказала бурно развивающаяся в 50–60-е годы русскоязычная образовательная система – русские школы, школы с параллельными языками обучения, классы углубленного изучения русского языка. В 40-е и 50-е годы по учебникам литературного чтения на русском языке для национальной школы обучаются и киргизские школьники. Республиканское издательство переиздает для старших классов киргизской школы учебные книги по русской литературе для национальных школ Российской Федерации. К этому времени уровень практического владения русским языком учащихся-киргизов позволил ввести русскую литературу в программу обучения в качестве самостоятельной дисциплины.

Начиная с 60-х годов изучение русского языка и русской литературы в киргизской школе стало составной частью образовательного процесса, одним из существенных способов формирования культуры личности. В республике были созданы оригинальные комплексы учебников и учебно-методических пособий по русской литературе для 5–7 и 8–11 классов киргизской школы. В книгах для чтения и учебниках по русской литературе этого поколения основная обучающая роль отводилась художественному тексту с дидактической установкой на достаточный уровень понимания в процессе изучения русского языка в киргизской школе. С 5 по 11 классы учащиеся усваивали хресто-

матийный курс русской литературы, куда входили русские народные сказки, басни, поэтические произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. А. Блока, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, Б. Л. Пастернака, А. А. Ахматовой, А. Т. Твардовского, в обзорах с фрагментами и отдельными главами повести и романы И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, М. А. Шолохова, пьесы русских драматургов, русскоязычная проза Ч. Айтматова и другие художественные тексты из общепринятого круга школьного чтения по программам народного образования. В дополнение к этому надо отметить, что творчество русских писателей было представлено и в учебном курсе киргизской литературы.

Сеть школ в республике с учетом обязательного среднего образования способствовала тому, что у молодежи сложился устойчивый интерес к русской литературе и знакомство с ней по программе школьного образования стало реальностью для всего населения. Вследствие этого произведения русской литературы вошли в круг семейного чтения, в библиотечные фонды учреждений культуры, включая сельские библиотеки отдаленных горных районов.

Литературный перевод прозы, драматургии и поэзии как субкультура в национальной культуре имеет свои отличительные черты, свою «внешность» и особое состояние, приданные ему новообретенной языковой формой, и если пользоваться терминологическими обозначениями Ипполита Тэна, средой и расой. Перевод представляет собой самостоятельное

произведение, в котором обязательно сохраняется память оригинала, текст источника, однако доминирует эстетика воспринимающей стороны с ее условиями и возможностями адекватного решения. Индивидуальная манера переводчика, своеобразие конкретного перевода обнаруживает себя на фоне общего процесса, в отношении частного к общему.

Трансформация русской литературы в киргизоязычной среде очевидна, и процесс ее восприятия и освоения осуществляется стадийно. Перевод лирического послания «К***» («Я помню чудное мгновенье...») А. С. Пушкина может служить иллюстрацией стадийности процесса и своеобразия киргизского восприятия перевода русской поэзии.

Многовариантность передачи одного и того же произведения стала характерной чертой освоения творчества Пушкина на киргизском языке. Стихотворение «Узник» – первое произведение Пушкина на киргизском языке – известно в семи переводах, принадлежащих видным киргизским поэтам. Есть пять различных переводов «Медного всадника», несколько вариантов «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказки о попе и о работнике его Балде», три перевода «Полтавы», шесть – «Во глубине сибирских руд», роман в стихах «Евгений Онегин» переводили в разное время А. Осмонов, К. Баялинов, Э. Турсунов. И этот список произведений Пушкина, неоднократно переведенных на киргизский язык, можно продолжить другими названиями. Такова особенность киргизского восприятия творчества Пушкина. Она отмечена

в диссертации К. Рысалиева «Произведения Пушкина в киргизских переводах» (1953 г.), в исследовании К. Х. Джидеевой «Лирика А. С. Пушкина в киргизских переводах» (1967 г.), в литературно-критической статье О. Ибраимова «Атактуу ырдын төрт котормосу» (1976 г.) и в других литературоведческих работах¹. Мыслится так, что благодаря многовариантности перевода конкретного произведения Пушкина читатель может сделать выбор. Но дело не только в выборе читателя и соревновательности переводчиков. Культура и техника литературного перевода совершенствуются стадийно, на новом этапе с учетом предшествующего состояния и дополнительных ресурсов, накопленных в языке, возникает и реализуется потребность в новых переводах.

Динамика перевода стихотворения А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») выстраивается хронологически в такой последовательности: У. Абдукаимов, 1960; Э. Турсунов, 1960; А. Жакшылыков, 1974; С. Урмамбетов, 1974; К. Бобулов, 1975; С. Жусуев, 1980; О. Сатыбалдиев, 1980; Р. Рыскулов, 1998; И. Талип, 1999; А. Омурканов, 1999; Т. Самудинов, 1999. Поэты-переводчики Э. Турсунов, А. Омурканов и С. Жусуев не удовлетворились первым вариантом перевода и заново перевели послание «К***» («Я помню чудное мгновенье...») в публикациях, указав: “котормонун экин-

¹ Рысалиев К. Произведения Пушкина в киргизских переводах: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1953; Джидеева К. Х. Лирика А. С. Пушкина в киргизских переводах. Фрунзе: Мектеп, 1967; Ибраимов О. Атактуу ырдын төрт котормосу // Кыргызстан маданияты. 1976. № 13. 25 марта.

чи варианты” – второй вариант перевода. Как это понимать? Нечасто в практике поэтического перевода можно встретить два варианта одного и того же произведения, принадлежащие перу с самим собой соревнующегося переводчика. В данном случае создание второго варианта мотивировано профессиональным побуждением, самокритичным взглядом на первый вариант перевода. Но вместе с тем этот пример указывает на стадийное состояние динамики литературного перевода, вследствие чего возникает побудительная потребность переводчика реализовать новые возможности национальной культурно-коммуникативной среды и языковой сферы. Упомянутые переводы стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...») публиковались в киргизской печати и отдельных изданиях не единожды. Они представлены в сборниках произведений Пушкина на киргизском языке 1951, 1960, 1971, 1981, 1999 гг.²

Многовариантность перевода стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») неизбежно должна была сказаться на читательском восприятии. Пушкин представал в новом облике переводчика, утрачивал свою нормативную однозначность. И если отдельный перевод в сравнении с оригиналом можно было считать переводом, комментируя по принципу вербальной или образно-семантической адекватности, то совокупно взятые все пятнадцать или более вариантов становились ничем иным, как авторским переложением пушкинского текста по его

² Пушкиниана в Кыргызстане: информационно-аналитический очерк / ред. и предисл. М. А. Рудова. Бишкек, 1999.

образцу и подобию. Предположительно должен быть один текст на киргизском языке, соответствующий переводимому с русского языка стихотворению «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). На самом деле таких текстов оказалось пятнадцать, и не исключено появление новых. На другом языке, в национальном мирозерцании свои правила и приметы. Поэтому поэтический перевод всегда многолик.

В первом обозрении узнавание перевода осуществляется по признакам соответствия оригиналу. Заглавие-посвящение «К***» проставлено лишь в трех переводах, в остальных – предлог передан киргизским аффиксом -ге, астроном расшифрован: «А. П. Кернге». Уточнение по первой стихотворной строке – «Я помню чудное мгновенье...» – исключено, потому что не может исполнять роль заглавия, будучи неповторимым в каждом из переводов: «Турат эсте жал-жал көз ирмем» (А. Омурканов); «Бир жарк эткен укмуш менин эсимде» (Э. Турсунов); «Эсимде чыкканың алдымдан...» (С. Жусуев) и т. д. Строрфика и линейность выдержаны идеально, как и в оригинале, – 6 катренов, 24 стихотворных строки в соответствующем графическом расположении. На этом признаки видимого совпадения заканчиваются, но для узнавания оригинала, с которого сделан перевод, их, пожалуй, достаточно. При аналитическом рассмотрении наступает момент истины, фиксирующий несовпадения метрического строя вследствие языковых различий. Русский текст организован как четырехстопный двусложный размер четной ударной модификации с пиррихиями

(ямб) и наращенной стопой (женская клаузула) в первой и третьей строке катрена. Этому метрическому строю на всем протяжении текста соответствует чередование девятисложных и восьмисложных строк преимущественно с трехударным интонированием.

В киргизском стихосложении нет размера, адекватного русскому четырехстопному ямбу с наращенной стопой, т. е. с последним – девятым – безударным слогом. Киргизский стих всегда имеет ударное окончание, потому что в многосложных словах киргизского языка ударение фиксированное и падает на последний слог. К киргизской метрике неприменимо стопное членение. Размер стиха организован повторяющейся комбинацией словоупотреблений в строке, разделенных слоговыми группами. Так, традиционный для киргизской поэзии семи-восьмисложник в принципиальной схеме имеет строение 4+3 и 3+2+3 (цифрой обозначено количество слогов в словоупотреблении, знак + отмечает метрический слоговой раздел).

В этой ситуации переводчикам предстояло, прежде всего, решить задачу выбора метрического строя, соответствующего стиховой организации послания «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). Оказалось, что, кроме формального соответствия счету слогов – 9 и 8 в чередующихся строках, другие возможности передачи русского силлабо-тонического стиха отсутствуют. На смену метрическому расчету пришла интуиция переводчика и метрический слух. Стиховую структуру русского текста сменила структура киргизского стиха – другого спосо-

ба метрической организации перевода не существовало. С этого момента началось перевоплощение произведения Пушкина в иную национальную картину мира, в иной круг образных ассоциаций и представлений. В первом варианте перевода С. Жусуева очевиден процесс перевоплощения: Эсимде чыкканың алдымдан // Жарк этип нурдуу ырайың, // Суктанып сезимди жандырган // Перидей тунук чырайың.

Здесь 1 и 3 строки – девятистишие по схеме 3+3+3; 2 и 4 строки – восьмистишие по традиционной схеме 3+2+3. Такое строение перевело звучание пушкинского стиха в систему интонирования киргизской речи, и тем самым определилась функция перевода как перевоплощение пушкинского создания на киргизский лад. В переводах чередование девяти- и восьмисложных строк было обозначено перекрестной рифмовкой по схеме АБАБ с трехсложным окончанием по киргизской метрической традиции. Но один момент имел существенное значение: строго соблюдалось чередование рифм в соответствии с пушкинской рифмовкой в шести катренах стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...»).

В киргизском же стихосложении самой распространенной рифмовкой является трехкратная рифма в четверостишии с нулевой третьей строкой по схеме АА–А.

На этом контрасте предполагалось «узнавание» пушкинского текста.

Конструирование ритмики перевода было вызвано интонационным слухом переводчика, подбором киргизской интонации, приближенной к интонированию и

пафосному чтению вслух стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). Здесь сыграли свою роль чутье переводчика, его поэтическая интуиция. Но коль скоро была найдена интонация и сконструирована метрическая схема, неизбежно определились и отбор слова, и построение фразы, и диктат рифмы. Следовательно, критерий вербальной точности, перевод слова в слово недостижим в поэзии хотя бы в такой мере, как в прозе. Смысл поэтического текста обнаруживает себя в подтексте, в образной картине за фасадом слов. С этих позиций перевод стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...») чрезвычайно сложен не только из-за языковых особенностей, но и, прежде всего, из-за несходства национального мирозерцания и его духовных корней. В пушкинском стихотворении находит выражение христианская образная символика: *явление чуда, видение, небесные черты, воскрешение, божество*. В киргизской передаче эта символика утрачивает свое содержание, обретает новые значения в исламском контексте или излагается приближенно к традиционной лирической поэтике. Так, в большинстве переводов гений чистой красоты представлен значением *перидей* (подобна пери); небесные черты у С. Жусуева – *жүзүңдү* (твой облик), у У. Абдукаимова – *келбеттүү жамалы* (с красивыми чертами лица, миловидная), у А. Омурканова – *айжамалың* (твою лунную красу), *тунук жүзүңдү* (твой чистый лик), у С. Эралиева – *нур жүзүң* (твое ясное – от *нур* – луч – лицо); *без божества* – чаще всего *кудайсыз*, т.е. без бога; *воскресли* – в разных переводах *келди, тирил-*

ди, кайра кайтып... (пришли, ожили, возвратились).

В отличие от прозы, перевод поэтического текста концентрирует внимание на ключевых словах и словосочетаниях, на вербальном лейтмотиве оригинала. В стихотворении Пушкина к таким образным выражениям можно отнести (соблюдая виртуальную роль переводчика) словосочетания *чудное мгновенье, мимолетное виденье, гений чистой красоты, небесные черты, во мраке заточенья, без божества, без вдохновенья, в душе настало пробужденье, сердце бьется в упоенье, воскресли вновь...* Что же соответствует этим словосочетаниям в пятнадцати разных переводах? У каждого переводчика – свое понимание и свой описательный способ передачи ключевого понятия! Вот, например, третья строка стихотворения: как мимолетное виденье – и соответственно в переводах: *көздөн учкан элес калды сезимде; шумдук элес көркүң унуткус; аян бердиң жарк деп сезимге; закымдай бир жарк эткенсиң; суктанып сезимди жандырган; бир ажайып сыйкыр сезилген; алоону салдың сезимге; жүзүңдөн нуруң төгүлгөн; мелт эткен сырдуу элесиң; бурула бастың алдымдан.* Аналогично можно выстроить цепочку несоответствий относительно других ключевых словосочетаний. Это не означает, что перевод неудачен. В этом надо видеть поиск значений, способных путем замены передать образное содержание переводимого произведения.

Сопоставление переводов стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), выполненных киргизскими

поэтами, показывает разительные несоответствия текстов. Казалось бы, сходство заложено в природе перевода, который должен соответствовать оригиналу. Но мы имеем ряд числителей при общем знаменателе, каковым является оригинал. Мера вербальной точности не соблюдается, постоянные замены ключевых словосочетаний, переключение образной символики в другую национальную систему мирозерцания определяют индивидуальное различие каждого перевода, его «самостоятельность» в соотношении с другими, занимающими позиции в числителе.

В экспериментальных целях для установления коэффициента точности перевода (по методике М. Л. Гаспарова) зададимся целью подсчета вербальных совпадений в киргизских текстах¹. Оказывается, коэффициент точности переводов составляет от 10 до 17 процентов. Предположение о том, что ключевые слова оригинала в разных переводах и по-киргизски должны быть одинаковыми, не подтверждается, переводчики путем замены находят «свое» слово. *Журөк* (сердце), *пери* (замена «гений чистой красоты»), *үн* (голос) повторяются в восьми переводах, и это самый высокий показатель частотности, если не считать такие необходимые словоупотребления, как *мен* (я), *сен* (ты), *жылдар* (годы). Из других совпадений отметим, что *назик* (нежный) встречается в пяти переводах, *шык* (счастье), *жарк* (сверкнуло, появилось), *элес*

¹ Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: материалы Всесоюзной научной конференции. М., 1975. С. 119–122.

(неясные очертания), *укмуш* (нечто удивительное) – в четырех переводах, такие слова как *умут* (надежда), *көңүл* (сердце, душевное состояние), *керемет* (чудо) – в трех переводах.

О чем это говорит? Прежде всего, о способности языка в различных вербальных вариантах воссоздавать «чужой» текст, конструировать национальное искусство перевода. На этой основе возникают условия многообразной передачи переводимого поэтического произведения. И пятнадцать индивидуальных переводов одного и того же текста – стихотворения А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») – подтверждают это наблюдение.

Впервые переводы из русской литературы на киргизском языке были опубликованы в середине двадцатых годов. Касым Тыныстанов перевел басню Крылова «Стрекоза и Муравей» («Ийнелик менен кумурска»), Касымалы Баялинов – стихотворение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» («Үч курма»). Основоположники киргизской профессиональной литературы в деле перевода русской литературы были первооткрывателями будущего магистрального канала литературного взаимодействия.

В 1927 году вся переводческая практика была представлена всего лишь пятью произведениями русских писателей. Но в первой половине тридцатых годов началось интенсивное освоение русской литературы в киргизских переводах, и в 1937 году в состав переводных изданий входило около 50 названий, и среди них стихотворения, поэмы, сказки, повесть «Дубровский», в отрывках роман «Евге-

ний Онегин», «Капитанская дочка», приуроченные к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина; произведения различных жанров М. Горького, В. Гаршина, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, Д. Фурманова, А. Серафимовича, С. Маршака, А. Барто; сборник басен И. А. Крылова в переводах Алыкула Осмонова. К этому времени уже имелось на киргизском языке с десятков книг русских писателей, выпущенных национальным издательством «Кыргызмамбас». Началось плановое и целенаправленное, с нарастающим итогом, формирование книжного фонда русской литературы на киргизском языке.

В 20-е годы количество переводных произведений исчислялось единицами: это были отдельные рассказы и стихотворения. В 30-е годы список изданий пополнился тремя сотнями названий, и среди них в 1933 году – рассказы А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, Л. Н. Толстого, повесть А. С. Неверова «Ташкент – город хлебный»; в 1934–36 гг. – рассказы А. П. Чехова, М. Горького, «Мятеж» Д. А. Фурманова, «Военная тайна» А. П. Гайдара, сказки и романтическая поэма «Цыганы» А. С. Пушкина. Особенно продуктивным был 1937 год: появились на киргизском языке «Ревизор» Н. В. Гоголя, книга басен И. А. Крылова, «Муму» И. С. Тургенева, книжка для детского чтения К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто, Б. Житкова и приуроченный к памятной дате сборник лирических произведений А. С. Пушкина.

В 1938–39 годах в реестр киргизских книг были внесены «Шинель» и «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Мои университе-

ты» и «Мать» М. Горького, «Ашик-Кериб» и лирика М. Ю. Лермонтова, стихи С. Я. Маршака, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, сатирические сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого, рассказы И. С. Тургенева, новеллы А. П. Чехова.

В 40-е годы вышли в свет отдельными книгами «Избранное» В. В. Маяковского, «Наука ненависти» М. А. Шолохова, юбилейное издание басен И. А. Крылова, сборник рассказов А. П. Чехова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Бедность не порок» А. Н. Островского и другие издания, значительно расширившие круг чтения массового читателя. В 1937 году в Киргизстане состоялся ряд мероприятий, посвященных 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Киргизские средства массовой информации активно знакомили население с его творчеством. В 40-е годы в печати публиковались статьи о творчестве М. Горького, В. Г. Белинского, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, посвященные юбилейным и знаменательным датам.

В 50-е годы значительно возросла интенсивность освоения русской литературы по всем каналам распространения не только в переводах на киргизский язык, но и в непосредственном восприятии. В это десятилетие было переведено и опубликовано произведений русской литературы больше, чем за все предшествующие годы. Стали практиковаться и переиздания, что свидетельствовало о массовом спросе на переводы из русской литературы. Именно тогда киргизские переводчики и книгоиздатели приступили к

изданию многотомных сочинений и сборников избранных произведений классиков русской литературы XIX века, известных русских писателей первой половины XX столетия. Заметным достижением в культурной жизни Киргизстана и сфере межнациональных отношений стало издание семитомного собрания сочинений М. Горького, двухтомника произведений Н. В. Гоголя, сочинений А. С. Пушкина, романов Л. Н. Толстого, сборников стихов А. Т. Твардовского, Н. С. Тихонова, А. Суркова и др.

В середине столетия на рубеже 60-х годов сложилась общественно-политическая и культурная ситуация, способствовавшая интенсивному распространению русской литературы в Киргизстане. Фактор русской литературы оказал значительное влияние на расширение русскоязычной среды, на формирование культурного кругозора национальной интеллигенции и культурных потребностей населения. Ощутимо стало влияние русской литературы на киргизскую литературу. Определилось ее место в общесоюзном литературном процессе, она обрела черты развитой профессиональной литературы с присущим ей многообразием стилей, жанров и способов повествования.

В 60-е годы киргизская литература в переводах на русский язык была востребована многочисленной читательской аудиторией и параллельно с ней в Киргизстане образовалась русская литература на киргизском языке. В обстановке реального киргизско-русского двуязычия получило распространение русскоязычное творчество киргизских писателей.

В историческом аспекте повести и романы Чингиза Айтматова, созданные на русском языке, обусловлены единением двух культур на основе билингвизма и роли русской литературы в этом процессе.

Начиная с 60-х годов в списке русских писателей, представленных на киргизском языке, появилось много новых имен, антология русской литературы пополнялась новыми произведениями. В 1962 году состоялась первая декада русской литературы в Киргизстане с участием известных русских писателей. К ней было приурочено издание сборника произведений «Русские просторы» («Орус мейкени»), в котором представлены С. П. Антонов, Н. Н. Асеев, Демьян Бедный, А. А. Блок, С. П. Бородин, А. П. Гайдар, Ф. В. Гладков, Н. М. Грибачев, В. М. Инбер, М. В. Исаковский, А. А. Каравеева, В. М. Кожевников, В. А. Кочетов, Г. М. Марков, Г. Е. Николаева, Ф. И. Панферов, К. Г. Паустовский, Н. Ф. Погодин, А. А. Прокофьев, Р. И. Рождественский, Н. И. Рыленков, С. В. Сартаков, К. М. Симонов, Я. В. Смеляков, С. В. Смирнов, Л. С. Соболев, В. А. Солоухин, А. В. Софронов, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, В. Ф. Тендряков, Н. С. Тихонов, К. А. Федин, В. Д. Федоров, В. Д. Цыбин, М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург. Эти имена говорят сами за себя: таков диапазон восприятия русской литературы в переводах на киргизский язык в середине 60-х годов. К этому можно присоединить десятки других авторов, чьи произведения, изданные в 70-е годы, пользовались популярностью у киргизских читателей, и среди них «Пядь зем-

ли» Г. Я. Бакланова, рассказы С. А. Баруздина, «Два капитана» В. А. Каверина, «В осаде» В. К. Кетлинской, «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Заре навстречу» и «Знакомьтесь, Балуев!» В. М. Кожевникова, «Искры» М. Д. Соколова, исторические повести С. П. Алексеева, «История моего современника» В. Г. Короленко, повести А. И. Куприна, «Флаги на башнях» А. С. Макаренко, «Елки-молталки» В. А. Чивилихина, «Иду на грозу» Д. А. Гранина, сборник повестей «Разливы рек» К. Г. Паустовского, стихи и поэмы В. В. Маяковского, «Алые паруса» А. С. Грина, «Русский лес» Л. М. Леонова, «Блокада» А. Б. Чаковского, «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, повести В. Ф. Пановой, рассказы В. М. Шукшина, «Живи и помни» В. Г. Распутина, «Алитет уходит в горы» Т. З. Семушкина, «Война» И. Ф. Стаднюка.

В дни декады русской литературы в 1962 году об этом выразительно сказал Чингиз Айтматов, обращаясь со словами приветствия к русским писателям: «Вы приезжаете в свой дом, на свое трудовое поле, на котором выросла с вашей помощью литература киргизского народа. Да, именно с помощью культуры русского народа молодая киргизская литература поднималась через Токтогула и Токомбаева, взошла к поэзии Алыкула Осмонова и Суюнбая Эралиева, к многоплановой прозе Тугельбая Сыдыкбекова, и чем дальше, тем больше мы связаны с русской литературой и обязаны ей всем лучшим, что есть в нашем творчестве».

Благотворное влияние русской литературы на творчество киргизских писа-

телей отмечается в литературно-критических статьях, литературных обзорах и рецензиях, в научно-исследовательских работах, посвященных взаимосвязям русской и киргизской литератур, в отзывах и выступлениях самих писателей. Через призму восприятия и освоения русской литературы на киргизском языке преломляется спектр многообразия переводов, раскрывается значение искусства литературно-художественного перевода и подвижнический труд киргизских переводчиков. Имена переводчиков заслуживают упоминания и признания, это славная когорта профессионалов, ревнителей киргизского языка и знатоков русской литературы. По переводам русской литературы видно, какой значительный вклад внесли переводчики в состояние современной культуры киргизского народа, в укрепление позиций билингвизма, в развитие межнациональных отношений и международных связей. Во второй половине XX столетия сформировалась и достигла высокого профессионализма киргизская школа литературных переводчиков. Переводческой работы не чуждались все известные киргизские писатели. Особенно заметными на этом поле деятельности стали переводы Узакбая Абдукаимова, Алыкула Осмонова, Сунютбека Бектурсунова, Касымбека Эшмамбетова, Олджобая Орозбаева, Сооронбая Джусуева. Благодаря им на киргизском языке об-

рели новую жизнь тысячи произведений русских писателей, на книжных полках разместилась киргизская библиотека русской литературы.

В начале 90-х годов произошли исторические события, изменившие геополитическую карту Советского Союза. Кыргызстан обрел независимость, и было создано суверенное государство – Кыргызская Республика. В перестроечный период произошел развал организационных структур и каналов, проводивших в жизнь стратегию и тактику литературно-художественных переводов. Существенно сократилась издательская база, произошли большие перемены в коммуникативной сфере. В результате всего этого с учетом общих рыночных отношений резко сократилось количество переводов произведений русской литературы, ощущимой стала депрессия в этой области. Но спустя десятилетие, к началу 2000-х гг., намечились перемены в положительную сторону. Законодательный статус киргизского и русского языков, закрепленный в Конституции Кыргызской Республики, правовая защита как государственного киргизского, так и официального русского языка, развитие государственного двуязычия в перспективе создали новые условия и мотивы для взаимных переводов из русской и киргизской литератур.

(Из личного архива М. Рудова).

КЫРГЫЗСТАН И ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Евгений Дмитриевич Поливанов
(1891–1938)

Лингвист, востоковед и литературовед.

Один из основоположников советской социолингвистики и исторической фонологии, создатель оригинальной теории языковой эволюции, автор множества работ по языкам Востока и Средней Азии, разработчик методик обучения русскому языку нерусских. Как лингвист широкого профиля и полиглот Поливанов занимался многими языками, прежде всего русским, японским, узбекским, дунганским и др., и самыми разнообразными проблемами лингвистики.

Вел научно-педагогическую работу в Самарканде (1929–1931), Ташкенте (1931–1934), Фрунзе (ныне Бишкек) (1934–1937). Арестован в 1937 г. по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии, в 1938 г. был расстрелян, реабилитирован в 1963 г.

Общий фонетический принцип всякой поэтической техники

Начать необходимо с терминологических пояснений, в частности с определения того, что мы будем называть **поэзией** – в отличие от **прозы**. Критерий у нас здесь будет чисто формальный: к поэзии

мы относим всякую пьесу, словесный материал которой обнаруживает организованность по тому или иному фонетическому (т. е. звуковому) моменту (помимо и независимо от своей смысловой

организованности); – прозой, наоборот, все то, где эта фонетическая, (звуковая) организованность **отсутствует**. Характер смыслового содержания пьесы при этом для нас безразличен. Таким образом, к поэзии у нас отойдет и такая, например, пьеса: *Раз два три / Нос утри*, несмотря на всю ее смысловую бедность, – отойдет потому, что здесь мы видим рифму – один из привычных для нас приемов звуковой организации стиха. К поэзии мы согласимся отнести и Гоголевское: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно...» и т. д., но – только потому, что здесь мы находим явные признаки звуковой организации: в частности (независимо от ритмического момента, о котором можно было бы говорить в свою очередь), «смежные» повторы согласных: напр.

д'н дн' (Чу)ден Дне(пр)
 пр пр' (Дне)пр при
 гд' (к)гд (по)годе (ко)гда
 вл'н(п) лвн вольно и (п)лавно и т. д.

Примечание. Значком ´ отмечается «мягкость» (палатализация) согласного: д' = дь, н' = нь и т. д. [В двух последних примерах («погоде когда, вольно и плавно») мы находим, правда, уже не тот элементарный вид «смежного двухсогласного повтора», который мы констатируем в «Чуден Днепр» и «Днепр при» (или, хотя бы, например, у Маяковского: *кофта фата*), а несколько более сложные явления: корреспондирующие (т. е. участвующие в повторе) согласные разделены наличием одного постороннего согласного (к в первом из данных случаев, п во втором); наконец, в последнем примере

группа из 3-х согласных повторяется уже в ином порядке («вольно и плавно»). Но все это второстепенные детали, несколько не меняющие значимости каждого из только что приведенных (4-х) примеров в качестве обнаружения фонетической организованности пьесы. Поскольку нам пришлось коснуться фонетического разбора «Чуден Днепр...», кстати обратим внимание еще на одно – нижеследующее обстоятельство: при произнесении **скоороговоркой** *Д* и *р* слова *Днепр* пропускаются: выходит: «Чуд(е)ннепритих(а)й» и т. д., а следовательно, исчезают и имеющие поэтехническую установку «смежные повторы»: *дн – дн, пр – пр(и)*. Но это только дает лишний раз подтверждение тому, что поэтическая организация речи рассчитывает не на скороговорку и что скороговорка, в свою очередь, не предназначена для чтения, имеющего в виду поэтические эмоции. Что же касается самого процесса ассимилятивного исчезновения *Д* в *денДне* и *р пр при*, то он, с лингвистической точки зрения, оказывается вполне естественным и легко объяснимым явлением.]

Равным образом, поэзией с нашей точки зрения будут и речи Иоанна Златоуста – ибо в них мы находим фонетическую организованность по принципу т. н. «рифмы стоп», и древнегреческие стихи «Илиады» и «Одиссеи», лишенные рифмы, но зато сплошь от начала до конца построенные по метрическому принципу (принципу чередования долгих и кратких слогов), и, наконец, японские «*tanka*» и «*hokku*», в которых отсутствует и рифма и метрическая организованность, но зато налицо другой

прием фонетической организации словесного материала – чисто силлабический принцип определенного числа слогов в стихе (т. е. между цезурами).

Мы видим, таким образом, что, считая отличительным признаком поэзии наличие **той или иной** фонетической организованности, мы никак не можем подменить это определение каким-либо одним определенным принципом этой организованности, т. е. не можем сказать, например, что поэзия – это всё то, где есть рифма, или что поэзия – это все те пьесы, которые обнаруживают правильное чередование ударенного и неударенного слогов (тонический принцип стихосложения и т. д.). Приемов фонетической организации поэзии, оказывается, существует много, и мы увидим, что в известной национальной поэзии известного периода излюбленным и канонизованным является один из этих приемов поэтической техники, а в поэзии другого народа или в другой историко-литературный период – наблюдаются уже иные приемы, т. е. своя специфическая поэтическая техника. К этому можно еще прибавить, что наряду с канонизованными (в данной национальной среде и в данный историко-литературный период) приемами поэтики, т. е. наряду с такими приемами, которые для данной поэтической техники неотъемлемы и обязательны для каждой поэтической пьесы данной среды и эпохи, могут быть обнаруживаемы еще совершенно иные по своей фонетической природе приемы, участвующие в организации словесного материала данных пьес лишь окказионально и необязательно:

примером может служить, хотя бы, спорадическая рифма у Овидия (в метрических стихах, которые в виде общего правила обходятся без рифмы) или – другой пример – повтор звукосочетаний *ин – ин'* у П. Орешина в стихах: «Я кинул отчий кров, И пусть засыплет *иней* Следы моих шагов». Мы условимся называть подобные окказиональные (для данной поэтики) приемы факультативными приемами поэтики – в отличие от приемов канонизованных (к которым у Овидия принадлежит метрическое стихосложение).

Как уже было упомянуто, в нашем определении поэзии (в отличие от прозы) совершенно не принимается в расчет характер смыслового содержания пьесы (т. е. в качестве критерия нам служат исключительно лишь формальные признаки). Но можно было бы сказать и более: для нашего определения поэзии (а следовательно, и для отнесения данной пьесы в разряд пьес **поэтических**) не важен не только характер, но не важно и наличие смыслового содержания в данной пьесе. Иначе говоря, могут быть отдельные поэтические пьесы и может быть поэзия без смыслового содержания. Мы не сомневаясь отнесем к поэзии, напр., следующие строки: Мёдля длѣт и глѣт песѣк

Замирающие звѣны
И растрѣщатые тѣны
Глим-плим-бля бежѣт песѣк.
Омелá у мѣлкой мѣли
Что под мѣлом молоко
Это мѣре на свирѣли
Разом длѣт
Поѣт Бѣлькая [1912 г.]

Или следующий припев из мордовской (эрзя-мордовской) народной поэзии – припев, в котором нет ни одного значащего слова: *я еѣх ваѣх ваяень / ва еѣх ваѣх ваяень*. В фонетической транскрипции: *ja jejox vajox vajajen' / va jejox vajox vajajen'*. Правда, вполне чистая или идеальная «заумь» (какой является только что приведенный мордовский refrain) – явление весьма редкое и встречающееся почти исключительно лишь в виде припевов. Обычно же в «заумных» пьесах нашей искусственной русской поэзии мы находим все-таки хотя бы некоторый намек на смысловое содержание [пускай оно сводится не к переводимому на язык логики суждению, а просто лишь к ряду разрозненных (но все же смысловых, а не звуковых) представлений и ощущений]. Возьмем в качестве примера следующее четверостишие:

На прѡ-то про тѡ-то леглѡ-то
 То дѣвно леглѡ на леглѣви
 И стрѡнно завѣтно мне ктѡ-то
 Про тѡ напевѡл из Галеви [1913 г.]

По численному соотношению между значащими и незначащими частями (отрезками) эта «заумь» могла бы быть названа уже «полузаумью». Тем не менее «заумь», как принцип, или как особый (самостоятельный) подвид поэтических пьес, существует и имеет все права на существование именно **как наиболее чистый или наиболее поэтический** (если исходить из вышесказанного нашего определения) вид поэзии: в «зауми» (по кр<айней> мере в «зауми» идеального типа – без значащих слов) вся творческая

энергия автора и все внимание воспринимающего (чтеца или слушателя) направлены на формальную (звуковую) сторону речи, т. е., как мы увидим ниже, – на игру тем или другим видом повторов, не отвлекаясь в сторону смысловых представлений. С этим вполне увязывается и то обстоятельство, что именно в «зауми», а также в том виде поэтических пьес (или фрагментов), в которых «заумь» наиболее свободно и наиболее часто фигурирует, – именно в refrain'ах – наблюдается наибольшая насыщенность повторами [т. е. элементами формальной (звуковой) организации стиха]. Для примера сошлемся, во-первых, на цитированный нами выше мордовский refrain (единственная тема которого, как мы видим, сводится к сгущенному «перекликанью» звуков *j, v, x*), а, во-вторых, на refrain из французской искусственной поэзии: беру припев из песенки в «Notre-Dame de Paris» Виктора Гюго: *Grève, aboie, Grève, grouille, / File, o file, ma quenouille, / File sa corde au bourreau, / Qui siffle dans le préau*. Разберем это последнее четверостишие (в фонетическом отношении). Для того, чтобы проанализировать «звуковую инструментовку» этого припева, необходимо изобразить это в фонетической (пофонемной) транскрипции [Чтобы избавиться от привходящего «случайного» элемента (не имеющего отношения к звуковому составу пьесы), каковым является французская орфография].

grɛ:v abwá grɛ:vœgrú:j(œ)
 fil ofil makœnú:j(œ)
 fil(œ) sakórd oburó
 kisiflœ dālœpreó.

Наличие двух пар смежных рифм [gru:j(œ) – kœnu:j(œ), обуго — preo] здесь, разумеется, оказывается каноническим (т. е. обязательным для каждого четверостишия данного жанра) и для нас ничего особо интересного не представляет: это общеобязательный *minimum* приема звуковых повторов, и ничего характерного именно для *refrain'*ного четверостишия мы в нем не находим. Зато невольно обращает на себя внимание богатство **других** – неканонизованных приемов звукового повтора. Именно, сосредоточив наше внимание на согласных звуках, мы констатируем:

1) В первой строке мы имеем тройной (аллитерационного типа) повтор группы **gr**: grɛ:v abwa grɛ:vœ gru:j(œ). При этом в каждом из этих 3-х случаев группа **gr** находится в начале слова и перед ударным гласным этого слова: обе эти особенности и являются именно типичными для того приема поэтической техники, который мы привыкли называть аллитерацией [То обстоятельство, что в аллитерации участвуют начальные звуки слов (в канонизованных типах аллитерации обычно – один начальный звук), является, конечно, общеизвестным; ср. пример из эстонской поэзии, где аллитерация – следуя традиции народной поэзии – в значительной мере играет роль канонизованного приема: *Keha küll kibruneb karedaks kooreks / Aga süda, süda jääb nooreks [Peeter Grünfeldt]*. А о том, что в явлениях аллитерации играет роль место ударения (именно аллитерация фигурирует в качестве канонизованного приема в тех языках, где ударение бывает или может быть на первом слоге слова), речь у нас будет идти ниже (см. гл.

II)]. Наконец, если мы обратим внимание на то, что осталось в 1-ой строке за вычетом комплексов **gr** и конечного комплекса u:j(œ), как участвующего в рифмическом повторе, т. е. на комплексы ε:v abwa – ε:v, то здесь мы опять-таки найдем известный отбор согласных, именно одни лишь губные (и притом звонкие) согласные: v, b, а также w (в *aboie*), если только позволительно считать этот звук (именно во французском языке) согласным. Впрочем, на этом последнем моменте (на отборе губных в ε:v abwa – ε:v) позволительно было бы и не останавливаться, во всяком случае ему нельзя придавать крупного значения.

2) Во второй строке [fil ofil makœnú:j(œ)] мы в свою очередь встречаем смежный повтор согласных fl (хотя и достигается он элементарным путем — повтором одного и того же слова [Ниже мы увидим, что повтор тождественных по смыслу слов (и даже морфем) является дурным средством для достижения звукоповтора]).

3) Но особенное внимание обращают на себя последние две строки рассматриваемого *refrain'*а, в которых мы, строго говоря, не найдем ни одного «лишнего», не участвующего в консонантическом повторе согласного звука. Если мы выпишем из строк fil(œ) *sakórd oburó / kisiflæ dälæpreó* одни лишь согласные (опустив, следовательно, все гласные), мы получим... консонантический остов двустипшия <...>... Если позволительно будет сравнить принцип звуковых повторов в поэзии, а с другой стороны – и в музыке с принципом симметрии в изобразительных искусствах (архитектуре, скульптуре и в живописи), то область

refrain'ов найдет себе аналогию в орнаментальной скульптуре и живописи: именно в последних принцип симметрии и является основного значения принципом организации материала. И далее: роль орнаментальной техники, в общем, – очень скромная роль (в скульптуре и живописи, как в целом). Но таково же, в общем, и отношение refrain'a к прочим фрагментам поэтических пьес: refrain – это своего рода бордюры или орнамент для семантически насыщенных фрагментов; последние зато менее (чем их refrain'ный бордюры) насыщены звукоповторами. В сфере изобразительного творчества симметрический орнамент, в свою очередь, имеет типичную функцию бордюра. Можно было бы иллюстрировать это несколькими примерами, из которых мы возьмем грубейший: пейзажная картина в рамке из симметрического бордюра; – последний имеет minimum смыслового содержания (minimum изобразительности), но зато насыщен симметрическими повторами (линий, фигур и т. д.). Итак, «заумь» — это поэзия (если только в ней, действительно, налицо фонетическая организация материала. <...>

В чем же состоит фонетическая организация языкового материала (слов

и фраз) в поэзии? Иначе говоря, к чему сводится поэтическая техника? В чем основные и общие черты ее приемов? Несомненно, что общей **системы** поэтической техники для всех языков и всех литератур нет и быть не может, ибо, как мы увидим в дальнейшем, входящие в понятие поэтической техники приемы ближайшим образом зависят от фонетической системы данного языка (а взаимное различие фонетических систем разных языков без преувеличения может быть сравнимо с разнообразием антропологических вариантов человечества). [Хотя вовсе не является производным от этих антропологических (соматических) различий]. Однако в виде обобщения всех различных систем поэтической техники (или стихосложения) можно указать на один главный принцип, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении. Это – **принцип повтора** фонетических представлений. При этом – в различных случаях – материалом повтора могут быть фонетические представления самого различного порядка и состава.

(Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1961. № 1)

Цитата

Проблема искусства есть проблема перевода. Плохие писатели те, кто пишут, считаясь с внутренним контекстом, не известным читателю. Нужно писать как бы вдвоем: главное здесь, как и везде, – научиться владеть собою.

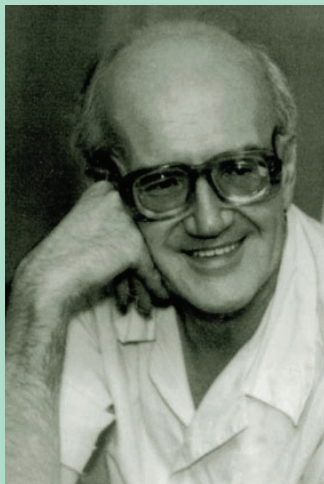
*Альбер Камю,
французский писатель, лауреат Нобелевской премии
по литературе 1957 г.*

Цитата

Цитата

Цитата

Михаил Леонович Гаспаров
(1935–2005)

Академик Российской академии наук, филолог, литературовед, специалист по античности, автор многочисленных трудов, посвящённых стихосложению, теории и практике перевода. Автор фундаментальных работ о русском и европейском стихе. Эссеист. Переводчик античной, средневековой и новой поэзии и прозы.

Михаил Гаспаров родился в 1935 году в Москве. Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ (1957). Кандидат филологических наук (1962, диссертация «Античная литературная басня»), доктор филологических наук (1979, монография «Современный русский стих: метрика и ритмика»).

Один из организаторов и профессор кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ (1990–1994), преподаватель Литературного института им.

А. М. Горького, Института высших гуманитарных исследований РГГУ, заведующий отделом структурной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка Российской академии наук.

Председатель Мандельштамовского общества, главный редактор «Мандельштамовской энциклопедии»; многолетний член редколлегии «Литературных памятников», «Трудов по знаковым системам», «Библиотеки античной литературы», реферативного журнала «Литературоведение», журналов «Вестник древней истории», «Arbor Mundi» («Мировое древо», Москва, РГГУ), «Elementa» (США), «Rossica Romana» (Италия) и др.

Лауреат Государственной премии России (1995), премии «Иллюминатор» (1995), Малой премии Букера (1997; за сборник «Избранные статьи»), премии Андрея Белого (1999; за книгу «Записи и выписки»).

В 2004 году М. Л. Гаспарову была присуждена академическая премия им. А. С. Пушкина за «Избранные труды».

Стилистическая перспектива в переводах художественной литературы

Когда мы читаем любое литературное произведение на его оригинальном языке, в нас всегда присутствует ощущение исторической дистанции, отделяющей нас от текста. Оно порождается прежде

всего языком и стилем. Мы отличаем Сумарокова от Пушкина и Пушкина от Надсона не только и не столько по тому, что и о чем они писали, по тем словам и оборотам, которые были возможны для одного

и невозможны для другого. Обычно мы в этом не отдаем себе отчета; но попробуем себе представить, что по ошибке переплетчика в том Тургенева оказалась вплетена страница Чехова или в том Стация страница Клавдиана: мы сразу почувствуем хотя бы просто, что «что-то здесь неладно». Это скажет нам наше опущение стиля. Я решаюсь уклониться от прямой формулировки, что такое стиль. Скажем так: стиль – это то, что обеспечивает однородность текста, то, что позволяет нам сказать: вот эта фраза – не из этого текста, потому что такое-то слово или оборот в данном стиле невозможны.

Здесь, в оригинальной литературе, существующее разнообразие стилей сложилось исторически, оно нам дано. В переводной литературе – дело другое: здесь разнообразие стилей нам не дано, а нами создается. Как? Вспомним, как выглядит хрестоматия по античной литературе в русских переводах: Илиада в переводе Гнедича, Одиссея – Жуковского, Гесиод и гимны – Вересаева, Батрахомиомахия – Альтмана, Алкей – Иванова, Сапфо – Вересаева и т. д. Можно ли, читая Илиаду Гнедича и Одиссею Жуковского, представить себе, что писал их один и тот же Гомер, и вообразить, как они у него выглядят? Никогда. Можно ли, читая русскую Батрахомиомахию, догадаться, что она вся смонтирована из строк и фраз Илиады и Одиссеи, в которые лишь подставлены другие, низкие имена и реалии? Никогда. Читатель, не знакомый с греческим языком, но способный чувствовать русский, будет оглушен небывалой архаикой Гнедича; немного опомнится на знакомой

старомодности Жуковского; со скукой привычности пройдет по Вересаеву; неожиданно опять провалится в архаику ивановского Алкея и с трудом выкарабкается на прозаичную непритязательность вересаевской Сапфо. Более древние памятники кажутся более близкими; позднейшие – более далекими, одновременные – разновременными. Вот эту стилистическую чересполосицу я и позволил себе назвать: отсутствие стилистической перспективы.

Конечно, такая чересполосица ощущается как зло. Но как обычно с ним борются? Тем, что стараются все переводы выдерживать в одном и том же стиле – таком, который кажется переводящим «современным». Что получается при таком подходе? Все переводимые авторы ощущаются как современники читателю и, стало быть, современники друг другу, все как бы равноудалены от читателя, стилистической перспективы опять нет, а есть лишь бесконечное однообразие. Представим себе русскую литературу, в которой кто-то отредактировал бы и Державина, и Жуковского, и Пушкина так, чтобы их лексика и грамматика были так же современны, как у Исаковского и Твардовского. Это была бы очень удручающая картина. А ведь в переводной литературе это – правило.

У этих двух бедствий – один источник: унаследованное от романтиков представление, что дух с духом общается непосредственно и все гении всех времен друг другу братья. Обычно это формулируется так: «Переводить трагедии Эсхила надо так, как писал бы Эсхил, если бы писал по-русски». Когда писал? При

Карамзине? При Некрасове? При нас?! Задача перевода – не в том, чтобы дать по-русски то, чего нет по-русски, а в том, чтобы показать, почему этого не было и не могло быть по-русски. Лучшее, что может сделать переводчик, – это вообразить: если бы такой-то греческий автор пожелал воплотиться на русском языке, то какую культуру он бы выбрал – карамзинскую, некрасовскую или нашу? Думаю, что нужно быть очень большим эгоцентристом, чтобы твердо сказать: нашу. Или, пользуясь иронической парафразой И. Кашкина: «Если бы имярек писал по-русски, он писал бы, как я» [1, с. 217].

Есть и другая формула того же панибратского отношения к классике: «Перевод должен восприниматься читателем, как подлинник воспринимался современниками автора». Спрашивается, почему современниками? Среди миллионов читателей Эхила за две тысячи лет современники его составляют ничтожно малую часть; восприятие их было куда беднее, чем восприятие потомков с их новым и новым историческим опытом; да и среди современников одни его воспринимали так, другие – иначе. Самое главное: именно современники вообще не читали Эхила, они только видели его на афинской сцене, и здесь мы при всем желании не можем разделить их восприятие. Да если бы и могли – разве мы бы сумели увидеть Эхила глазами тех, кто эксплуатирует рабов, молится Афине, по жребию заседает в государственном совете и боится эриний? Даже филологу мучительно трудно представить себе сознание такого современника, а надеяться, что это делает

читатель перевода – нелепое самообольщение. Нет, лучшее, что сможет сделать переводчик, это постараться передать ту многозначность, которую имел памятник для его современников, а не подменять ее той многозначностью, которую он имеет для нас, и тем более той однозначностью, которую он имеет для переводчика.

Известно, что в истории перевода боются два подхода: переводить, насилуя подлинник в угоду своему языку и вкусу – или насилуя свой язык и вкус в угоду подлиннику; иначе говоря – перевод, приближающий памятник к нам или нас к памятнику. При первом подходе стилистическая перспектива невозможна, все памятники одинаково приближаются к нам и окружают нас как бы равноудаленной толпой, в которой сливаются все лица. И только при втором подходе стилистическая перспектива возможна: каждый памятник высится отдельно, один ближе, другой дальше, и ощущение стилистической перспективы – это как бы ощущение меры умственных усилий, положенных на то, чтобы подойти к памятнику. Это ощущение исторической дистанции – благо, потому что оно страхует нас от опасной иллюзии, что писатели прошлого писали для нас и думали о том же, о чем мы. Язык и стиль их напоминает нам, что для понимания всегда нужно усилие, а если усилия нет, то мы не понимаем мыслей автора, а просто приписываем ему свои.

И здесь вопрос стилистический уже становится вопросом идеологическим. Приближать прошлое к современности – это значит создавать иллюзию, что все

времена подобны нашему и что наше время всегда будет подобно самому себе: что ничего более не нужно менять и ни за что не нужно бороться. Когда мы утрачиваем стилистическую перспективу, глядя в прошлое, – тогда мы утрачиваем и творческую перспективу, глядя в будущее. Как точные науки и ремесла – это, в конечном счете, борьба человека против стихий природы, так гуманитарные науки и искусства – это борьба человека против стихий времени, той, о которой Маркс сказал: «Традиция всех умерших поколений, как кошмар, тяготеет над мозгом живущих» [2]. Борьба идет с издержками, многие победы оказываются пирровыми: успехи точных наук довели большой мир до экологического хаоса, а успехи наших переводчиков довели маленький мир перевода до того хаоса, картинку которого являла описанная нами хрестоматия. Когда биологи призывают нас быть внимательнее к природе – это не из сентиментального желания отдохнуть от современности в нетронутом мире, а это для того, чтобы наши неумелые преобразования природы не помешали будущим умелым. Точно так же и соблюдать стилистическую перспективу в переводах нужно не затем, чтобы можно было уйти от современности в нетронутое прошлое, а затем, чтобы сегодняшнее наше перекраивание прошлого не мешало завтрашнему.

Каким образом сегодняшнее перекраивание прошлого может мешать завтрашнему, это нам показывает вся история мировой культуры. В самом деле, как хорошо было бы для всех, а особенно для составителей хрестоматий, если бы русская культура осваивала античную в

хронологической последовательности, если бы в XVIII в. она заинтересовалась Гомером, при Пушкине – трагиками, к концу XIX в. – римлянами и т. д. Но мы знаем, что так не было и что Вергилия у нас стали переводить раньше, чем Гомера, а баснописцев раньше, чем лириков. Больше того, мы знаем, что так не бывает никогда: всякое освоение чужой культуры движется не от древних памятников к новым, а от более заметных и чтимых (в данной системе ценностей) к менее заметным – то есть, сплошь и рядом, наоборот, от новых к древним. Так, римская культура при Пакувии и Акции освоила в греческой раньше Еврипида, чем Эсхила; всеевропейская в античной – раньше Вергилия, чем Гомера; русская во французской – раньше Вольтера, чем Ронсара.

В истории наших переводческих дискуссий уже было однажды заявлено о необходимости соблюдать стилистическую перспективу; но было это сказано недостаточно внятно и достаточно несвоевременно. Это – когда Е. Ланн дня переводов из Диккенса предложил не пользоваться такими словами, «происхождение которых относится к эпохе более поздней, чем эпоха автора» [3, с. 157], стремясь к тому, чтобы Диккенс звучал «не так, как звучал бы в том случае, если бы он был написан современником» [4, с. 116]. Ланн честно добавляет: «Считаем ли мы, что пользование “приемом точности” обеспечивает раскрытие стиля? Отнюдь нет, и это нужно подчеркнуть с особенной отчетливостью... Есть неталантливые авторы и есть неталантливые переводчики, которым не поможет никакой “прием”... Мы разуме-

ем только, что никакой другой принцип не дает возможности в условиях другой языковой системы воссоздать стиль писателя» [3, с. 157]. (Беда Ланна и Кривцовой была в том, что они оказались именно неталантливыми переводчиками и скомпрометировали правильный принцип). Разница между теоретической программой Ланна и программой Кашкина не так уж велика: процесс всякого перевода состоит из двух этапов – от слов чужого языка к смыслу и от смысла к словам своего языка; Ланн больше сосредоточивал внимание на первом этапе, а Кашкин – на втором. Опаснее было то, что при этом Кашкин полагал возможным первый этап как бы оставлять на волю интуиции, а интуиция умеет вчитывать в любой текст не только то, что в нем написано, а и то, что мы знаем помимо него. Узаконив это, Кашкин пришел к известной концепции реалистического перевода, смысл которой: переводчик должен передавать не ту субъективную картину мира, которая была в голове у автора и запечатлелась в его словах, а ту объективную картину мира, которая была перед автором и которую в каких-то отношениях мы знаем помимо него и лучше него. К чести Кашкина, до таких геркулесовых столпов в своих теоретических статьях он не договаривался; но в практических разборах он судил именно так: достаточно вспомнить, как он обличал Шенгели за то, что тот в «Дон-Жуане» дал такого карикатурного Суворова, каким он написан у Байрона, а не такого, какого мы знаем и любим. Такое отношение к материалу было возможно лишь благодаря железной уверенности

в том, что в нас история достигла своего предела, и что все пути прошлого сходятся только в нашем настоящем и только им интересны. Это объяснимо: было чувство победы нового строя, был пафос творения нового мира, и казалось, что после такой победы уже не нужно учиться у истории, что все прошлое равно перед ликом творимого будущего, оно – лишь склад подержанных полуфабрикатов для этого творения, и нужно только разместить отсеки этого склада так, чтобы более потребные были ближе под рукой, а менее потребные – дальше.

Есть понятие «длины контекста», на который опирается перевод: пословесный, пофразовый, по целым произведениям. При пословесной передаче получается подстрочник. При пофразовой передаче получается, как правило, обычный литературный перевод. При передаче целого произведения получается подражание – таковы бывали, например, стихотворения, над которыми было написано «из Горация» и в которых, действительно, был так называемый дух Горация, но определить, какое же собственно стихотворение здесь переведено, было очень трудно. Так вот, по-видимому, имеет смысл расширить это понятие еще больше: таким же контекстом (самым длинным) должна являться для переводчика и вся совокупность переводимой национальной литературы. Переводя такое-то стихотворение такого-то поэта, переводчик должен отдавать себе отчет: а как перевел бы он всю литературу, к которой принадлежит этот поэт и это стихотворение? То есть он должен представлять себе ту стили-

стическую перспективу, в которую он вписывает свой перевод. И Кашкин очень хорошо нашел стиль для перевода «Кентерберийских рассказов» Чосера: без всякой архаизации; но представим себе, что ему пришлось бы переводить рядом с ней другую вещь Чосера, «Троила и Крессиду» – можно не сомневаться, что это заставило бы его не только найти новый стиль, но и видоизменить старый, иначе никакой читатель не поверил бы, что это вещи одного автора. При романтическом представлении о прямом контакте с гением вопрос о контексте вообще не стоял: если мы общаемся с гением Эсхила или Шекспира над переводом, а не через перевод, то понятно, что забываем обо всем на свете и видим и слышим только те стихи, что перед нами. Но мы знаем, что на самом деле так не бывает: в каком бы виде мы Эсхила ни читали, мы помним, что до него был Гомер, а после него Еврипид, и на обоих он непохож. Это ощущение переводчик обязан передать и читателю перевода.

Интересно, что при такой смене контекстов разную роль приобретает та мелочная точность передачи особенностей чужого языка, которая считается самым предосудительным свойством буквализма. При малом контексте это, действительно, есть точность частных, вредящая точности целого. При большом контексте эти частности оказываются не нужны и исчезают из перевода. А при сверхбольшом контексте они опять становятся важны, но уже не как приметы отдельной фразы, а как приметы всего языкового, а стало быть, и мыслительно-

го мира подлинника. Именно этим буквализм переводов обогащает родной язык. Самые буквальные переводы священных книг: на переводах Библии формировались все европейские языки, от Кирилла и Мефодия до Лютера. Буквализм здесь питался уверенностью, что никаких синонимических замен из средств родного языка здесь нет и не может быть: все слова Писания – новые, ведь если бы они уже были в языке, в нем было бы само Писание. Когда Ланн требовал буквалистического перевода, этим он призывал перевести Диккенса, как Библию. Вряд ли эта рекомендация уместна для всех и всяких переводов, но время от времени полезна: она учит переводчика такой простой, но трудной вещи, как уважение к подлиннику. Ведь повседневная практика переводов современной литературы развращает – особенно переводов с языков народов СССР, где всякая вольность перевода может быть авторизована и где часто перевод по существу является не переводом, а новым вариантом авторского текста. Для современности это закономерный процесс; но тем необходимее переводчику для нравственной самодисциплины помнить, что кроме современности существует классика и что она неприкосновенна.

Я думаю, что во всякой развитой литературе существуют и должны существовать переводы трех типов. На одном полюсе – переводы-переработки, такие, как «Антигона» Брехта, ваганты Гинзбурга или «Гаргантюа» Н. Заболоцкого. На другом полюсе – несколько монументов ориентирующего буквализма, таких, как Библия, «Илиада» Гнедича или Апулей Кузмина.

В промежутке – вся основная масса переводной литературы. Для полюсов вопрос о стилистической перспективе не стоит: на одном полюсе стиль переработок растворяется в стиле современной нашей словесности, на другом – каждый монумент высится обособленно и неповторимо. Но для промежуточной массы, чтобы не было безликости и чтобы не было хаоса, стилистическая перспектива необходима.

Невозможно переводить просто, «с языка на язык»; всякий перевод – это также и перевод «со стиля на стиль». Для античников это когда-то блестяще показал Виламовиц. Как сделать перевод не с греческого языка, а на греческий язык – скажем, стихотворение Гете «Горные вершины»? Греческий язык – мертвый язык, заниматься формотворчеством здесь нельзя, нужно выбирать один из реально существующих поэтических стилей и по нему стилизовать свой перевод. Для «Горных вершин», говорит Виламовиц, в греческой поэзии возможно представить лишь два подходящих стиля: во-первых, архаическую лирику в духе Ивика, и тогда это будет звучать, к примеру, вот так-то; а во-вторых, эллинистическую эпиграмму, и тогда это будет звучать вот так-то. Переводчик с древнего языка на новый, на живой, находится в лучшем положении, для него возможно формотворчество; более того, переводы в литературе тем и дороги, что дают возможность обогащать свою литературу новыми стилями – поэтический стиль русского классицизма был создан Ломоносовым на переводе из Гюнтера, а русского романтизма – Жуковским на переводе из Грея. Но такие

события – редкая радость. Поэтому и для переводчика с древнего языка на новый обязателен тот же ход мыслей, что и для Виламовица: он должен выбрать из огромного запаса реально существующих стилей русской литературы тот, который, по его ощущению, лучше всего подходит для переводимого произведения, а по нему стилизовать свой перевод, заранее представляя тем самым, какие ассоциации он вызовет у читателя.

Стилизация по романтическим пред-рассудкам еще считается у нас чем-то предосудительным, так сказать, уклонением от нормального самовыражения. Но к переводчику это относиться не может; переводчик вообще не имеет права на самовыражение, права быть самим собой: если он на таком праве настаивает, то у него могут получиться хорошие стихи, но не хорошие переводы. Более того, переводчик обязан быть стилизатором превыше всего, т. е. выбирать свои художественные средства обдуманно, там, где оригинальный писатель выбирает их стихийно.

Если бы каждый переводчик не держался за собственный голос, а владел чужими разными голосами, это безмерно обогатило бы нашу литературу. Ведь до сих пор русский Тибулл неотличим от русского Проперция, потому что и того и другого переводили одни и те же переводчики: в XIX в. – Фет, а в XX в. – Остроумов. Ведь и три трагика сохраняют для русского читателя свои индивидуальности только потому, что по счастью их переводили три разных переводчика: В. Иванов (и его заместитель по стилю А. Пиотровский), Ф. Зе-

линский и И. Анненский. Но когда один и тот же переводчик брался за всех трех трагиков, как это делал до революции Мережковский, а после революции тот же Пиотровский в сборнике «Древнегреческая трагедия» (1937), то опять отличить Эсхила от Еврипида становилось невозможно. Только из-за неумения стилизовать до сих пор мы не имеем художественного перевода писем Цицерона и Плиния, а имеем лишь такие, которыми можно пользоваться для исторических справок. Очевидно, что переводить такие письма можно лишь опираясь на русский эпистолярный стиль приблизительно пушкинского времени – единственного времени, когда письмо у нас было литературным фактом. Между тем наши переводчики переводили их деловым языком современных писем, и это получалось очень нехорошо.

В какой стилистической перспективе располагать Геродота, Фукидида и Ксенофонта – это, во всяком случае, вопрос нетрудный. Но бывают случаи и более любопытные. Например, когда мы выбирали стиль для перевода памятников средневековой латинской литературы, мы столкнулись вот с чем. В средневековье были авторы ученые и изысканные, вроде Иоанна Сольсерийского, подражавшие в стиле, и очень искусно, античным писателям, и были авторы рядовые, писавшие на средневековой латыни, которая нам, античникам, кажется неуклюжей; вот, для первых мы выбираем гладкий неархаизованный стиль, каким бы мы переводили и античных писателей, а для вторых – архаизованный и нарочито неуклюжий; и это – несмо-

тря на то, что стиль первых был обращен в прошлое, а стиль вторых – в будущее.

Более далекая от нас античность переводится без архаизации, более близкое к нам средневековье – с архаизацией: вот лучшее свидетельство того, что архаизация есть знак не объективной, а субъективной нашей удаленности от рассматриваемой культуры, – знак, что она для нас не в фокусе, а в антифокусе. Что это значит? Интерес к памятникам чужой культуры никогда не равномерен: одни ее эпохи нам более близки, другие чужды. Для нашего современного восприятия французской литературы близки (т. е. попросту понятно, как их переводить), с одной стороны, Бальзак и Золя, с другой – Рабле и Ронсар, а между ними лежит классицизм XVII–XVIII вв., и мы, положив руку на сердце, не знаем, как его переводить, и переводим, как бог на душу положит: хочется сказать, что это «антифокус» между двумя фокусами нашего внимания. Получается что-то вроде волнообразного чередования фокусных и антифокусных эпох в представляющейся нам истории культуры; насколько оно совпадает или не совпадает с объективной волнообразностью чередования «ренессанс – барокко – классицизм – романтизм – реализм» – вопрос очень любопытный, и, по-моему, никак еще не исследованный. С течением времени фокусы сдвигаются: скоро, вероятно, освоенными станут XX и XVIII века, а в антифокусе окажется Бальзак, и переводить его будет трудно.

Все эти, казалось бы, мелочи переводческой повседневности для филолога очень важны. По существу, здесь речь идет

о такой большой проблеме, как соотношение античной культуры в зеркале русской культуры. Вкус каждого человека складывается под влиянием биографических случайностей: такую-то книгу он прочитал раньше или позже, такая-то запала в него глубже или поверхностней, а в результате – индивидуальная система вкуса, нимало не похожая на систему вкуса его ближнего. Но чтобы люди все-таки могли понимать друг друга, кроме вкуса существует еще и знание – что такой-то писатель жил дальше или ближе, что считается он великим или малым. Точно так же и отражение мировой культуры в национальной культуре складывается под влиянием исторических случайностей; но так же и оно нуждается в каком-то коррективе, чтобы понять, почему для нас Пушкин все, а для французов – ничто, или почему сто тридцать лет назад Жорж Санд для нас была все, а теперь ничто. Вот таким коррективом – или хотя бы одним из коррективов – и может служить соблюдение стилистической перспективы в переводах.

Мы все хорошо понимаем, что это лишь постановка вопроса, а не решение его; лишь напоминание о том, что такая проблема есть, помним мы о ней или не помним. А решать ее приходится в каждом случае отдельно. Редко, когда представляются случаи осваивать новую неизвестную большую литературу разом, от начала до конца, так, что есть возможность воссоздавать ее в осознанной стилистической перспективе. Чаще приходится заново переосмысливать уже перекроенное прошлое и считаться с тем, что Шекспир для русской культуры – современник Полевого и Мо-

чалова, а Эдгар По – Бальмонта и Брюсова. Чтобы в такой историко-культурной ситуации выбрать стиль для нового перевода любого памятника, нужно учесть великое множество связанных с ним литературных ориентиров, – или махнуть рукой и переводить, как бог на душу положит, а потом твой перевод будет дополнительно загромождать поле зрения будущим переводчикам, как переводы твоих предшественников – тебе.

Я хочу указать лишь на один малоиспробованный способ создания стилистических путеводителей по лабиринту переводной литературы. Это – антологии. Сейчас существуют антологии двух типов: или – по литературам, где большая и связная словесность раздается по кускам разным переводчикам, и они превращают ее в хаос, или – по переводчикам, когда переводчику посчастливится собрать в одну книгу все, что охотой или неволей ему случалось переводить, и своим вкусом и манерой навести между этими кусками связь, ни для кого, к сожалению, не обязательную. Но возможен и третий тип: специально по истории поэтического стиля такой-то литературы (а не истории ее тем, идей или имен, как обычно), небольшая по объему, широкая по охвату и выполняемая одним переводчиком или хорошо сработавшей группой переводчиков; из прецедентов ближе всего к этому идеалу «Поэзия Армении» под ред. В. Брюсова. Если читатель будет располагать такой антологией, скажем, из 50 стихотворений, он сможет мысленно ориентировать по ним, как по компасу, любые самые разноголосые подборки

текстов из этой литературы. Составление такой антологии – задача трудная для филолога и ответственная для переводчика, но в принципе, думается, вполне возможная.

Думаю заранее, что старые переводы, даже самые классические, для такой антологии окажутся непригодны, потому что они не были рассчитаны на ее структуру и выделяли в подлинниках не то, что в ней нужно: потребуются новые. Зато в той основной массе переводов, в которой читателю по ним придется ориентироваться, поток новых переводов, может быть, целесообразно убавить – чтобы не усугублять безликого хаоса. Обычно у нас лишь немногие переводы считаются золотым фондом, подлежащим бессрочной перепечатке, а остальные через каждые несколько десятилетий делаются заново – в ответ будто бы на требования читательского вкуса. В недавнем издании «Атта Тролля» Гейне подсчитано, что в среднем каждые 11 лет появлялся новый перевод этой поэмы: каждое поколение хотело видеть ее по-своему. (Для литературоведа это любопытнейший материал: здесь писанная литература развивается по законам устной, с нарождающимися и отмирающими вариантами, как в фольклоре). Для такой решимости вновь и вновь начинать работу с нуля требуется очень большая самоуверенность и очень малое уважение к культурной традиции. Новые переводы оправданы, когда переводчик предлагает для старого памятника новый стиль, т. е. новый образец для стилизации. Так, оправданной была новая Илиада Гнедича после Кострова, и Минского после Гнедича, и за-

мечательная попытка Кузмина после Минского, но нимало не оправданной Илиада Вересаева, державшегося тех же установок, что и Минский, и только иные строчки переведившего лучше, а иные хуже.

Если переводчик не может предложить для переводимого автора новый стиль, то лучше ему продолжать или совершенствовать стиль, уже найденный предшественником...

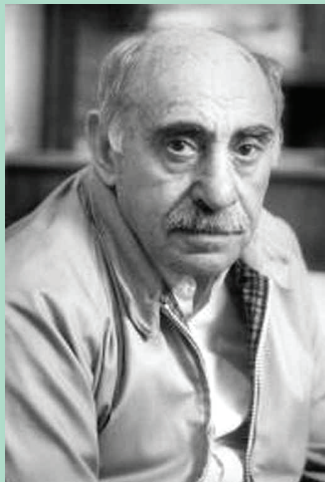
Прошлое, которое мы себе представляем, соткано из нитей нашей же культуры. Если мы слишком часто будем его перелицовывать, оно расползется. На акрополе стоял корабль Фесея, в котором прогнившие доски постепенно заменялись новыми, и философы говорили: вот диалектика, это и тот корабль, и не тот корабль. Такова, наверное, и должна быть культурная традиция вообще и переводческая в частности.

Литература

1. Литературный критик. – М., 1936. – № 5.
2. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. – М.: Гослитиздат, 1949.
3. Литературный критик. – М., 1939. – № 1.
4. Литературная учеба. – М., 1937. – № 2.

(Гаспаров М. Л. Стилистическая перспектива в переводах художественной литературы // Взаимообогащение национальных советских культур и художественный перевод: сборник научных статей. Фрунзе, 1987. С. 3–14.)

Семён Израилевич Липкин
(1911–2003)

Русский советский поэт и переводчик, Герой Калмыкии, кавалер Ордена Белого Лотоса (2001), народный поэт Калмыцкой АССР (1968).

Родился в Одессе, по совету поэта Эдуарда Багрицкого переехал в Москву, где начал публиковать стихи в газетах и журналах. Окончил Московский инженерно-экономический институт (1937). В годы Великой Отечественной войны сражался в рядах 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии и Волжской военной флотилии.

Выучил персидский язык и с 1934 года занялся литературными переводами с восточных языков (в частности, аккадский эпос «Поэма о Гильгамеше», калмыцкий эпос «Джангар», киргизский эпос «Манас», памятник индийской культуры «Бхагавадгита»). Автор нескольких книг стихов и романа «Декада», воспоминаний о В. С. Гроссмани, О. Э. Мандельштаме, Г. А. Шенгели, А. А. Тарковском и др.

Член Союза писателей СССР с момента его основания в 1934 году. Вместе с Л. Пеньковским являлся переводчиком многих эпизодов «Манаса»: «Рождение богатыря», «Письмо Каныкей», «Конурбай нарушает перемирие», «Смерть богатырей», «Возвращение Манаса», «Завещание Манаса», «Смерть Манаса»..

Лауреат нескольких Государственных премий: Таджикской ССР имени Рудаки (1967), Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (2002), кавалер ордена Отечественной войны II степени.

Я хотел передать музыку киргизской поэзии

Яркий голос популярного в Киргизстане диктора Валерия Ровинского на протяжении двух лет наполняет эфир дыханием героической песни о Манасе. За каждой передачей – многие часы репетиций, мучительных поисков нужной интонации, мелодии, ритма...

В ходе работы над эпосом возникла потребность услышать живую речь автора русского перевода, благодаря которому киргизский эпос энергично шагнул в мировую культуру, снять о нём фильм. Ровинский поехал в Москву к Семёну Липкину: встреча, записанная на видеоленту,

покоряет не только обаянием разговора двух интеллектуалов, но и передает драматизм нашей эпохи, драматизм борьбы за вечные духовные ценности народа.

Фрагменты этой беседы с классиком русского поэтического перевода.

– Шестьдесят лет тому назад группа русских переводчиков, пройдя предварительный конкурс, была привлечена к работе над кыргызским эпосом «Манас». Давайте вернемся к тем далёким временам, вспомним, как это начиналось...

Прежде всего, я должен сказать, что я счастлив, что 1000-летний юбилей эпоса «Манас» будет праздноваться так широко и торжественно. Действительно, это произведение равно «Илиаде», «Одиссее» и другим великим памятникам народной эпической поэзии. «Манас» прошел очень тяжёлый путь. На этом пути были и преследования, и отрицание, и на долю переводчиков, манасоведов в те далёкие сталинские годы выпала трудная задача как-то защитить эпос. Особенно это было трудно потому, что противники были и внутри Киргизии, среди партийных деятелей и, к сожалению, среди некоторых литераторов.

Как происходила переводческая работа? Вначале к этому делу приступили Пеньковский и Тарловский. Потом выяснилось, что они просто не успеют уложиться в срок, ведь решено было издать перевод к 20-летию Октябрьской революции. Поэтому решили организовать закрытый конкурс. Хотя я был очень молод, но тоже был привлечён к этому конкурсу. К тому времени я уже издал отрывок из калмыцкого эпоса «Джангр», который был хорошо встречен критикой.

Конкурс был закрытым, во главе его стояли Н. Накоряков, старый большевик, агент «Искры», человек хороший, и видный поэт Игорь¹ Сельвинский. Победителями стали Пеньковский, Тарловский и я. Нас собрали всех, и три победителя читали кусочки из этого эпоса.

– Семён Израилевич, вы работали по отдельности или какие-то фрагменты создавались совместно?

Так получилось, что Пеньковский, как самый старший, был нашим «бригадиром». Он взял на себя распределение. Договаривался с Касымом Тыныстановым и с Омуркулом Джакишевым, как распределить между нами отдельные фрагменты, но и мы имели свой голос, каждый мог выбрать по желанию тот или иной отрывок. Все решалось демократически.

– Скажите, каким-нибудь тюркским языком Вы владеете или все было сделано по подстрочному переводу?

Эго очень серьёзный вопрос. Мы не имели времени, чтобы овладеть киргизским языком в той степени, чтобы читать и говорить. Но мы изучили синтаксис, грамматику киргизского языка, каждый из нас немножко говорил по-киргизски. На бытовом уровне по-киргизски я мог говорить, понимал речь гораздо лучше. Так что мы примерно через полгода, пользуясь подстрочным переводом, все же читали подлинник, чтобы ощутить музыку киргизского стиха.

– Вы много раз бывали в Киргизии.

¹ Ошибка В. Ровинского и редакции. Имеется в виду известный советский поэт Илья Сельвинский, привлекавшийся позже к переводу «Малых эпосов». – Прим. ред.

Да, дело в том, что я был председателем киргизской комиссии Союза советских писателей, так что у меня были постоянные и тесные контакты с киргизскими поэтами и прозаиками уже вне связи с «Манасом».

– Знаете ли вы, что переводом «Манаса» занимался еще и Владимир Солоухин?

Тут вот такая история. В 1979 году с поэтессой Инной Лиснянской мы участвовали в альманахе «Метрополь», к которому у властей было однозначно отрицательное отношение. За это участие и еще за то, что мы в знак протеста против исключения из Союза писателей двух наших молодых коллег сами вышли из Союза, наши произведения вплоть до 1987 года были под запретом – и оригинальные, и переводные. Именно в это время Солоухин занялся этим переводом. Я его перевода не видел.

– Вы встречались неоднократно с нашим знаменитым манасчи Саякбаем Каралаевым. Вы при нём читали свой перевод?

Конечно, много раз. Во время декады киргизской культуры в 1939 году мы выступали вместе на вечере в Доме литераторов, в разных местах Подмосковья. Он пел, а потом мы читали. Каралаев был гений, и как все гении, он был наивный, что-то детское в нём было. Я тогда был тоже очень молод. И вот где-то в Подмосковье я начал свой перевод пением под музыку Саякбая.

Ему это безумно понравилось, он мне сказал: «Ты тоже мастер!». Он обладал колоссальной памятью, особенно ему нравились батальные сцены. Мне особенно запомнились выступления Каралаева у

себя на родине, в юртах перед земляками. Вдохновленный сценами битв, Саякбай, закатав рукава, вскакивал, и вместе с ним вскакивали с мест слушатели, так захватывало всех его исполнение.

– Позвольте мне задать вопрос, который передаёт вам наш культуролог, исследователь эпоса Мелис Убукеев: каково место «Манаса» в ряду других тюркско-монгольских памятников эпической культуры, каковы его особенности?

Самое замечательное в эпосе «Манас» то, что, в отличие от литературы социалистического реализма, в нём нет героев только хороших или только плохих. Каждый из персонажей совершает и благородные, и очень красивые поступки, и в то же время не очень хорошие. Так нарисован Жакып, отец Манаса, так нарисован Сыргак, любимый герой, но который, идя в разведку с Алманбетом¹, всё время ему не верит, поскольку Алманбет китаец. Пожалуй, единственно Алманбет лишен отрицательных черт. Вообще характер Алманбета – величайшее достижение мировой поэзии. Это шекспировский характер. Он покинул родное государство, его считают изменником в китайской империи, и ему не доверяют люди, близкие ему и по религии, и по целям. Вы понимаете, как это трудно человеку. Алманбет жалуется иногда на свою судьбу и в то же время он верит, что избрал правильный путь. Это колоссальный характер.

Нужно еще сказать, что очень хорошо построен «Манас». Это огромная вещь, она передавалась изустно. Когда чело-

¹ Ошибка В. Ровинского и редакции. Правильно имя героя в эпосе Алмамбет. – Прим. ред.

век пишет, он может что-то исправить. Конечно, в «Манасе» встречаются повторения, это естественно, потому что манасчи время от времени должен был напоминать слушателям, что было раньше. Причем он пел не перед писателями, пел перед народом, я в народ включаю и правителей, это тоже был народ, и он должен был им некоторые вещи напомнить. В контексте всего эпоса этот приём создает неповторимую архитектуру грандиозного произведения.

Я не знаю, есть ли исследования в манасоведении, посвященные композиции, есть ли исследования, посвященные рифме, которая очень богата в «Манасе». К сожалению, некоторые поэты в Киргизии иногда пользовались слабой рифмой. Такого в «Манасе» нет, хотя его пели люди, не получившие специального образования. Особенно заметно выделяются места, когда целый фрагмент построен на одной рифме, так называемой анафорической. Это очень трудно, но сделано всегда с большим совершенством.

– *В Национальной академии наук Киргизии есть сектор манасоведения, специалисты этим занимаются. Разрешите мне вручить вам книгу, которая вышла в этом году. Это повторение того издания «Манаса», которое вышло в 1946 году.*

Я очень рад, что вышла такая книга. Долгое время она была под запретом. Было два обвинения: панисламизм и подрыв якобы нашей дружбы с Китаем.

– *Семен Израилевич, мы знаем, что по мотивам «Манаса» вы написали повесть «Манас Великодушный», которая переведена и на другие языки.*

Очень интересен перевод на немецкий язык. Здесь переведён и отрывок из эпоса «Письма Каныкей». Так вот, эту стихотворную часть переводил поэт Эрих Миштер, которому тоже удалось великолепно передать на немецком языке музыку киргизской поэтической речи. Кроме того, повесть была издана на литовском, чешском.

– *Многих в Киргизии интересуют подробности вашей биографии. Где вы родились? Кто были ваши родные? Почему вы стали поэтом? Может быть, расскажите немного и о своей поэзии.*

Я родился в Одессе в 1911 году, так что уже очень стар, ведь родился ещё при царе. Даже видел приезд царя, это было в 1916 году. Родился я в семье ремесленника. Начал сочинять стихи очень рано, чуть ли не пяти-шести лет. Когда учился в художественной профшколе, то решил отнести свои стихи в газету «Одесские новости». Литературным консультантом был знаменитый поэт Эдуард Багрицкий, он был моим первым учителем. Стал писать, стал печататься. В восемнадцать лет меня стали хорошо печатать в Москве. Когда приехал в Москву, ко мне очень хорошо отнесся Осип Эмильевич Мандельштам. Я бывал у него много раз, и благодаря ему напечатали моё стихотворение в «Новом мире». Тогда напечататься было очень трудно, был нэп. Но после этого я начал широко печататься в московских толстых журналах и газетах. Одно моё стихотворение, напечатанное в «Комсомольской правде», заметил Горький и перепечатал в «Известиях», где он тогда сотрудничал.

Но потом, когда начался страшный период коллективизации, этот «великий перелом», меня, мои оригинальные стихи перестали печатать. И не печатали 25 лет, то есть лучшую пору жизни.

– *Но что-то писалось, как говорят, «в стол»?*

Все это время я писал, да. Помог наш старший товарищ, Георгий Шенгели, ведавший переводами произведений народов СССР. Он привлёк к работе над переводами своих молодых друзей – Марию Петровых, Арсения Тарковского, Аркадия Штеинберга и меня. Все они тоже кое-что переводили с киргизского.

Примерно через год я стал немножко понимать в своем деле и перевёл Аалы Токомбаева, с которым познакомился. Кстати, Аалы Токомбаев, Кубанычбек Маликов, Тугельбай Сыдыкбеков были нашими консультантами, как и Касым Тыныстанов. Где-то я читал, что Токомбаев и Тыныстанов были противниками. Такого не было, у них были очень дружеские отношения.

Большую помощь нам оказали Константин Кузьмич Юдахин, тюрколог, Сергей Ефимович Малов и Евгений Дмитриевич Поливанов.

– *Вы окончили какое-нибудь учебное заведение?*

Да, я окончил инженерно-технический институт, химический факультет. Тогда считалось, что человек литературным трудом жить не может. Это потом писатели стали привилегированным сословием. А чтобы семью прокормить, надо было быть инженером.

– *Долгое время вас не печатали. А что было потом?*

После смерти Сталина я начал печататься в журналах. Первую свою книгу «Очевидец» издал, когда мне было уже 56 лет. А потом началась эта история с «Метрополем», наложили запрет на профессию. И меня опять перестали печатать на восемь лет. За это время у меня вышли книги в Соединённых Штатах Америки. Это большой том стихов «Воля», составленный Иосифом Бродским, потом вышла тоже довольно солидная книга «Кочевой огонь», там же вышла моя повесть «Декада» о насильственной депортации народов Северного Кавказа. Там же была издана моя книга «Жизнь и судьба Василия Гроссмана». Наконец, в 1991 году вышел довольно солидный том стихов «Письмена».

– *Сейчас в преддверии тысячелетия эпоса много читают отрывков из «Манаса» на сцене, разучивают в школах. Что вы могли бы сказать о культуре чтения, о сохранении мелодии народного стиха. Какие тут существуют особенности? Какой совет нужно давать детям, когда они начинают учить на память стихи «Манаса»?*

Это хороший вопрос. Все эпические поэмы всех народов всегда пелись. Пелась индийская «Махабхарата», пелась «Песня песней» из Ветхого завета, пелись «Одиссея» и «Илиада». Из этого не следует, конечно, что, когда мы читаем книгу, то должны петь. Но мне кажется, что учитель должен об этом рассказать детям, и хорошо, если он мажет даже исполнить кусочек с напевом или проиграть на пластинке исполнение того же Каралаева и других акынов. Учащиеся с малых лет должны почувствовать величие род-

ной поэзии, ее особенности, не просто так хвалебные слова говорить, а рассказать суть дела. Эго ребёнок запомнит на всю жизнь.

– *О чём вы хотели бы ещё рассказать киргизскому читателю, что хотели бы добавить к нашему разговору?*

Я уже говорил, что нападки на «Манас» начались с самого начала нашей работы над этим эпосом. Несколько раз мы приезжали в Киргизию для того, чтобы тогдашний обком утвердил это начинание. Все затягивалось. А в 1949 году, когда Сталин начал борьбу с так называемым «панисламизмом», «буржуазным национализмом», «Манасу» предъявили обвинения, что это байско-феодальный эпос. Были писатели и учёные, которые осмеливались с этим спорить. Если говорить о русских учёных, это знаменитый тюрколог Боровков, академик Жирмунский. Мы, переводчики, тоже, насколько нам позволяла наша небольшая эрудиция, защищали. Нападал человек по фамилии Климович. На «Манас» даже написали пародию, строк на 500–600 с нецензурными словами, ну вроде наших гимназических пародий на «Евгения Онегина». Так вот, этот Климович говорил, что это и есть народное, а то, что мы предлагаем русскому читателю, это антинародное. Собrania были и в Институте востоковедения, против «Манаса» выступали крупные востоковеды.

Один раз меня вызвали на Лубянку. беседовал со мной человек с фамилией либо татарской, либо башкирской. Я чувствовал, что ему не нравится всё это дело. Он от меня потребовал, чтобы я написал своё мнение. Я написал, что это

не байско-феодальный, а народный эпос. А там, где в эпосе были такие эпизоды, как борьба с русскими, я утверждал, что это не является органической частью эпоса. Потом мне сказали, что в сравнении со всеми другими показаниями мое было самым смелым в защиту «Манаса».

Потом поняли идеологи, что отнять «Манас» у киргиза – все равно, что отнять Пушкина у русских, что так не пройдет. С «Манасом» всё же нашли какой-то выход: победил народ. Я думаю, учли, что это чревато чем-то дурным.

– *Какие эпосы вы переводили кроме «Манаса»?*

Я перевел калмыцкий эпос «Джангр», казахский эпос «Кабланды батыр»¹, бурятский эпос «Гэсэр» и северокавказский эпос «Нарды». Эго очень тяжёлый труд, если относиться к нему серьёзно, то есть изучать историю народа, основы его языка, даже географию. Все это требовало колоссальной работы. Когда не печатали моих собственных стихов, это была моя единственная радость, мое счастье.

Слово Кыргызстана. 1995. 21 января

(Липкин С. И. Я хотел передать музыку киргизской поэзии // Эпос «Манас» как фактор культурной интеграции XX века: материалы юбилейных чтений, посвящённых 90-летию поэта и переводчика С. И. Липкина и 55-летию выхода книги “Манас. Великий поход” / отв. ред.-сост.: А. Какеев, И. Исамидинов, В. Шаповалов. Бишкек, 2002. С. 102–108).

¹ Ошибка В. Ровинского и редакции: следует читать «Кобланды батыр». – Прим. ред.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ПЕРЕВОДА В КРСУ

Научно-образовательный центр «Перевод»

Научно-образовательный центр «Перевод» работает в КРСУ с начала 2010 г., он создан для организации, координации и ведения научных исследований, реализации поисковых проектов по междисциплинарной проблематике в русле специальностей «Перевод», «Переводоведение», «Межкультурная коммуникация» (по направлению «Филология»), интеграции литературно-творческих усилий в контексте международных писательских форумов. Миссия Центра – поддержка плодотворных взаимоотношений национальных культур, в формировании позитивных векторов государственной информационной политики Кыргызстана в новых геополитических условиях существования многоязычных и поликультурных сообществ, в углублении процессов интеграции Кыргызстана и России. Центр ориентируется на традиционные ценности переводческого содружества: объединение переводчиков разных стран, открытость профессиональной информации, защиту моральных и материальных прав переводчиков в мире, пропаганду перевода как профессии и искусства, совершенствование статуса переводчика в обществе.

Директор центра Шаповалов Вячеслав Иванович, д-р филол. наук, профессор, лауреат Государственной (КР) и международных премий, заслуженный деятель культуры, народный поэт КР, академик МАН ПО (РФ) и IASEIA (USA).

Ведущее научное направление – «Современная транслатология и развитие перевода в Кыргызстане». Участие в разработке образовательных стандартов, подготовка и издание исследовательских трудов и академических материалов (программ, методических указаний, учебных пособий, учебников), справочной литературы по вопросам теории, истории и практики перевода.

Работа по созданию банка научных терминов современной транслатологии. Организация информационно-справочной базы по истории художественного перевода и его изучению в Кыргызстане.

Организация и проведение форумов (конференций, семинаров, круглых столов, школ) по переводческой проблематике, осуществление культурно-просветительских мероприятий в сфере межкультурного диалога.

Международное сотрудничество в проектах в научной и творческой сферах.

Руководство, рецензирование, редактирование, научная экспертиза кандидатских и докторских диссертаций по профилю Центра, поисковых проектов (гуманитаристика).

Участие в научной деятельности гуманитарного факультета КРСУ в рамках проблематики Центра. Содействие научной и творческой работе студенчества по профилю Центра.

Научно-исследовательские и творческие интересы

Теория перевода: Экспликация научно-транслатологической терминологии. Информационно-аналитическое обеспечение подготовки переводчиков. Теоретические аспекты художественного перевода (тюрко-славянские контексты): классическая и современная кыргызская (казахская, узбекская, таджикская, туркменская и др.) литература на русском языке; сравнительная поэтика и стихосложение; трансляция устно-поэтических памятни-

ков кыргызской культуры в иноязычной культурной функции.

История и критика перевода: История переводной литературы в Кыргызстане. История русских переводов кыргызской художественной литературы XX века в контексте русской литературы. Перевод и текущий литературный процесс.

Переводческая политика: Академические проблемы подготовки переводчиков в контексте информационной политики постсоветских государств (парадигмы, традиции, перспективы). Учебно-методические разработки в контексте высшего образования.

Проекты в процессе разработки и/или сотрудничества: Подготовка базового научно-информационного компендиума «Энциклопедия перевода». – Саммит «Утрата духовности – угроза безопасности человечества. Новые акценты геополитики». Международная научная конференция «Перевод: универсалии и культурообразующая энергия».

Творческая (литературно-переводческая) деятельность: Перевод кыргызской поэзии, участие в литературном процессе РФ и КР. Координация деятельности с международными и национальными творческими организациями, с Национальным союзом писателей Кыргызстана.

Литературно-творческая деятельность Центра «Перевод»

– проведены 18 научных и творческих форумов в системе МОиН КР, Россотрудничества, Центра Б. Н. Ельцина (Москва), Союза писателей КР и др.

– подготовлены и выпущены 6 научных и научно-методических сборников;
 – создана двухтомная «Энциклопедия перевода» объемом около 200 печ. листов: Шаповалов В. И. Язык переводческой науки. Энциклопедия перевода: Словарь терминов транслатологии: в 2-х т. – Бишкек: КРСУ, 2015.

Центр участвует в программах развития КРСУ, госбюджетных проектах МОиН КР, в подготовке Национальной программы по гос. языку КР;

– ведется соруководство докторским диссертационным Советом по литературоведению и фольклористике, где защищены докторская и ряд кандидатских диссертаций, налажено международное сотрудничество с рядом диссертацион-

ных советов РФ, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана;

– переводятся многотомное издание эпоса «Манас» и археологических памятников истории тюрков Евразии «Орхон-енисейские руны (наскальные надписи)», готовятся антологии кыргызской поэзии на русском языке;

– сотрудники Центра – лауреаты Госпремии КР, международных Русской премии и премии Русского ПЕН-центра памяти Ф. Искандера (РФ) и «Эмигрантская лира» (Бельгия), имеют зарубежные публикации (США, Европа);

– деятельность Центра нашла отражение в прессе в КР и за рубежом, имеются благодарственные письма аппарата Президента КР, Жогорку Кенеша, правительства КР.

Участие в симпозиумах, конференциях, научно-практических семинарах

Вот некоторые из научных форумов, где Центр был либо организатором, либо активным участником.

«Перевод и его будущее». Вторая Международная научно-практическая конференция. КТУ «Манас», Бишкек, 16 апр. 2010.

«Фонологические принципы и средства транслитерации кыргызской лексики в русском языке». Симпозиум. КРСУ. Бишкек, 2010.

«Русская литература в меняющемся мире». Международная научная конференция. Ереван, Российско-Армянский университет. 2010.

«Политические репрессии в СССР. Репрессивная депортация народов. Извлечен ли исторический урок?». Межвузовская научно-практическая конференция. Кыргызско-Российский Славянский университет. Институт мировых «Традиции интернационализма в Кыргызстане: исторические корни и современные перспективы». Международная научно-практическая конференция. КНУ, Бишкек, 9 дек. 2010.

«О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Круглый стол. КРСУ, Бишкек, 25 марта 2011.

«Манас» эпосу: изилдөө, которуу жана жайылтуу проблемалары аттуу Республикалык илимий-практикалык конференция жана К. Т. Нанаев, З. Бектеновдун. «Манас», «Семетей», «Сейтек» эпосунун кара сөзтүрүндөгү китебинин бет ачаарына. Национальная академия наук КР, Бишкек, 18 апр. 2011 г.

Семинар по программе «Русский язык и литература в 21 веке». КТУ «Манас», отделение восточных языков. Бишкек, 12 мая 2011 г.

Фестиваль русской словесности и культуры. Бишкек, 24 мая 2011 г.

«Кыргызско-славянские культурно-языковые связи». Научно-практический семинар, посвященный 15-летию Учебно-научного центра регионального славяноведения. Бишкек, 27 мая 2011 г.

Второй Всемирный фестиваль эпосов народов мира. Научный симпозиум «Традиционные ценности национальной культуры». Бишкек, 7–11 сент. 2011 г. – Презентация «Энциклопедии перевода».

International Congress «Cultural Polyglotizm». To the anniversary of Yuri Lotman's 90th birthday. Tartu, 2012 (February 28–March 2).

Спосольствами и культурными миссиями дружественных стран установлены прочные отношения и ведется планомерное сотрудничество. Послы Белоруссии и России всегда принимают участие в мероприятиях Центра.

Центр «Перевод» сотрудничает с литературными и научными изданиями России и дальнего зарубежья

Журналы (Россия, Москва):

- «Арион», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Новая юность»,
- «Homo Legens»,
- «Просодия» (Ростов)
- *Журналы (зарубежные):*
- «Интерпоэзия» (США, Нью-Йорк)
- «Новый берег» (Дания, Копенгаген)
- «Эмигрантская лира» (Бельгия, Льеж)

- «Babel: «Иерусалимский журнал» (Израиль, Иерусалим).
- Academic Journal of FIT» (Canada, Toronto).
- Журнал «Литературный Кыргызстан» (КР, Бишкек).

Международная академия наук педагогического образования (РФ, Москва).

Университеты РФ, Европы, Азии (переводческие факультеты, центры).

Грантовые научно-творческие проекты НОЦ «Перевод»

2012: Грантовое и программно-целевое финансирование научных исследований МОиН КР, проект: «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и компендиумов академического процесса».

2013–2014: Грантовое и программно-целевое финансирование научных исследований МОиН КР, проект: «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и профессиональной подготовки специалистов».

2015: Грантовое и программно-целевое финансирование научных исследований МОиН КР, проект «Теория и история

перевода в гуманитарной культуре Кыргызстана»

2016: Грант Россотрудничества «Президентская библиотека РФ. ГлавНИВЦ. Круглый стол «Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций». Разработка темы «Подготовка переводчиков в контексте языковой политики суверенного государства и информационного рынка», Проект «Переводческая энциклопедия». В составе международной группы.

2016: Грант КРСУ «Евразийский экономический союз и социогуманитарное сотрудничество: Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. КРСУ, 26–27 апреля 2016 г. – Бишкек: КРСУ, 2016». Составление и редакция сборника научных статей, участие в работе редколлегии.

2016–2018: Творческий грант издательства «Прогресс» (Москва) на перевод на русский язык эпоса «Манас» по варианту сказителя-письменника Жусупа Мамая (Синцзянь-Уйгурская АО, КНР). Работа продолжается (исп. С. Г. Суслова).

2017: Проект Программы развития КРСУ «Подготовка и проведение Международной научной конференции «Взаимодействия литератур и художественный перевод в многонациональной культуре Кыргызстана».

2017–2019: Грантовое и программно-целевое финансирование научных исследований МОиН КР, проект «Эпос «Манас» и формирование гуманитарной культуры Кыргызстана в XIX–XXI вв.».

Эпос «Манас» в творческой мастерской КРСУ

Светлана Георгиевна Сулова

Поэт и переводчик.

Родилась в 1949 году. В 1971 окончила филологический факультет Киргизского государственного университета. Заместитель главного редактора журнала «Литературный Кыргызстан».

Печатается с 1965 года. Автор 14 сборников стихотворений и поэм: «Моей Азии» (1978), «Концерт для скрипки с оркестром» (1980), «Акварели осеннего неба» (2009), «Синеглазая Азия», поэма «Ала-Кийиз» и др.

Перевела на русский язык стихи О. Хайяма и известных кыргызских поэтов А. Токомбаева, М. Абылкасымовой, Р. Шукурбекова, А. Осмонова, С. Джусуева, Б. Карагулова и др. Известны ее переводы с уйгурского, таджикского и арабского языков. Является автором перевода на русский язык варианта известного сказителя эпоса «Манас» Жусупа Мамае.

Стихи С. Суловой переводились на кыргызский, таджикский, китайский, английский, французский, немецкий, испанский, польский и другие языки.

Член Союза писателей СССР (1978), Союза писателей Кыргызстана (1992). Награждена Почётными грамотами Президиума Верховного Совета Киргизской ССР (1978, 1980, 1982, 1985), премией Всесоюзного Ленинского комсомола (1982), удостоена звания заслуженный деятель культуры Кыргызстана (1995). Кавалер ордена «Данакер» (Кыргызстан, 2003), ордена Дружбы (Россия, 2002), ордена Екатерины Великой (Россия, 2007). Лауреат конкурса на лучшее художественное произведение на русском языке, изданное в Кыргызстане (2006). Академик, действительный член Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка России. Народный поэт Кыргызской Республики (2018).

Книги С. Суловой всегда были заметным событием в литературе Кыргызстана. Переводческое кредо С. Суловой – это органичное вживание в инонациональный мир переводимой культуры, яркое его перевоплощение, единение с мировым поэтическим хором.

Ее многогранное творчество стало знаковым для культуры русского слова, объединяющим и созидающим неповторимую атмосферу человеческого доверия и взаимопонимания.

Эпос «Манас» в варианте сказителя Жусупа Мамаю

Слово переводчика

Без малого пятьдесят лет назад мы с классиком кыргызской письменной литературы Аалы Токомбаевым вели беседы о Манасе, о великом народном эпосе и его сказителях. И, конечно, о попытках перевода этого произведения на русский язык, не очень удачных на взгляд классика – растерявших ритм, прелесть и аромат народного сказания. Он не винил переводчиков, среди которых были его друзья, признанные мастера слова, скорее, он сетовал на принципиальную несхожесть двух языков: в кыргызском языке синонимический ряд представлен скорее внутренним смыслом, наполняющим слово в зависимости от его окружения – так подсолнух поворачивается к солнцу; в русском же этот ряд развёрнут наружу и дополнен другими, схожими по смыслу словами. Эта особенность языка ускользает от взгляда переводчика, считывающего верхний слой смысла, обрекая работу на метафорическую бедность.

Как мне жаль сегодня, что тогда, во время наших неспешных вечерних бесед за чашкой чая, я не вела ученических конспектов! Надо сказать, что сам Аалы Токомбаев помнил неисчислимое множество эпизодов великого эпоса, очень артистично мог воспроизвести их. Он говорил, что когда юношей шел пешком

из Кемина в Ташкент учиться, по дороге кормился именно мастерством манасчи: знание эпоса пришло к нему из раннего детства...

Перед вами – фрагмент из наследия сказителя-«письменника» эпоса «Манас» Жусупа Мамаю, чей столетний юбилей празднуют сегодня. Есть мнение, что именно вариант Жусупа Мамаю содержит наиболее полную версию. Этот вариант эпоса читается, как дышится: неторопливо, с погружением в философскую и мистическую подоплеку событий, явлений, характеров; неспешно раскрывая суть, базис культурных ценностей, на которых возрос этнос, переродился в единый народ со своим неповторимым укладом, своим взглядом на мир и свое место в нём. Это художественный яркий документ огромной эпохи, своими корнями уходящий в глубокую древность. Обилие имён, географических названий, исторических событий – та основа, на которой могут вырасти множественные научные изыскания ученых-историков. И это ещё одна дополнительная ценность сказания.

Некоторые кыргызские слова, которые подобно узорам калейдоскопа, содержат в себе немало граней-значений, вспыхивающих развёрнутой метафорой для

знающих с рождения язык, я оставляю в тексте, разъясняя сносками весь их смысловой ряд, чтобы русский читатель мог представить ассоциативную наполненность переводимой фразы. Особо хочется сказать о ритме произведения. Он – живая пульсация сердца огромного бессмертного существа. В него трудно войти и ещё труднее – вырваться из его потока. Все эти месяцы работы над переводом эпоса «Манас» я словно живу в другом изме-

рении. Вначале было очень трудно технически выразить столько информации, используя редифные и сплошные рифмы, да ещё обязательно ударные, «мужские» в конце довольно короткой строки, что абсолютно не свойственно русской поэзии, любящей перемежать «мужские» и «женские» рифмы. Оказывается, невозможное возможно, что и доказывают уже переведённые мною более двух тысяч страниц – «океаноподобного» памятника.

Отрывок из главы «Коронование Кутуная»

...Трижды стража сменялась. Ночь
Наконец-то исчезла прочь,
Солнце вышло, а вслед за ним,
Айжанжуң, сотней пик храним,
Вышел, грозный, из стен шатра,
Огромнейший, как гора,
Злой, как дьявол, уже с утра,
Огляделся вокруг: “Дыра...”
От *алашей* тотчас Сыргак
Вышел тоже, подумав так:
“Если выйдет он на майдан,
Разыгратья ему не дам:
Пусть как слон, но изнежен хан,
Вряд ли выйдет... Земля Сазан
Тоже, видно, под ним – весь край
Подобрал под себя *кытай*;
Там, в Сазане, богатыри,
Говорят, что со всей земли
К ним съезжаются на бои
Силачи лихие твои –
Мне такие не по плечу?
Ох, померяться я хочу
Силой с кем-то из них – *манжу*,
Пусть калмаки, *шибе*, *анжу*,

Солону и *каракытай* –
Всех я знаю, им фору дай –
Вот тогда будет равным бой,
Если б я их сравнил с собой...”
Эту мысль Сыргак не прогнал.
Вслед за ханом другой амбал
Вышел к свету, сопел, стоял
И начала сраженья ждал:
Очень видный *калмак-бийик*¹;
Звали просто его – *Майтык*²:
С быстрым взглядом был, хоть косой,
Вот и имя само собой
Из-за ока его нашлось;
Мог бы, видно, земную ось
Он бы сдвинуть! Не скакуна –
Подавали ему слона! –
Эсенкан подарил, сказав:
Пеший ходишь, мол, как удав,
Вот тебе, мол, скакун твой – слон...
Все батыры решили: он
Самый сильный меж всех времён!

¹ Бийик – высокий, властный.

² Май – жир, тык – молниеносный, быстрый; тыкать, втыкать, всовывать.

Вправду: глянешь – исторгнешь стон:
 На слоне, да с таким копьём –
 Ствол сосновый в руках при нём,
 Не поднимешь, небось, вдвоём;
 Был он больше статью, чем дом,
 Или даже гора... Притом
 Опоясан щитами так,
 Что почти не дышал, бедняк!
 Думал, нет ли о нём Сыргак,
 Мы не знаем о том. Итак,
 О Майтыке пойдёт рассказ,
 Как его даже слон не спас.
 Взяв чугунную булаву,
 Прибыл он на слоне; главу
 Нёс, задрав: подбородков семь
 Не давали кивать совсем.
 Так представился: “Я – Майтык,
 Драться с многими я привык,
 Да, один, и со всей толпой;
 Выходите со мной на бой!”
 Всех Майтык напугал, да так,
 Что явился один Сыргак,
 На своём Телкызыле: он
 Рядом с толстым богатырём
 Был совсем, как подросток, хил
 И, казалось, почти без сил.
 Бой начался. Глядят – Сыргак
 Нападает на “гору” так,
 Словно это лишь сена стог...
 Очень скоро безумец смог
 Исколоть силача копьём;
 Тот был грузен, щиты при нём
 Не давали манёврам путь,
 Слон и вовсе-то как-нибудь
 Шевелился, несчастный весь,
 Еле-еле таща свой вес;
 Да и бедный Майтык с трудом
 Свой живот, как огромный ком,
 Сам держась еле-еле, нёс...

Растерялся народ: всерьёз
 За Сыргака взялся Майтык,
 Рассердился, видать, мужик:
 Замахнулся своим копьём –
 Несусветная тяжесть в нём,
 Звук – как топот больших погонь,
 На конце же горит огонь.
 Крякнув, поднял копьё Майтык,
 Протянул, но Сыргак впритык
 Рядом с ним был, мечом взмахнул –
 И от древка пошёл лишь гул –
 Щепья долго летели, ствол
 Был огромен, на целый дол
 Их хватило покрыть траву;
 Дальше будто не наяву
 Всё случилось: Сыргака меч
 Шею смог вдруг слону отсечь:
 Вместе с хоботом голова
 Пала, как под косой ботва;
 Ничего не понявший слон
 Смерть увидев, издал лишь стон,
 Наступив на Майтыка, он
 Ногу всю заключил в полон;
 А куда Майтык вставал,
 И Сыргак не сидел, не ждал:
 Взял он верный свой *Айбалта*,
 Топор боевой Айбалта,
 Рукоять у него из ирги,
 И, казалось, язык руки,
 Понимает онн; и Сыргак
 К великану ускорил шаг
 И, выкрикивая “Манас!”,
 По макушке ударил раз,
 Перед этим взглянув – шишак
 Не носил его гордый враг,
 Потому-то его топор
 Мощный череп разбил,
 Разлетелась на части – мир
 Пошатнулся: ушёл кумир.

В этот день столько шло боёв,
Столько пало в боях голов,
Столько распрей к концу пришло,
Столь добра погубило зло...
А во время *бешима*¹ вдруг
Сто с полсотней пришли на круг
Бесноватых *кытаев* – так
Разозлил их герой Сыргак,
Что Майтыка убил – теперь
Ждали новых они потерь;
Жаждой мести, как псы, горя,
Отыскали богатыря
И напали всем скопом. Он
Был тщеславья совсем лишён,
Потому-то сумел уйти
С Телкызылом, – скользя в пути
Словно белый прозрачный тигр, –
Так ушёл от их грязных игр,
Словно ртуть ускользнул сквозь сеть,
Что *кытаи* смогли надеть
На скользнувшую мимо тень –
Уж такой был тяжёлый день.
Сто батыров держали сеть,
Пятьдесят их смогли задеть,
Вслед за тенью спеша, коня,
Седока от души кляня;
Сто еще набежало – нет
Безнадёжней разгара бед;
Сто собрали ещё совет,
Сеть за сетью бросая вслед,
На своём языке крича
С растревоженностью грача.
Шесть десятков сетей! – и вот
Как искомый заветный плод,
Вдруг забились в сети одной
Умный конь и седок-герой.
Всполошились все: суета
С громким криком их “Та-та-та!”

¹ *Бешим* – 1. Время, следующее сразу за полуднем; 2. Полуденная молитва.

Привлекли Чубака к ним взор,
Он в трубу посмотрел в упор,
Меч схватил и хлестнул коня,
Всех *кытаев* в сердцах кляня.
Еле-еле успел – Сыргак
Задышался под сетью – так
В очень много слоев тугих
Завернув, потащили их.
Лев Чубак поработал всласть,
Чтоб Сыргаку не дать пропасть:
Пятьдесят он срубил голов,
И ещё был рубить готов –
Так за утками кречет лов
Разворачивает, ходов
Не считая: за кругом круг,
Устилая добычей луг.
Но народ Айжанжуна был
Не из тех, кто теряет пыл
Вместе с численностью своей:
Приготовив ещё сетей,
Набежало людей шестьсот,
И, стреножив героя ход, –
Удивительнейший народ! –
Повязали обоих влёт.
Кыргылчал, его сорок львов
Заприметив нечестный лов,
Тоже бросились в стан врага,
Словно к дьяволу на рога;
Мчались с кличем “Манас!” вперёд,
В сети падая в свой черёд,
Что расставил повсюду враг,
Маскируя любой овраг.
Лев Манас ни о чём не знал.
Час затишья – его не звал
Ни один из его *чоро*.
Беззащитно порой добро.
Бог любимым своим всегда
Испытанья даёт тогда,
Когда кажется, что беда

Успокоилась навсегда.
 Ныла рана богатыря,
 Или сердце? Порою, зря
 Не прислушиваясь к себе,
 Упускаем мы шанс в судьбе.
 Разнаряженный как каплун
 В стан ворвался вдруг Айжанжун,
 Что-то громко крича, за ним
 Как за пламенем вьётся дым,
 Вся охрана его, толпа...
 В общем, резко свернув, судьба
 Вдруг решила пойти путём,
 Что Манасу был незнаком.
 На калмаков, *кытаев* он
 Молча глянул, стряхнув как сон
 Мглу спокойствия, мысли все,
 И восстал вдруг во всей красе:
 Мигом понял, что сорок львов –
 Все в ловушке, – он был готов
 Рвать и сети, и души тех,
 Кто обманом снискал успех.
 Весь затрясся Жанжун, когда
 Крик издал *кабылан* – вода
 Разом выплеснулась из рек:
 Сорок тигров, не человек,
 Рык такой издавать могли,
 Эхо вышло из уст земли
 Прямо в небо, а горы вдруг
 Затряслись, неумолчный стук
 Издавая – то валуны
 Вниз катились, и полстраны
 Уж подмяли, катясь, они;
 Не минуты, казалось, – дни
 Крик как туча стоял вокруг...
 Сил из крика набравшись вдруг
 И Сыргак, и Чубак смогли
 Сети сбросить... Из недр земли
 Воды вышли, смывая пыль,
 Стал зелёным седой ковыль,

Крепость пала, как будто штырь
 Извлекли из неё... Упырь
 Айжанжун без сознания пал,
 Стариком за мгновение стал;
 Все беременные, увы,
 Разом скинули плод... Детвы
 Можно было не ждать в тот год;
 Кровь текла из ушей; народ
 Разбежался: большой поход
 Вышел боком – таков исход.
 Впрочем, чашу не до конца
 Все испили; хоть спал с лица
 Растерявшийся Айжанжун,
 Но, в сознание придя, каплун
 Стал скорее смекать – как быть:
 “У *бурута* и в крике прыть,
 Нет, не зря Алооке, Дёокан
 Так боялись его – обман
 Он сметает в мгновение: хан,
 А кричит, как простой *балбан*,
 Или, скажем, *балбанов* тьма...
 Впрочем, это не от ума.
 Поступлю-ка я с ним хитро:
 Повоюю ещё; *чоро*
 Из сетей, видно, вышли все.
 Будем биться во всей красе
 Мы до сумерек. Грянет ночь
 Я гонцов разошлю – помочь
 Попрошу... Не один ведь хан
 Обещал нам помочь, – Какан:
 Шестьдесят своих врат, небось,
 Нам откроет; сказал ведь, гость –
 И калмак, и каракытай, –
 Нам желанен всегда... *Калдай*,
 Алооке сынок, Конурбай,
 Нескара и Жолой, Ушан...
 Кто ещё из соседских стран? –
 Мурадил, ещё Борончу...
 Ах, как видеть их здесь хочу!

Каткалана Сайкал – она
Ведь какая-то нам родня:
Пусть как месяц на небе дня,
Но не бросит в беде меня!
К ним пойду я, чтоб отомстить
И величие возродить...”
Кёкчёкёза призвав к себе,
Помолился в душе судьбе
И сказал ему: “Рядом будь.
Вместе выживем как-нибудь.
Для *кытая* везде есть путь:
Корни многих родов мы, суть”.
Кёкчёкёз же подумал: “Он
Взвесил выход со всех сторон,
И пожертвует мною вмиг,
Если общий найдёт язык
Вдруг с *бурутами*¹...” Вслух сказал:
“О, раз в Ваших глазах не пал,
Буду верен Вам до конца,
Буду чтить Вас я как отца!”
В заблужденье его введя,
Сам рванул он, чуть погода,
В дальний путь: мол, Конур меня
Защищал и давал коня,
Расскажу о событиях дня,
О Жанжуне – каков свинья!”
Так подумал, смахнул печаль
И ушёл без оглядки вдаль.

...Огляделся Манас вокруг:
Сотни тел устилают луг,
И шумит не смолкая бой:
Мир гремит, как речной прибой.
Мрак уже наползает с гор.
Что ж, заканчивать надо спор.
Сел на верного Аккулу,
Рану крепче стянул. В углу
Разыскал он оружие, взял

¹ Бурут – так калмаки между собой презрительно называли кыргызов.

И не мешкая поскакал.
На майдане *чоро*, вопя
Клич “Манас!”, не дают себя
Всем *калмако-кытаям* вновь
Обмануть – проливают кровь:
Рубят головы, пикой бьют,
Расчищая за пять минут
Путь себе среди сотен тел,
Устилающих беспредел.
Лев обрадовался: Чубак
И братишка второй – Сыргак
Оба живы-здоровы, враг
Не успел искалечить так,
Как хотел бы их: лишь пустяк –
Крик, – и прежний взметнулся флаг!
Братья, смертную сеть сметя,
Стали вдвое сильнее: дитя
Так растёт, набираясь сил.
Без опасностей мир бескрыл.
Бой всё длился. Со всех сторон
Всюду слышался крик и стон.
Львов твердил весь усталый вид:
Дух войны был давно уж сыт.
Встал могучий как смерч Манас.
Меч он вынул – свой *ак-албарс*,
Что ковал сам Хромой Кузнец,
Поднял он его, наконец;
Лишь из ножен пошёл, – ей-ей, –
Стал на сорок аршин длинней,
На конце он пылал огнём,
Столько силы таилось в нём,
Что срубил за один лишь раз
Сразу двести голов Манас!
Скоро войско всё как траву
Порубил он – так наяву
Не бывает, но было, – все
Бой узрели во всей красе.
Кровь текла. Незаметно ночь
Опустилась на луг. Невмочь

Описать, что творилось здесь.
 Здѣзды вышли, но снова весь
 Как зажмурился небосвод:
 Было страшно смотреть. Народ
 Кто остался в живых, ушёл.
 Айжанжун огласил весь дол
 Тяжким воем: *керней, сурнай*
 Отпевали весь урожай,
 Что собрала столь алчно Смерть...
 Постарался Жанжун успеть
 Так исчезнуть, чтоб даже слуг
 Не тревожить – не до услуг.
 Утро ярко взошло. В майдан
 Опустился сырой туман,
 Чтобы скрыть всё бесчинство: хан
 В бой не вывел войска. Обман
 Вскрылся позже, уже в *бешим*:
 Прибежали гонцы, двоим
 Разрешили войти в шатѐр,
 Где Манас отдыхал; на *тѐр*
 Их не звали; едва зайдя
 Два *кытая* в слезах, галдя,
 Рассказали исход потерь:
 “О-о, великий Манас! Теперь
 Мы без хана остались: он
 Не попал ли к тебе в полон?
 Обыскались его с утра,
 Нет нигде, хоть давно пора
 Нам приказывать – или в бой,

Или скопом идти домой.
 Может, в яме у вас он, здесь?
 Дайте нам хоть какую весть!..
 Говорят, что герой Манас
 Очень много народу спас:
 Когда ханы бросают люд,
 Он к дехканам простым не лют:
 Без хозяина прозябать
 Не даѐт им... Наш город взять
 Ты не мог бы? В бою опять
 Нам не хочется умирать...”
 Рассердился Манас: “Жанжун,
 Будь ты проклят на сотни лун!
 В придорожной грязи тебе
 Спать да выпадет пусть в судьбе!
 Бросил в горе народ свой весь –
 И попрали он народа честь!..
 Приказал Кутунаю он
 Повелителем стать племѐн,
 Что собрались во тьме времѐн
 И живут здесь все испокон.
 Пусть, мол, селится здесь навек,
 А чтоб помнил всяк человек,
 Кем был город его спасѐн,
 Будет именем наречѐн
 “Кутубий¹”, – этот город: впредь
 Чтобы жил, попирая Смерть.

¹ Кут – 1. Жизненная сила, дух, душа; 2. Счастье, удача; благодать.

Цитата

Цитата

Цитата

Перевод иностранного текста требует соблюдения не одного, а двух условий. Оба они существенны, и оба сами по себе недостаточны: это знание языка и знание цивилизации, с которой связан язык.

*Жорж Мунэн,
 французский учёный-лингвист, переводчик*

Цитата

Цитата

Цитата

Вячеслав Иванович Шаповалов

Народный поэт Кыргызской Республики, заслуженный деятель культуры КР, лауреат Государственной премии КР и ряда российских и европейских международных премий, доктор филологических наук Вячеслав Иванович Шаповалов родился в 1947 году во Фрунзе (Бишкеке).

Трудовую деятельность начал в 1971 году, когда по окончании филологического факультета Киргизского госуниверситета был направлен преподавателем в Пржевальский пединститут (ныне Иссык-Кульский госуниверситет им. К. Тыныстанова). С 1979 по 1994 гг. В. И. Шаповалов – преподаватель, доцент, старший научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории русской литературы КГУ/КГНУ. В 1982 году он защищает кандидатскую, а в 1993 году – докторскую диссертации. Является почётным профессором КНУ, директором научного центра «Перевод» КРСУ.

В. И. Шаповалов – автор 13 поэтических сборников, первый из которых, «Купол неба», был опубликован в 1976 году. Поэма «Рождение манасчи» переведена на французский язык (Paris, 1995), стихи публиковались в Америке, Европе (Бельгии, Болгарии, Германии, Турции, Украине, Югославии, Франции) и др.

Переводы В. И. Шаповалова стали неотъемлемой частью истории многонациональной литературы. Он донёс до русскоязычного читателя поэтическую мощь орхоно-енисейских рун, эпизодов из эпоса «Манас», шедевров древнетюркской поэзии из энциклопедии Махмуда ал Кашигари-Барскани, наследие Калыгула и Курманджан-датки, лирику Барны и Токтогула, стихотворения и поэмы классиков кыргызской поэзии XX века – Ж. Боконбаева, С. Жусуева, А. Осмонова, Дж. Садыкова, А. Токомбаева, К. Тыныстанова, Т. Уметалиева, С. Эралиева, современных поэтов страны.

В. И. Шаповалов – автор четырех монографий, посвящённых проблемам перевода, более 300 научно-теоретических, литературно-критических, общественно-политических статей, опубликованных в научных изданиях Европы, Азии, Америки и др. Его фундаментальный двухтомный труд «Язык переводческой науки: учебная энциклопедия. Словарь терминов транслатологии» является уникальным научно-информационным изданием.

Трудовая деятельность В. И. Шаповалова отмечена высокими правительственными и общественными наградами ряда стран: орденом КР «Данакер» («Объединитель»), российским орденом Дружбы, золотой медалью Туркменистана, Пушкинской медалью России, высшей наградой Кыргызской Республики – орденом «Манас».

Эпическая трилогия «Манас»

Поэма «Семетей»

(Отрывок)

Хан Кобеш посылает посредников
к Каныкей, вдове Манаса

Сорок дней еще не прошли,
Как опочил Манас,
Сорок лун еще не взошли,
Не оплаканным был Манас,
Для поминок еще черед не настал,
Как новым Кобеш властителем стал,
Себя он султаном провозгласил,
Властным ханом провозгласил:
Время наступило его –
Теперь манасовы сорок чоро
Пригрелись возле аила его.
Баабедину хвалу вознеся,
Коросону жертву принеся,
Раздувшись, словно серый клещ,
Кобеш всю силу власти вкусил,
Кобеш всю сладость счастья вкусил,
Киргизов и аргынов роды
Под своей рукой склонил...

Озабочен старый Джакып,
Тревогой источен старый Джакып.
Долго и хмуро он молчал –
Властного Кобеша к себе позвал,
Знатного Кочкора к себе позвал,
Вместе с ними сорок чоро,
Клятву преступившие пришли,
Манаса позабывшие пришли.
Внемлющим речь держал Джакып,
От гнева всем телом дрожал Джакып:
- Забыли вы, негодные псы,
Конь падет – седоку тогда

Шкура должна достаться его,
Мужчина умрет – брату тогда
Вдова должна достаться его.
Вдовою стала Каныкей –
Разум потеряла Каныкей,
Такою строптивой стала она,
Такою чванливой стала она!..
Хан Ормонбек, сын Текечи, -
Родич Бакая, я слышал.
Шесть тысяч слитков серебра,
Тысячу выдр он подарки взял,
Сватам Каныкей отдать
Он грозился, я слышал...
Ленивые псы, хоть один из вас
Луговину ее б конем потоптал,
Богатства Манаса хоть один из вас
Чужому роду бы не отдал!..

Долго Джакып хулу повторял,
От гнева сдержанность потерял.
- Каныкей – наша джене,
Об этом вспомнить заставим ее,
Ни за кого не захочет пойти,
Собаками затравим ее! –
Так яростно зарычал Кобеш,
Глазами засверкал Кобеш.:
Кольчуг наших прочнее нет,
Коней наших быстрее нет,
Хана Джакыпа чтя, как отца,
Немедля шлем к черноликой гонца!

Сверху вниз взирающий Шууту,
Тюндюк подпирающий Шууту
Отговаривать начал всех,
Останавливать начал всех:
«Глава сорока чоро,
Кыргыз, ты в своем уме?
За полу Манаса держа,
Храбрым стали мы,
Около Манаса идя,
Славными стали мы,
С героями, храбрость храня,
Равными стали мы!
Память о султани своем
Как посмеет предать,
О таком решенье своем
Как посмеет сказать?
Неблагодарных, навек
Соль Манаса нас оттолкнет.
Клятвопреступных, навек
Дух Манаса нас проклянет.
Глава сорока чоро,
Скажи нам, старец Кыргыз,
К умершему вождю
Как посмеет вломиться в аил,
Как ударим в спину его,
Как ворвемся к сыну его?!
Дух Манаса – над нами он,
Для нас словно знамя он!..»

Яростно зарычал Кобеш,
Даже с места привстал Кобеш:
«Только нужда в вас, сорок свиней,
Так с подушек вас не поднять,
Только б «Манас всеблагой!» кричать.
Старый Кыргыз и Тазбаймат,
Срочно садитесь на коней,
Срочно скачите к Каныкей,
Сообщите волю нашу ей,
Строптивную усмирите поскорей!..»

Строгий от хана приказ получив,
Секиру за пояс зацепив,
С собою Тазбаймата взяв,
Стремительно к ставке поскакав,
«Сивогривый мой!» крича,
Совсем неискренне крича,
Скорбь суетливую влача,
Скачет к аилу Манаса Кыргыз.

У поминального шатра
Шестьдесят плакальщиц вопят:
«Ханом покинутая Каныкей!
Миром отринутая Каныкей!..»
Старый Кыргыз по сторонам
Бросил осторожный взгляд.
Видит – плакальщицы сидят,
Видит – плакальщицы вопят.
Занавес распахнул Кыргыз,
В юрту, согнувшись, шагнул Кыргыз,
«О горемычная Акылай,
О несчастье своем мне скажешь ли ты?
Мужем твоим хочет стать Кобеш –
О согласие своем мне скажешь ли ты?
«Так уж и быть, коли старый батыр
Посредником стал» - скажешь ли ты?
За деверя выйти должна вдова –
Обычай предков уважишь ли ты?..»
Услышала эти слова Каныкей,
Глаза открыла вдова Каныкей,
На ноги поднялась она,
Слезам залилась она:
«И сорока дней не прошло,
Как умер мой падишах,
От сокола ведущий свой род,
Умер мой падишах.
Постель мне раскрыть свою
От вороны ведущим свой род?!
Постель мою растоптать,
Вдовью честь мою запятнать

Стервятникам и слепцам,
 От гусака ведущим свой род?!
 Вот как меняется жизнь,
 Таковы будут ночи мои.
 Зачем, мой властитель, во тьму
 Уставлены очи твои!..
 Глава сорока чоро,
 Старый дурак Кыргыз,
 Тебе ли посредником быть,
 Тебе ли советником быть,
 Меня, как козленка, тащить
 На козлодранье их.
 Напрасны старанья их.
 Глава сорока чоро -
 Кыргыз, не в твоей я руке,
 Пусть грамота тебя проклянет,
 Что скрыта в твоём кушаке,
 Будь клятвою проклят ты,
 Что Манасу когда-то дал!» –
 В львиной ярости Каныкей
 Выхватила кинжал:
 «За трижды по девять коней
 Куплен кинжал Ак-Тинте,
 Вдовьей скорбью моей
 Не затуплен кинжал Ак-Тинте!» –
 Белые резцы раскрошив,
 Скрипнула зубами она,
 Рукоять в руке ощутив,
 Брызнула слезами она,
 Знающий ее нрав,
 Бросился вон Кыргыз
 И вслед за ним Тазбаймат –
 Выскочили стремглав.
 Глава сорока чоро
 Кыргыз, а с ним Тазбаймат,
 В седлах были уже –
 Но в яростном гневе была Каныкей,
 Уехать им не дала Каныкей,
 За полу старика схватив,

Бедро ему рассекла Каныкей,
 Тазбаймату, что ближе был,
 Под лопатку удар нанесла Каныкей,
 Два ребра ему отсекла Каныкей!..

Тазбаймат и старик Кыргыз
 Нахлестывают коней,
 Конь Кыргызла – Суркызыл,
 Конь Тазбаймата – Кертелки
 Сломя голову мчатся все быстрей.
 Скакунов своих стегают они,
 Кровью истекают они,
 «Ой-бой, боже, моя спина!»
 Горестно стенают они,
 «Черноликая доконала нас,
 Беду она наслала на нас,
 Яму вырыла нам она,
 Видно, есть у нее стена,
 Опора какая-то есть у нее,
 Непомерны гордость и честь у нее,
 На уме теперь только месть у нее!» –
 Так скачут и рассуждают они.

Ханам Кобешу и Абыке
 О конфузе своём они донесли,
 Всем шестерым врагам Каныкей
 О скандале таком они донесли.
 Богом проклятые враги
 Задумали скот отобрать её,
 Супругу великого торе –
 Задумали силой забрать её,
 Раздором и бедами грозя,
 Задумали напугать её:
 Не образумится Каныкей –
 Беды, мол, ждут её впереди,
 Семетя, взлелеянного в любви,
 Отнимут, мол, от её груди,
 Всем на поругание бросят его,
 Псам на растерзание бросят его!..

Встали шестеро неверных в ряд,
Оружие сжимали они,
Белую муку жевали они,
Святую книгу держали они,
Исполнить все обещали они,
Смертною карою поклялись,
Мстить безжалостно собрались.
Секиры носящих созвали они,
Пиками разящих созвали они,
В барабаны ударяющих в бою,
Промаха не знающих в бою!..

Рассыпались по долине войска,
Нынче они в походе с утра,
А советники, помедлив слегка,
У ханского сгрудились шатра.
Ыраман-хана сын Ырчы
Смелым был, подобен орлу,
Вокруг себя сорок чоро собрав,
Отверг оскорбительную хулу,
Всех он вспомнить попросил:
«Когда жил сивогривый Манас,
Луга зеленые звали нас,
У белых юрт Каныкей-джене
Щедрые яства ждали нас.
Вчера только в пади Джылгынды,
Юрты ставили мы у самой воды,
На таласских лугах заливных
Наших коней не исчезли следы –
Травы скрыть не успели их.
Днем кумыс для нас пламенел,
Ночью девичий смех звенел.
Тому, кто пешим проходил,
Скакуна, крепкононого, как архар,
Скакуна, быстроногого, как тулпар,
Разве Манас не дарил?
Тому, кто в лохмотьях приходил,
Одежды лучшие для бойца –
Панцирь двойной с медью в плечах,

Кольчугу с воротом золотым
Разве Манас не дарил?
Властителям, кто без людей приходил,
Аргынов своих, искусных в боях,
Разве Манас не дарил?
Тому, кто нищим приходил,
Из пестроголовых своих табунов,
Что паслись на склонах окружающих
ХОЛМОВ,

Целые даря косяки,
Кого хоть раз обделил Манас?
Нами потерянное он отыскал,
Нами рассеянное он собрал,
В угасших сердцах огонь зажег,
Сломленным душам ожить помог,
Дух наш в нас прославил он,
Наравне с собой нас поставил он,
С ним мужчинами стали мы,
С сердцами львиными стали мы!
Дара забыть драгоценную высь,
Оскорбить Каныкей посмеем ли мы?
Как вождю и брату ему клялись –
Жить без правды своей посмеем ли мы?
У его очага мы поднялись –
Дом его оскорбить посмеем ли мы?
Семетей, драгоценное чадо его,
Семетей, отражение взгляда его –
Отнять от груди теперь надо его,
Убить ребенка посмеем ли мы?
Когда родимым домом для нас
Стала земля Манаса – Талас,
Лучистоокая Каныкей
Матерью там была для нас!
Сорок чоро, остудите свой пыл,
Давайте вернемся в манасов аил,
Хоть женщина – Каныкей-джене,
Но, видно, нам вместе быть бог судил.
Пока Семетей не увидит свет,
Пока не достигнет двенадцати лет

Героя Манаса сиротка-сын,
Останемся в аиле его,
Чтоб честно все защитили его,
Чтоб мы врагам отомстили его,
Чтоб грозный дух почтили его!
Вдумайтесь, чоро, в слова мои –
Не то покинувший этот мир
Что же подумает о нас
Доблестный наш Манас-баатыр?
Настанет час – мир оставим мы,

Кем пред Манасом предстанем мы? –
Коран говорит, что в мире том
Предатель становится черным ослом!..»

Мудрому слову не внемлют чоро,
Отвернулись и словно дремлют чоро,
Этой трусостью разозлен,
Равнодушием оскорблен,
Обиженный, головой покачал,
Униженный, Ырчы-уул – замолчал.

Информация

Информация

Информация

Шаповалов В. И.

Язык переводческой науки: учебная энциклопедия. Словарь терминов транслатологии: в 2-х т. / Инновационный проект «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и профессиональной подготовки специалистов». Бишкек: КРСУ, 2015. Т. I. 568 с.; Т. II. 610 с.

Материал научных понятий представлен в терминологическом формате, снабжён корпусом источников.

В качестве учебника и базового источника учебно-информационного материала по направлению «Филология», специальностей «Перевод», «Переводоведение», «Межкультурная коммуникация» тезаурус адресуется студентам, транслатологам – аспирантам, преподавателям, исследователям, переводчикам-практикам, гуманитариям.

Информация

Информация

Информация

Мир научных проектов КРСУ: подготовка переводчиков в XXI веке

Этот раздел представлен выполнявшимся в течение ряда лет циклом научных проектов Министерства образования и науки Кыргызской Республики, осуществлявшихся Научно-образовательным центром «Перевод».

2012–2014: Проект: «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и профессиональной подготовки специалистов».

2015: Проект «Теория и история перевода в гуманитарной культуре Кыргызстана».

2016: Проект Россотрудничества в КР: «Президентская библиотека РФ (г. Санкт-Петербург), ГлавНИВЦ. Круглый стол «Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций». Разработка темы «Подготовка переводчиков в контексте языковой политики суверенного государства и информационного рынка».

2016: Проект КРСУ «Евразийский экономический союз и социогуманитарное сотрудничество: Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. КРСУ, 26–27 апреля 2016 г. – Бишкек: КРСУ, 2016».

2016–2018: Проект «Эпос «Манас» и формирование гуманитарной культуры Кыргызстана в XIX–XXI вв.».

Переводческий компонент нашёл отражение и в Программе развития КРСУ в 2019 году.

Это, во-первых, предшествующий участию в данной Программе творческий эксперимент НОЦ «Перевод», по согласованию с журналом «Дружба народов»: перевод на русский язык эпоса «Манас» по варианту сказителя-писменника Жусупа Мамаева (Синьцзянь-Уйгурская АО, КНР). Переводческая работа осуществляется народным поэтом КР С. Г. Суловой под редакцией профессора В. И. Шаповалова.

Во-вторых, это собственно проект Программы развития КРСУ в 2019 году – создание учебно-хрестоматийного пособия для студентов гуманитарных вузов КР по манасоведению: «Эпос “Манас” в варианте сказителя Жусупа Мамаева».

Публикуемые ниже работы М. А. Рудова, В. И. Шаповалова, И. В. Чжан, О. Ю. Шубиной, М. Дж. Тагаева в большинстве случаев представляют собой реализацию исследовательских международных проектов (Россия, Испания, Китай) различных гуманитарных центров КРСУ.

Стадиальная эволюция перевода в процессе восприятия басен Крылова на языках народов СССР

В этой краткой статье хотелось бы указать на очевидную закономерность, которая обнаруживается в результате исследования восприятия басен Крылова народами Советского Союза в их литературной общности.

Басни Крылова переведены на все языки наций и народностей СССР, имеющих свою письменность. Нас же интересует не перевод отдельных басен, а восприятие басенного наследия Крылова в форме книги басен, что весьма существенно с точки зрения специфики жанра. В форме книги басен (но в разном объеме) Крылов переведен на 47 языков наций и народностей СССР: до 1917 года – на языки армянский, белорусский, грузинский, еврейский (идиш и иврит), казахский, латышский, татарский, эстонский, после 1917 года, кроме указанных языков, – еще и на языки абхазский, аварский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, башкирский, бурят-монгольский, гагаузский, даргинский, караимский, каракалпакский, карачаевский, карельский, киргизский, коми (коми-пермяцкий), крымско-татарский, кумыкский, лакский, лезгинский, литовский, марийский (горный и луговой), молдавский, мордовский (мокша и эрзя), ногайский, нымьланский (корякский), осетинский, таджикский,

тувинский, туркменский, удмуртский, узбекский, уйгурский, хакасский, чеченский, чувашский, шорский, эвенкийский, якутский. Наибольшее количество переводов – а именно на 22 языка – было осуществлено в 1944–45 гг., что вызвано знаменательной датой – столетием со дня смерти великого русского баснописца. Не на всех языках книга басен Крылова может рассматриваться в интересующем нас аспекте. Издание Крылова на нымьланском (корякском) и эвенкийском языках предназначено для детского чтения и состоит из нескольких басен с иллюстрациями. В ряде случаев, как например, на гагаузском языке, книга басен Крылова не сопоставима с другими аналогичными переводами, так как их попросту нет в природе. Наше внимание обращено, прежде всего, к тем языкам, на которых создано и издано в разное время несколько переводов басен Крылова, или к тем, где можно отыскать сопоставимый материал.

Мы говорим об эволюции восприятия басенного наследия Крылова в массиве литератур народов СССР как исторически сложившейся общности. Между тем самый термин «восприятие» (рецепция) нуждается, по крайней мере, в рабочем уточнении, так как в трудах по сравнительно-историческому литерату-

роведению, не говоря о зарубежной компаративистике, он имеет множество синонимических значений и неоднозначную иерархию составных понятий. Нас устривает толкование термина «восприятие» как понятийного определения историко-функционального процесса распространения и освоения литературных явлений в контексте межлитературных отношений и возникающих на этой основе литературных влияний. При таком толковании перевод – это способ восприятия (причем – не абсолютный), строго соотносимый с эволюцией процесса, вне которого он не может и не должен рассматриваться как «удачный», «неудачный», «хороший», «плохой» и т. д. Как справедливо утверждает А. Лилова, нет и не может быть «чистого», внеисторического представления о переводе, историческая определенность и историческое бытие – основная характеристика понятия «перевод». И еще одно немаловажное уточнение заключается в том, чтобы от эмпирического рассмотрения перевода как способа восприятия при биконтактных литературных отношениях перейти к теоретическому осмыслению функции перевода в формах межлитературных общностей. Биконтактные отношения, выделяющие литературу воспринимающую и литературу отдающую, дают возможность наблюдать реализацию переводческой задачи, пользуясь приемом прямого сопоставления двух разноязычных текстов. В таком случае наше внимание приковано к историко-литературной ситуации, «встречному течению» (А. Н. Веселовский), творческой индивидуальности переводчика, но отнюдь не к

состояниям, характеризующим общность ряда воспринимающих литератур. Перейдя на другой уровень отношений в форме межлитературных общностей, мы приобретаем возможность представить перевод как способ восприятия в теоретическом плане, установить историко-функциональные закономерности обогащения и сближения литератур в зоне, регионе и в более широкой общности, какой является литература народов СССР.

Басни Крылова на языках народов СССР оказываются весьма «удобным» материалом для такого рода наблюдений вследствие их малоформатности и обозримости, а также и еще потому, что басенный жанр в известной мере интернационализирует литературный процесс, являясь постоянным объектом заимствований.

Хронология переводов басен Крылова на языки народов СССР сама по себе любопытна, она может служить указателем исторической обусловленности контактных связей различных национальных литератур в соответствии с их классификацией как литератур развитых, новописьменных и младописьменных.

Процесс восприятия басен Крылова продиктован национальными потребностями, общими побудительными причинами, вызвавшими контактные связи с русской литературой. Особенности в процессе восприятия басен Крылова строго определяются состоянием воспринимающей литературы. В развитых литературах, имеющих длительные письменные традиции и длительные контакты с русской литературой, зафиксировано

восприятие басен Крылова в XIX веке, в новописьменных литературах это явление наблюдается преимущественно в пору их профессионального и культурного самоопределения в советский период нашей истории, ориентировочно в 30–40-е годы, в младописьменных литературах – относится к более позднему времени, начиная с середины 50-х годов. Коль скоро контактные связи сложились, интерес к басням Крылова воспринимающей стороны приобретает устойчивое выражение и варьируется в зависимости от уровня отношений с русской литературой. Обращает на себя внимание тот факт, что освоение русской литературы у народов СССР, как правило, начинается с басен Крылова. Они неизменно стоят в ряду первых произведений русской литературы, переведенных на национальный язык. В исследованиях по истории переводов русской литературы этот факт отмечается и однозначно трактуется как выражение отношения к великому русскому национальному баснописцу. Действительно, первоочередной интерес к Крылову у многих деятелей национальной культуры был продиктован народностью его басен, запечатленным в них «русским духом», объективной потребностью сближения с русским народом. Но есть побочные, так сказать, внелитературные причины, активно способствовавшие трансплантации басен Крылова в нерусскую национальную среду. Первая из них вызвана особенностями распространения грамоты и просвещения среди народов и народностей дореволюционной России и народного образования в СССР. Русские

книги для чтения, на страницах которых неизбежно были представлены басни Крылова, не только познакомили с ними широкие круги нерусских учащихся, но оказали очень большое влияние на структуру и содержание национальных книг для чтения, авторы которых заимствовали в качестве дидактического материала отдельные произведения великого русского баснописца. Учебные книги как транслятор басен Крылова в нерусский этнический массив – тема для отдельного рассуждения. Здесь же ограничимся указанием на то, что учебные книги создавали благоприятные условия для восприятия басен Крылова на языках народов СССР, усиливали «встречное течение» в национальной литературе, возбуждая массовый интерес к творчеству великого русского баснописца.

Анализ переводов басен Крылова на языке народов СССР, особенно, ранних переводов, обнаруживает неизбежное влияние на них национальной басенной традиции и форм баснетворчества, известных в данной этнической среде. Мы зачастую наблюдаем, как перо переводчика придает басне Крылова форму изложения, подсказанную родной литературой. Так, например, на кумыкском языке крыловская басня «Волк и ягненок» представляет собой диалог двух действующих лиц без участия рассказчика, которому, как известно, в оригинале отводится ведущая, точнее сказать, единственная роль. Крыловский рассказчик как бы разыгрывает спектакль одного актера, говорит и за Волка, и за Ягненка, наделяя их человеческими свойствами. Поэтому

крыловская басня монологична, и реплики Волка и Ягненка представлены как чужая речь в прямой речи. Случайно ли кумыкский перевод имеет диалогическое построение? Если взглянуть на указанный случай в сопоставлении с переводами басен Крылова на языки других народов, то обнаруживается некая тенденция интерференции жанра. К диалогическому изложению прибегает просветитель М. В. Чевалков, передавая басню Крылова «Стрекоза и Муравей». В аналогичной форме диалога встречаются отдельные басни Крылова на казахском, узбекском и некоторых других языках среднеазиатского региона. Объясняется это явление тем, что у многих народов Советского Востока получила широкое распространение басня в диалогах – мунозара. Такая жанровая форма зафиксирована Махмудом Кашгарским в «Диван лугат ат-турк», представлена популярными произведениями «Спор Анаши и Вина» Юсуфа Амри, «Диалог музыкальных инструментов» Ахмади. Очевидно, что кумыкский перевод басни «Волк в псарне», как и ранние изложения некоторых других крыловских басен на казахском и на узбекском языках, оказался в сфере притяжения традиционных восточных басенных диалогов.

В этнических массивах, где процесс формирования письменной литературы осуществлялся на национальной фольклорной основе, наблюдается восприятие басен Крылова путем их фольклоризации в духе народно-поэтических аллегорий, притчевых иносказаний. Зафиксированы факты бытования крыловских басен в репертуаре акынской поэзии у казахов и

киргизов, причем первоисточник «перестраивается» по образу и подобию устойчивой фольклорной формы стихотворной притчи – тамсил со всеми ее жанровыми атрибутами. Киргизский акын-демократ Тоголок Молдо (Б. Абдырахманов) в басенной аллегории «Осел и Соловей» фактически, не говоря уже о стилистике, не столько следует за Крыловым, сколько за привычным и распространённым повествованием в форме тамсил. Сюжет первоисточника дополнен занимательными рассуждениями, крыловский намек – «избави бог и нас от этаких судей» отвергнут, заменен нравоучительной сентенцией, повествование построено в аллегорической форме распространенных в киргизском устном народном творчестве сказаний о животных и птицах. Поэтика оригинальной назидательной притчи (тамсил) Тоголока Молдо «Корова и ее Теленок» совпадает с поэтикой пересказа первоисточника, восходящего к басне Крылова «Осел и Соловей». В сопоставительном же отношении тамсил Тоголока Молдо и басни Крылова отличаются друг от друга не только как национально-определенные жанровые структуры, но и как произведения не совпадающих состояний литературы.

Короче говоря, национальное жанровое представление о басне определяют поэтику и стилистику заимствований из Крылова на первоначальном этапе освоения его басенного творчества.

Другим существенным признаком процесса восприятия басен Крылова путем перевода на языки народов СССР служит локализация их содержания примени-

тельно к жизни воспринимающей стороны. В первую очередь осуществляется замена русских реалий и русизмов атрибутами другой национальной жизни, идиомами и фразеологизмами национального языка. О том, что эти замены не являются случайностью, свидетельствует широта и постоянство их реализации в переводах басен Крылова на языки народов СССР. В баснях украинских баснописцев П. Белецкого-Носенко «Грицькив жупан», Л. Боровиковского «Андрій», Л. Глебова «Охрімова свита» безошибочно просматривается «Тришкин кафтан». Многочисленные замены в пересказе крыловских басен на украинский язык допускают и Е. Гребенка, и М. Старицкий. Пересказы басен Крылова «украинизируются», наполняются другим национальным содержанием, – таков результат их локализации под пером украинских баснописцев XIX века. В таких случаях первоисточник с трудом поддается атрибуции. Так, Н. Д. Чечулин, рассмотревший басни Л. Глебова в отношении к Крылову, исходил из общего предположения, что многие из них «заимствованы» из русского источника.

А. Дониц и К. Стамати, как отмечал еще А. Епуре в 1913 г., заимствовали сюжеты и мотивы басен Крылова столь удачно, что современники считали их оригинальными произведениями молдавских баснописцев [4].

С. Г. Исаков, ряд работ которого посвящен восприятию русской литературы в Эстонии, выделяет вольные эстонизированные переложения басен Крылова, приближающиеся к национальным адап-

тациям: «иногда эстонизация касается лишь частностей сюжета – имен действующих лиц или отдельных реалий. Даже в точных переводах обычна замена русских имен эстонскими. Иногда эстонизация заходит дальше и касается всего содержания басни – русская обстановка заменяется эстонской, русский колорит и то, что мы называем внешними проявлениями национальной специфики, исчезают вообще, и крыловская басня, так сказать, “пересаживается на эстонскую почву”» [5].

О литовской локализации басен Крылова можно сопоставить представление по переложениям и переводам Й. Гирутиса (Болвачюс), Маргалиса (Юозас Шнапштис), Й. Яблонкиса, Ю. Тальмантаса.

На языках народов Поволжья и Приуралья также зафиксирован процесс национальной локализации басен Крылова. Марийский историк литературы К. К. Васин отмечает: «...при переводе басен великого русского баснописца Г. Микай сохранял только сюжет произведения, а обстановка действия, речи героев получили марийский национальный колорит. Так, в басне «Два Крестьянина» основными действующими лицами стали мужики-марийцы Падай и Йогор. Речь Лисицы в басне «Ворона и Лисица» содержит целые строки из марийской гостевой песни, лествиво восхваляющей хозяйку дома» [6].

Ориентация на национальное самосознание татарского читателя характерна для пересказов басен Крылова, осуществленных в прозе Габдуллой Тукаем. Басня «Два Мальчика», например, становится картинкой татарского быта, и взамен

Сенюши с Федюшей появляются Гариф и Зариф.

На азербайджанском языке в баснях Крылова нетрудно обнаружить многочисленные замены, текстуальные разночтения, вызванные национализацией источника. А. Мамедов, изучавший влияние Крылова на развитие басенного жанра в азербайджанской литературе, подтверждает, что Р. Эфендиевым «некоторые басни, например, “Ворона и Лисица”, “Зеркало и Обезьяна”, “Волк и Кот”, “Чиж и Голубь”, “Лисица и Виноград” были переведены до такой степени вольно, что их трудно отличить от оригинальных басен переводчика» [7].

Процесс локализации басен Крылова отчетливо виден и в армянской и в грузинской литературной среде. В ранних армянских переводах крыловские басни ориентированы на богатейшие и древние традиции национального баснетворчества, переданы применительно к условиям жизни армянского народа.

Грузинские исследователи обращают внимание на Рафиэла Эристави как поклонника и пропагандиста Крылова. Под пером Эристави обрели новую жизнь на грузинском языке около 50 басен Крылова. Они были изданы в 1878 году под заглавием «Басни Крылова, переведенные и переделанные с русского на грузинский и написанные стихами кн. Раф. Эристави». Грузинский колорит вызывал всеобщее одобрение, когда речь шла о виртуозных переводах Акакия Церетели, в течение 40 лет распространявшего басни Крылова в Грузии. Академик Г. Гришашвили называет Акакия Церетели непревзойденным

переводчиком Крылова, придавшим его басням блеск грузинского юмора. Переводы Акакия Церетели, по словам Г. Гришашвили, наделены таким внутренним огнем и акакиевскими искрами иронии, что народ ухватился за них обеими руками [8]. Наблюдение о постоянстве процесса локализации и придании басням Крылова иного национального колорита подтверждается еще и еще раз на материале литератур таких регионов, как дагестанский, среднеазиатский и казахстанский. Если язык не является барьером, примеры локализации и других замен лежат, как говорится, под рукой. Казахскоязычные дореволюционные издания басен Крылова полны замен и локализации, в узбекских переводах проступают черты узбекского быта, наличествует большое число «узбекизмов» – пословиц, поговорок, специфических словосочетаний, выражающих национальное самосознание. В киргизских переводах, особенно у Алыкула Осмонова, Крылов приближен к киргизскому читателю. А. Осмонов перекладывает его басни в метрическом строе традиционного и привычного одиннадцатисложника, а это ведь определенно напоминает о том, что национальная метрическая система является некоторой частью национальной картины мира.

Обозрение переводов басен Крылов (в объеме книги) на языках народов СССР не оставляют сомнений в том, что локализация и национализация первоисточника представляет собой объективный и всеобщий фактор освоения басенного творчества великого русского баснописца. Замена направлена на создание ново-

го национального выражения авторского самосознания, то есть отказа того, что составляет басню Крылова, отказа от воспроизведения образа рассказчика как русского человека. С этим приходится считаться, потому что перед нами не намерение, тем более не прихоть переводчика, а историко-функциональный процесс литературных отношений, когда воспринимающая литература еще не выработала средств и приемов передачи национального своеобразия литературы отдающей. Она их вырабатывает путем замен и локализаций. И в этом диалектика процесса. Следовательно, есть необходимость установить еще один фактор, придающий восприятию басенного творчества Крылова путем перевода на языки народов СССР новый импульс. Этот фактор складывается постепенно по мере углубления отношений национальной литературы с русской литературой и накопления опыта художественных переводов с русского языка. Постепенно происходит накопление ресурсов, который позволяют придать заменам способность сохранять в переводе басен Крылова русский национальный колорит, русское национальное самосознание баснописца и рассказчика. Здесь имеют значение приемы калькирования, новые коннотационные оттенки смыслов слов, соотносимые с национальным своеобразием крыловской басни, изобразительные средства (тропы, синтаксис, метрика) – все то, что в восприятии читателей способно вызвать представление (конечно, условное) о русской стилистике. Благодаря этому фактору переводы атрибуцируются как басни Кры-

лова и устанавливается их отличие и своеобразие в отношении к национальному баснетворчеству. Неизбежным следствием процесса становятся новые переводы басен Крылова, воспринимаемые на фоне предыдущих как подлинно крыловские.

Таким образом перевод басен Крылова на языки народов СССР претерпевает стадийные изменения. Их можно априорно свести к трем состояниям: начальному, предполагающему зависимость от функционирования жанра в национальной литературе; последующему, в ходе которого происходит национальная локализация источника; завершающему, воссоздающему произведения великого русского баснописца адекватно их содержанию и значению. На завершающей стадии в границах воспринимающей литературы перевод канонизируется как крыловский текст, узнается в качестве крыловской басни, подлежит дальнейшей публикации.

Стадийность восприятия басен Крылова в полной мере выявляется в украинской, белорусской, грузинской, армянской, эстонской, латышской, литовской, молдавской, казахской и некоторых других литературах народов СССР. У многих народов и народностей нашей страны процесс восприятия басен Крылова путем переводов находится на подступах к завершающей стадии. Динамика литературных отношений, интенсивность межнационального обмена вносит отдельные коррективы в этот очевидный ход стадийной эволюции перевода в процессе восприятия басен Крылова на языках народов СССР.

Литература

1. *Лилова, А.* Введение в общую теорию перевода / А. Лилова; пер. с болг. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 29.

2. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунчарской степи, собранные В. В. Радловым. Ч. I. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. – СПб., 1866.

3. *Чечулин, Н. Д.* Малорусские басни Л. И. Глебова / Н. Д. Чечулин. – СПб., 1911. – С. 11. (Отд. оттиск из Журнала министерства народного просвещения).

4. *Епуре, А.* Влияние русского баснописца Крылова на баснописцев А. Доница и К. Стамати / А. Епуре. – Яссы, 1913 (на румынск. яз.).

5. *Исаков, С. Г.* Русская литература в Эстонии в 1890-е гг. / С. Г. Исаков // Учен. зап. Тартуского ун-та: Вып. 251. – Тарту, 1970. – С. 110.

6. *Васин, К. К.* Страницы дружбы. Историко-литературные очерки / К. К. Васин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1959. – С. 96.

7. *Мамедов, А.* Крылов и развитие басенного жанра в азербайджанской литературе / А. Мамедов // Лит. Азербайджан. – 1969. – № 2. – С. 49.

8. *Гришашвили, Г.* Крылов и Акакий Церетели / Г. Гришашвили. – Тбилиси: Госиздат Груз. ССР. 1944 (на груз. яз.).

Взаимобогащение национальных советских литератур и художественный перевод: сборник научных статей. Фрунзе: КГУ, 1987.

Информация

Информация

Информация

Кыргызский героический эпос «Манас», «Семетей», «Сейтек»: Хрестоматия: для учебных заведений с русским языком обучения. Часть I / сост. М. А. Рудов. Бишкек: КРСУ, 2014. 372 с.; Часть II. Манасоведение / сост. М. А. Рудов, А. К. Исаева. Бишкек: КРСУ, 2014. 404 с.

Хрестоматия представляет читателю возможность познакомиться с содержанием эпической трилогии «Манас», «Семетей», «Сейтек» по прозаическим пересказам, подстрочникам и поэтическим переводам на русский язык. Кыргызские тексты с переводом на русский язык включены в Хрестоматию для изучающих кыргызский язык, на котором создан и звучит великий эпос кыргызского народа.

Вторая часть включает основополагающие научные труды, посвященные кыргызскому героическому эпосу и предназначенные для всестороннего изучения эпической трилогии «Манас», «Семетей», «Сейтек».

Хрестоматия предназначена для студентов вузов и учащихся образовательных организаций с русским языком обучения.

Информация

Информация

Информация

В. И. Шаповалов

Терминологическое пространство перевода: векторы и универсалии

Соседствующие сознания...

Представьте себе театр теней. Тени, проецируемые на экран, в принципе не могут взаимодействовать, потому что функционируют в разных пространствах
 Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Перевод и реалии этнокультурного дискурса

Уподобление коммуникативного содержания перевода некоему действию в театре теней не требует расшифровки: партнеры на этой «сцене» не слышат друг друга (подобно двум текстам и их создателям – автору и переводчику), за них говорит, если он есть, суфлер или чтец: Перевод. Но и он не более чем проекция на экране времени. И не только потому, что по своей природе порождающие дискурсы экзистенциальны и не способны услышать друг друга: не слышат друг друга и люди, если нет общего языка.

Океан языка и стоящий на его берегу переводчик, две псевдоравновеликие фигуры в глазах Творца, – единственное, что дано человечеству для преодоления пропасти всеобщего непонимания. И это тот случай, когда не страшно, что бездна начнет вглядываться в тебя, если слишком долго вглядываться в нее (*Ф. Ницше*). Ибо только перевод, древнейшая поли-

культурная вселенная человечества, продолжает быть неким универсумом, примиряющим открытость временам, языкам и культурам изначально замкнутого сознания, с пониманием невозможности полного слияния этих разных стихий.

Осознание этой невозможности на цивилизационном уровне пришло позже, но, что интересно, за несколько десятилетий до первых разочарований в рецептах мультикультурализма. Октавио Пас в середине прошлого века сказал о полярном переосмыслении переводческого вектора: *«Функция перевода первоначально состояла в передаче сходства, возвышавшегося над всеми различиями; теперь же он свидетельствует о непреодолимости этих различий»*.

На заре XXI века именно перевод наиболее полно демонстрирует сильные и слабые стороны идеи гуманитарного единства. Именно перевод действительно выражает идеи противостояния центробежным процессам внутри цивилизации и, в силу уже самого

своего эвристического содержания, пытаются продолжать объединение цивилизации в обстановке не только информационного прогресса и социокультурной толерантности, но и реанимации сепаратистского мироощущения и множащихся культурных фобий. Поэтому-то слова, не без оснований приписывавшиеся П.-Ф. Кайе и ставшие историческими («XX век – век перевода»), воспринимаются в начале нового, совершенно иного времени уже не столько с привычным оптимизмом, сколько с горечью, а порой и с раздражением. Трудно отделаться от ощущения, что именно эта двойственность отражена в апокрифах о втором по величине (после личного бессмертия) коммерческом предложении от сатаны человеку за его бессмертную душу: цена вопроса – знание всех языков земли.

В издававшихся в Москве в 60–80-е годы сборниках «Мастерство перевода», на которые сегодня приходится смотреть как на срез неповторимой культурной эпохи, был раздел «Переводчик и словари» – и это о многом говорит: цивилизационный масштаб в контексте собственного «художественного» перевода сводился к лингвистическому интегралу. Не случайно уже с 60-х годов единственный тогда международный переводческий журнал «Вавилон» печатал материалы именно сопоставительно-транслатологического характера. Одновременно, в какой-то момент, русских переводчиков захватила идея создания свода «фразеологических словарей переводческого типа»¹. При этом трудно объяснить, почему эти чрезвычайно многоаспектные разыскания

¹ См.: Фальк К. Словарь для переводчиков // Мастерство перевода: сб. 12. М., 1981. С. 320–354 и др.

не затронули проблему создания другого словаря – собрания научной терминологии перевода, нужного не только сложившимся переводчикам (и вообще, быть может, не столько переводчикам и «переводоведам»), но и тем, кто вступает на переводческую стезю. Проблематично представить себе тысячелетнюю отрасль интеллектуально-синтетической деятельности человечества не имеющей своего тезауруса.

У римлян ни за что не хватило бы времени на завоевание мира, если бы им пришлось сперва изучать латынь.

Генрих Гейне

Государственная информационная политика

Этнокультурный континуум Центральной Азии никогда не был простым. Так, памятуя о двух историко-политических парадигмах Центральной Азии, определивших в сущности, сегодняшнюю историю этого региона («Великий Шелковый путь» и «Большая игра») как, соответственно, о созидательной и деструктивной, мы неизбежно отмечаем амбивалентность и «философии сотрудничества», и «философии расчленения и конфликтов».² И лишь кажется парадоксом (но на самом деле таковым отнюдь не является), что перевод и в том, и в другом процессах проявляется как своевременный катализатор социокультурной динамики или, по крайней мере, как ее авторитетный индикатор. Обе реальности центральноазиатской истории – и Шелковый путь, и так называемая Большая игра

² Кыргызстан и Центральная Азия сегодня: Материалы конференции. Бишкек, 2007. С. 48.

– в равной мере требуют обеспечения интенсивного информационного обмена, в равной мере создают деятельностные конструкты; переводчик же, коего с незапамятных финикийско-карфагенских времен символизировал попугай, требовался везде, всегда и всем. Именно переводчик в обстановке Большой ли игры, Холодной ли войны, в любом случае самым своим необходимым присутствием в той или иной мере гарантирует «соприкосновение и взаимопроникновение цивилизационных пространств». Так, *«распад СССР*, – напоминает исследователь и дипломат М. С. Иманалиев, – *ни в коей мере нельзя вычленять и абстрагировать от общечеловеческого контекста*», *«когда человечество переступило порог непредсказуемых конфликтогенных зон, связанных с кризисом мировых религий, глобальных социально-экономических и гуманитарных концепций»*. С утратой имперской центростремительности возникла иная структурная энергетика: то, *«что воспринималось остальными миром как некая российская периферия»*, превратилось в *«объект притяжения многих государств, значение которого для них перманентно возрастает»*. Статус суверенности означает качественное изменение характера межгосударственных, экономических, научно-образовательных и других взаимоотношений с международным контекстом; он провоцирует соответствующие изменения в образовательной, профессионально-кадровой, творческой, исследовательской инфраструктуре – а значит, формирование соответствующей «переводческой политики». Это требует орга-

низации профессионального сообщества специалистов, могущих обеспечивать межгосударственный и межкультурный обмен адекватной информацией «поверх барьеров» языков, социумов, культур, государственных институтов. Здесь необходимо учитывать и заметные отличия в традициях подготовки переводчиков и функций перевода в государствах центрально-азиатского, евразийского, европейского регионов.

Бесспорна необходимость и в таком окказиональном деянии, как создание целостной концепции направления – и, прежде всего, принципиально нового «межгосударственного» образовательного стандарта (отличного от лапидарных нормативов «болонской» практики), где перевод призван предстать в качестве комплексной интердисциплинарной образовательной программы подготовки специалистов. Парадокс, но эта специальность в системном, синтетическом облике отсутствует во многих (практически – во всех) образовательных практиках. Это объяснимо постсоветской инерцией (когда в прошлом переводчик в силу личной «языковой свободы» потенциально имел доступ к внешней информации и, соответственно, был фигурой первостепенно подконтрольной). Но гораздо хуже, когда не находится объяснения тому, что фундаментального обоснования научно-образовательной отрасли и соответствующих академических программ не было и нет.

Понятно, что в Центральноазиатском регионе заинтересованность в развёртывании государственной программы пере-

вода более ощутима, чем, к примеру, в России, которая имела и имеет мировые центры подготовки переводчиков, где сложились соответствующие институты, традиции, формы востребованности специалистов. И если перевод упоминается в реестре направлений и специальностей, то это недостаточно подкреплено системными представлениями. Формула одного из известнейших французских востоковедов, родившаяся как-то в обмене мнениями с автором настоящих заметок, – «*безъязыкие цивилизации*» – звучала особенно грустно, если вспомнить, что еще десятилетие назад – предмет постоянно ущемляемой гордости! – Кыргызстан был по своему уникальной страной билингвов: абсолютное большинство населения владело как минимум двумя языками.

Цель присутствия в геополитических контекстах безусловно предполагает использование переводчиков как структурно необходимый профессиональный компонент в экономических, политических, культурных отношениях новых государств Центральной Азии с мировым социумом по правилам игры, диктуемым информационной эпохой. В этом новом качестве дефицит профессиональных переводчиков ощущается особенно остро, если не сказать болезненно. Для Кыргызстана это связано с формированием жизненно важной цели, которой еще только предстоит осознаться на государственном уровне. Задача, следовательно, в том, чтобы, в пределах отпущенных возможностей, способствовать инициированием перевода как «средства сближения народов» приостановлению (или хотя бы за-

медлению) процесса утраты духовных традиций. Проблема же эта сложна, потому что деструктивный процесс идет и в полиэтнических, «конгломерированных» сообществах (то есть именно там, где снижается роль традиционных культурных ценностей, усугубляемая негативной глобализацией), и в сообществах мононациональных, где стихийно формируется менталитет агрессивного самолокализации. В любом случае, перевод пока еще сохраняет (или пытается сохранять) свою изначальную тысячелетнюю энергетику «социокультурного» ангажирования, направленную на развитие межнациональной толерантности и, в идеале, языкового ренессанса.

...Оригинал неверен по отношению к переводу.

Хорхе Луис Борхес

Научно-профессиональная ориентация

В своем нынешнем состоянии идея «*терминологического пространства*» нацелена на стратегическую задачу формирования переводоведческой отрасли в отечественной гуманитаристике. Это также задача формирования информационной интегрированной среды. Поэтому усилия должно сосредоточить (а) на реализации профессионального терминологического оптимума, (б) на систематизации общей информации о переводческой деятельности в мире, (в) на последующей организации учебного комплекса для направлений подготовки профессиональных переводчиков (или – шире – в сфере

международных отношений, информатики, лингвистики и многих иных направлений подготовки специалистов, использующих переводческую квалификацию). Терминологическая система самоопределения границ и содержания дисциплины мыслится первым условием при разработке программ подготовки переводчиков-практиков разных типов, магистров и докторов в университетах: (а) по языковой парадигме (романо-германские, балто-славянские, тюркские, арабо-персидские и др. этноязыковые ареалы), (б) по профессиональной направленности (перевод технических текстов разного профиля, политической, дипломатической, юридической, гуманитарной, художественной и др. информации).

Человек мало-помалу перестал узнавать себя и своих ближних...

Функция перевода первоначально состояла в передаче сходства, возвышавшегося над всеми различиями; теперь же он свидетельствует о непреодолимости этих различий...

Мир перестает быть неделимым единством.

Октавио Пас

Методология интердисциплинарности

Источник такого рода при построении комплексной образовательной модели должен, видимо, базироваться на двух тенденциях: (а) интегрирующей (обучение методом перевода и на этой основе освоение иностранных языков), (б) дифференцирующей (специализированная

подготовка сложившихся билингвов). Отсюда, кстати, и обширная потенциальная интердисциплинарная аудитория: ученые, разрабатывающие теоретические, исторические, прагматические аспекты письменного перевода (технические, политические, художественные и др. тексты), устного (синхронного/симультанного и др.) перевода; профессиональные переводчики любого типа; редакторы процессов и документов перевода; специалисты в области коммуникации и информационных технологий; профессионалы любого ранга, имеющие дело с межъязыковым сотрудничеством; студенты различных специальностей, изучающие иностранные языки с позиций практического овладения навыками перевода. *Терминологическая совокупность* призвана: (а) дать представление о переводе как объекте научного исследования; (б) содержать ответы на вопросы, возникающие в практической деятельности переводчиков; (в) составить понятийную систему, позволяющую эффективно готовить postgraduate-специалистов в области перевода; составить комплекс «пограничной» терминологии, связанной с воспроизведением в переводе различных стилистических принципов, экспрессивных языковых средств, характерных для всех текстов (не исключая и технические) в переводческой практике.

В «постсоветско-евроазиатской» обстановке интеллектуальных утрат не менее реальны и новые перспективы. Современные тенденции дистанционного и online-образования, новые формы подготовки переводчиков становятся (или хотя

бы представляются) более реальными, если оптимизирующим условием становится осуществление виртуального изучения перевода как параллельной (одновременной и/или альтернативной) формы получения высшего образования в процессе доминирующей (базовой) подготовки различных специалистов. Однако тут приходится констатировать отсутствие единой концепции образовательного-научного подхода, отсутствие блоков современной учебно-методической информации, отсутствие единой базовой терминологической системы, которая объединяла бы многообразие форм изучения языков в специфике перевода.

В этом плане проблемы терминологии особенно актуальны. *Все дороги ведут в перевод*: настолько сегодня высоки (и тем самым важны для постановки образовательной практики) исследовательский уровень, методологический инструментарий, обширный междисциплинарный континуум. Объясняется это, конечно, прежде всего, уникальностью перевода в эвристической деятельности. Тем не менее, система понятий транслатологии, развивающаяся пропорционально развитию самого перевода, явно не стабилизирована в должной мере; ощущается и дефицит необходимым образом систематизированной информации о переводе как виде информационно-культурной деятельности (о его институциях, о принципах, методах и формах его коллегиального и индивидуального «бытия»).

В этом качестве информационное пространство перевода, организованное как тезаурус, предположительно могло бы

стать и источником определенной гуманитаризации мировоззрения у студентов инженерно-технологического профиля, а у студентов, изучающих социальные науки, литературу, искусство, – активизировать рост информационной культуры внутри их профессиональной ноосферы. Цель тезауруса обусловлена и контекстом собственно исследовательских задач, он призван отразить структуру транслатологии как науки. При всей масштабности и многоаспектности этой, изначально интердисциплинарной, синтетической отрасли, в своде научных сведений по теории, истории и практике перевода, в самом состоянии переводоведческой методологии все более остро ощутим и все менее поддается объяснению парадоксальный пробел: у транслатологии есть своя терминология, развивающаяся пропорционально расширению ее границ, - но не существует ее признания.

Термины приходят и закрепляются как дефиниции, всегда или почти всегда «представляя теоретическую микросистему» (А. Попович) исследователя, либо школы, либо науки в целом. Часть их сформировалась в ходе саморазвития теоретического аппарата и на его основе, часть же (и, вероятно, большая) трансформировалась из сопредельных научных отраслей в связи с интердисциплинарностью изучения переводческой проблематики и исходной синтетичностью переводоведения. Сами же эти качества науки связаны с тем, что ее объект – перевод – может пониматься как один из архетипов эвристической деятельности (это ярко продемонстрировал в своих рассужде-

ниях Октавио Пас); вместе с тем терминологическая совокупность – тезаурус, изначально осознающийся как транслатологический, – отсутствует. А это обстоятельство, безусловно, означает, что принадлежность (и, следовательно, органичность) каждого термина именно для данного контекста может быть оспорена. В рецепции научным сознанием ситуаций такого рода, очевидно, присутствует некий «информационно-юридический» акцент: покуда осознающая законность своих притязаний на статус самостоятельной научной дисциплины и желающая адекватного закрепления в соответствующей системе ценностей область эвристической энергии не имеет своего «Словаря», она как бы не может претендовать на звание науки и сама не в состоянии преодолеть комплекс неполноценности, да и окружающие ее научные дисциплины как бы получают право на двойственное к ней отношение.

Многоязычие не должно означать потерю идентичности.

Г. Экстра

Традиции

Наука о переводе *de facto* безоговорочно переросла это состояние. Однако занять место в традиционной иерархии ей мешает отсутствие научно подготовленного терминологического тезауруса. Очевидно поэтому в исследованиях последних лет особенно ощутима некая терминологическая предупредительность. Этим качеством, собственно говоря, заряжены все значительные работы XX века, даже если они – как оба-

тельная, если позволительно так выразиться, книга С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», как практически все знаковые труды XX века (работы М. Л. Гаспарова, В. Н. Комиссарова, Дж. Кэтфорда, Ж. Мунена, Ю. Найды, А. Нойберга, К. Райсс, П. Торопа и др., в самое последнее время – Н. К. Гарбовского, А. И. Жеребина, И. О. Шайтанова)¹ не несли цели собственно терминологического просветительства; осознание шло на категориальном уровне. Практически нет ни одного серьезного исследователя, который успешно попытался бы игнорировать проблему терминологического обеспечения и в работах которого переводческие дефиниции не получали минимального хотя бы освещения.

В последние же десятилетия исследователи перевода стали целенаправленно

¹ *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1986; *Гаспаров М. Л.* Стилистическая перспектива в переводах художественной литературы // *Babel. International Journal of translation.* 1983. № 2 (Vol. XXIX). P. 83-91; *Тороп П. Х.* К основам критики перевода // Единство и изменчивость литературного процесса: Труды по рус. и славянск. филологии. Тарту, 1982. С. 125-142; *Комиссаров В. Н.* Слово о переводе. М., 1973; *Nida E.* К науке переводить: Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. М., 1978. С. 114-136; *Гарбовский Н. К.* Теория перевода. Учебник. М.: Изд-во МГУ. 2007; *Жеребин А.* Проблема перевода в герменевтическом освещении // *Вопр. литературы.* 2014. № 3; *Vehmas-Lehto I.* Многогранное переводоведение // С любовью к слову: *Vestschrift in Honour of Prof. A. Mustayoki...* - *Slavica Helsingiensia* – 35. Helsinki, 2008; *Шайтанов И.* Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема // *Вопросы литературы.* 2009. № 2; Его же. Комментарий к переводам, или Перевод с комментарием // *Вопросы литературы.* 2014. № 9.

создавать свои терминологические «микровселенные» – снабжать труды вспомогательными транслатологическими словарями; это, бесспорно, говорит об ощущаемой «тоске по искусствоведению» в области переводческой терминологии. Прежде всего, это работы А. Д. Швейцера «Перевод и лингвистика», А. Поповича «Проблемы художественного перевода», Вернера Коллера «Einführung in die Übersetzungswissenschaft». Рано ушедший словацкий ученый Антон Попович уже тогда приступал к развертыванию исследований в области терминологии переводоведения и был «составителем и главным автором» вышедшей в 1983 г. книги «Оригинал – перевод: терминология интерпретации» (более подробных сведений на этот счет мы не имеем). Этот же подход демонстрируется в появившихся в то же время работах Р. К. Миньяр-Белоручева («Теория и методы перевода»), В. Н. Комиссарова («Современное переводоведение»), Б. Хейтима (B. Hatim «Teaching and researching translation»), в труде немецкой группы исследователей («Handbuch Translation») и польских ученых: «Słownik dydaktyczny terminologii translatorycznej», «Tezaurus terminologii translatorycznej», и появившейся в 2004 г. книги «Terminologia tłumaczenia»; этот труд адаптирован для польского читателя на базе проекта «Translation terminology» (Amsterdam / Philadelphia, 1999; orig. ed. by J. Benjamins B. V.). Особо следует отметить целенаправленный и потребовавший, бесспорно, большого труда «Толковый переводоведческий словарь» проф. Л. Л. Нелюбина, содержащий 2028 ла-

коничных статей и сориентированный этим на студенческую аудиторию: прием экстрагирования в той мере, какой потребовала ориентация «Словаря», в данном случае оказался более чем плодотворным¹.

В последнее время попытки привлечь внимание к проблеме переводческой терминологии предприняты в ряде наших публикаций, которые предпринимались как предварительные, чаще всего с подчеркнутым намерением информировать о ведущихся разработках². Естественно, в процессе работы над составлением тезауруса первоначальные представления об исследованиях такого рода черпались из соответствующих общедоступных источников, широко апробированных в последние десятилетия ушедшего века.

Таким образом, в нашем распоряже-

¹ Швейцера А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. Попович А. Проблемы художественного перевода / пер. со словацк. М., 1980; Koller W. Einführung in die U

² См.: Шаповалов В. И. Перевод в информационной политике, образовании и культуре Кыргызстана (2000); Его же. Контексты перевода (2004); Его же. Концепция создания «Словаря терминов науки о переводе» // Наука и новые технологии: Социальн. и гуманитарн. науки. Бишкек, 1998. № 1–2); Его же. К проблеме актуализации подготовки профессиональных переводчиков в контексте языковой политики суверенного государства и информационного рынка // Труды Ин-та мировой культуры. Вып. II: Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. Бишкек – Лейпциг, 2000; Его же. Стихотворная поэтика и экспликация метода перевода // Эпос «Манас» как фактор культурной интеграции XX века: материалы юбилейных чтений, посв. 90-летию С. И. Липкина и 55-летию выхода книги «Манас. Великий поход». Бишкек, 2002 и др.

нии на сегодня имеется перечень трудов, ориентированных на исследование терминологического обеспечения науки о переводе, который, в зависимости от точки зрения на проблему, можно считать либо весьма скудным, либо все же обнадеживающим. На уровне научной отрасли, о которой приходится говорить только в будущем времени и сослагательном наклонении, просматриваются некоторые общие перспективы.

Это создание учебно-информационного комплекса на представительном фундаменте работ предшественников и коллег, с задачами формирования ориентиров для подготовки профессиональных переводчиков, компенсации отсутствия терминологического единства, систематизации информации о переводческой деятельности, выработки векторов теории и истории.

Это и интегрирование в транслатологию интердисциплинарных терминов и понятий, утвердившихся в теории, истории и практике перевода или принадлежащих традиционной терминологии когнитивистики, лингвистики, информа-

тики, общего и сравнительного литературоведения, поэтики и стилистики, этнокультурологии, лингвострановедения, философии, политологии и др. С точки зрения формирования состава терминов общий принцип состоит в попытке вовлечь в контекст переводческой терминологии всё, что имеет какой-то «дефинитивный» потенциал. Таким образом, разъяснение конкретных терминов, традиционно относящихся к инструментарию «материнских» наук, приобретает в транслатологическом уже некое самодевлеющее значение: эти понятия в новой системе координат обретают специфический смысл и функции, ориентированные на разъяснение смыслов уже собственно перевода во всех его ипостасях.

(Шаповалов В. И. Язык переводческой науки: учебная энциклопедия. Словарь терминов транслатологии: в 2-х т. / Инновационный проект «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и профессиональной подготовки специалистов». Т. 1. Бишкек: КРСУ, 2015. С. 3–16).

Цитата

...Писатели писали что-то там своё комковатое, - а он выпрямлял и разглаживал; они тыркались об стену, не находя дверей, - а он распахивал ворота; они водили руками в тумане, - а он брал их за руку и выводил на свет. <...> Мне открылась вдруг сполна тяжесть каторжного труда переводчика, подвиг его, ничем практически не вознаграждаемый, мало кем ценимый, потаенный.

*Татьяна Толстая,
русская писательница, публицист.
Лауреат литературной премии «Триумф» 2001 г.*

Цитата

Цитата

Цитата

О. Ю. Шубина,
*кандидат филологических наук,
доцент, заведующая кафедрой
теории и практики английского
языка и межкультурной
коммуникации КРСУ*

Подготовка переводчиков и новые тенденции на профессиональном рынке

Кафедра теории и практики английского языка и межкультурной коммуникации ведет подготовку специалистов переводчиков с 2002 года по специализации «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений». За это время накоплен определённый опыт, в том числе и международный, позволяющий осуществлять подготовку переводчиков на высоком уровне.

Сегодня переводческая деятельность не регулируется юридически, поэтому каждый может назвать себя переводчиком, пока это не будет проверено на рынке переводческих услуг. Можно пройти краткосрочную подготовку или переподготовку и получить диплом переводчика. В Европе это запрещено законом. Необходимо высшее специальное образование, прежде всего, а специалисты по синхрон-

ному переводу готовятся только на базе высшего образования.

Современный уровень подготовки переводчиков требует модификации учебных программ и образовательных методик. Это вызвано потребностями рынка в новых видах переводческих услуг и других форм перевода. Традиционные уроки по обучению переводчиков очень далеки от реального мира. Необходимо пересматривать рабочие программы, более активно вводить методику и дидактику перевода.

Пересмотр методов обучения переводчиков проводится на кафедре согласно стандарту Российской Федерации ФГОС 3+ 2016 года, а также на базе осмысления и применения европейского стандарта EN 15038: 2006 Translation services – Service requirements, который был подготовлен по инициативе Евросоюза взамен преды-

дущего стандарта ISO 9001, устанавливающего лишь общее качество подготовки переводчиков. Новый стандарт обращается к качеству процесса перевода и устанавливает требования к переводческим услугам. К примеру, как обязательный компонент стандарт вводит независимую рецензию продукта перевода, то есть проводится оценка не переводчика, а выполненного им перевода.

Стандарт принят к исполнению на большей части Европы и заставляет образовательные учреждения пересматривать образовательные технологии, так как перевод теперь рассматривается как часть переводческих услуг, отражая потребность рынка готовить поставщиков переводческих услуг, а не переводчиков. И готовить их в течение всей жизни, то есть предусматривается постоянное профессиональное развитие и переподготовка переводчиков.

Более 60 % кадрового состава кафедры – молодые преподаватели, поэтому одной из первоочередных задач является повышение их профессионального статуса и академической мобильности через участие в научно-исследовательской деятельности и подготовку по программам аспирантуры.

В настоящее время ряд преподавателей работает над кандидатскими диссертациями, многие принимают участие в научно-практических конференциях в России и за рубежом, посвящённых различным актуальным вопросам современной лингвистики, теории и практики перевода. Преподаватели кафедры (Абдрахманова Р. Дж., Шубина О. Ю., Кыдырали-

ва Д. М., Степанова Л. И., Хамилова С., Лушкин Р. И. и др.) публикуют научные труды по особенностям различных видов перевода художественных и профессиональных текстов в научном журнале «Вестник КРСУ» и в ведущих научных журналах России и Кыргызстана.

Результатом многолетней работы кафедры по проекту TEMPUS Европейского Союза «Создание сети университетских языковых центров для профессионального и личностного развития человека в рамках парадигмы «образование в течение всей жизни» стало открытие образовательного центра «Университетский языковой центр ЮНИКО ТЕМПУС, где проходят переподготовку и повышение квалификации преподаватели КРСУ.

Кафедра имеет два междууниверситетских соглашения, подписанных в рамках программы ERASMUS – это преподавательская и студенческая мобильность. Заведующая кафедрой Шубина О. Ю. приглашается для чтения лекций и участия в международных тренингах по билингвальному образованию в университет Кордобы (Испания).

Кафедра ежегодно проводит ставшие традиционными научно-практические конференции «Германские, тюркские и славянские языки в поликультурном мире», участниками которых становятся учёные из различных регионов России (Москва, Омск, Тула, Краснодар, Белгород, Санкт-Петербург, Самара, Уфа и др.), из Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Белоруссии, а также кыргызстанские студенты, аспиранты и магистранты.

Много внимания уделяется на кафедре творческой работе со студентами: проводятся конкурсы на лучшее эссе, олимпиады среди студентов 1 и 2 курсов, дебаты со студентами на разные актуальные темы, конкурсы на лучшую научно-исследовательскую работу (перевод, сочинение, реферат, научный доклад и др.). Студенты имеют возможность участвовать в работе коммуникативного клуба «Разговорный иностранный язык» и секции «Мир изучаемого языка».

Кафедра теории и практики английского языка и межкультурной коммуникации апробирует новые подходы к обучению переводчиков, готовит инструктивные материалы для преподавателей, ведущих специальные дисциплины. Это дает хорошие результаты: переводчики английского языка, подготовленные в КРСУ, всегда востребованы на внутреннем и даже внешнем рынке труда.

Технологии переосмысления культурно-исторических явлений при подготовке лингвистов-переводчиков

Процесс перевода художественных текстов рассмотрен нами с точки зрения передачи сигнификативных коннотаций, которые обусловлены влиянием таких экстралингвистических факторов, как культурно-исторические традиции, социальная среда, характер героя, коммуникативная ситуация и другие. Описание процесса перевода выбранных фрагментов имеет целью продемонстрировать технологию переосмысления культурно-исторических явлений при подготовке лингвистов-переводчиков.

Актуальность рассматриваемых вопросов обусловлена явлением, чья роль возрастает в сетевом информационно-насыщенном мире: **коррупцией переводческой деятельности** и, следовательно, ухудшением качества переводов (и в пер-

вую очередь художественных текстов). Отсутствием единства подходов и методов описания лингвокультурного диссонанса, возникающего на фоне нарушения функций текста в связи с игнорированием сигнификативных коннотаций языковых знаков. Сложностью обучения студентов выявлению причин его возникновения и способам гармонизации переводных художественных текстов.

Мы исходим из следующей трактовки дефиниции: **сигнификат – это отражение обозначаемого языковым знаком денотата** [1, с. 79]. Рассмотрение специфики этого отражения было одной из задач при предварительном анализе текста оригинала, рассматривалось соотношение денотативного содержания языкового знака и его сигнификативных коннотаций, другими

словами, то, как отражается определённое формальное выражение в сознании представителей определённой культуры. Рассмотрим фрагменты анализа.

Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов... У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться [2, с. 63].

He saw, not far off, a little village, consisting of four or five houses... At the first cottage he jumped out of sledge, ran to the window and began to knock [3, p. 626].

Интерпретация слова *избушка*, выбранная переводчиком, не вполне адекватна, ведь семантическое значение слова в силу присутствия уменьшительного суффикса дает смысл убогого бедного жилища из подручного материала типа дерева, глины. *Cottage* же ассоциируется хоть и с небольшим домом в деревне, но вполне приличным для жилья. Исчезает образ бедной русской деревни времен А. С. Пушкина, появляется коннотация состоятельной Европы.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что ничего не взвидел [2, с. 62].

But scarcely had Vladimir issued from the paddock into the open field, when the wind rose and such a storm came on that he could see nothing [3, p. 625].

Значение слова *околица* связано с русской деревней, природой и просторечьем. Окраина деревни, за которой начинается река, поле или лес, несет смысл простора, чего-то первозданного, не тронутого рукой человека. Использование слова *paddock* – загон для лошадей, создает ассоциацию того, что открытое поле начинается

сразу за загоном, а загон – это дело рук человека: и уже нет ощущения открытого пространства, где бушует ветер со снегом и негде укрыться от метели. То есть нарушена эмотивная функция текста, нет эмоционального резонанса на адресат.

Совсем не выражена эмоциональная и оценочная функции слов *сделалась* и *взвидел*. Это графоны, выполняющие стлеобразующую функцию, отображающие аутентичное произношение с целью усиления представления атмосферы метели и бессилия человека перед силами природы. Переводчик же передал денотативное содержание слов, нарушив авторский стиль, повествующий о России XVIII века колоритным народным языком, и как следствие, нарушился определённый культурно-исторический образ, появился более сдержанный и нейтральный стиль.

Находим диссонанс в следующем переводе предложения с русского языка.

Суженого конем не объедешь [2, с. 64].

The woman cannot ride away from the man who is destined to be her husband [3, p. 628].

Русская поговорка имеет значение «от судьбы не уйдёшь, все равно случится то, что должно произойти с человеком». Англоязычный читатель же получает текст о какой-то женщине, которая не может ускакать на коне от мужчины. Хотя предсуппозицию, заложенную в оригинале, можно найти в английской поговорке *There is no flying from fate*.

Название рассказа Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» переведено как «*St. John's Eve*». День 24 июня в Белой и

Малой России отмечали жжением костров, купанием в воде и росе, плясками вокруг дерева Марины. В католическом мире имя Марины и имя Ивана Купалы не имеют адекватной коннотации в силу отличия русских культурно-исторических традиций. Переводчик находит подобную коннотацию в английском языке. Именно 24 июня католики отмечают праздник Святого Джона жжением костров, танцами и песнями. Культурные коннотации, сопровождающие названия праздников в двух разных культурах, совпадают, хотя формальное различие имен в названиях может сбить с толку неподготовленного переводчика.

Далее в рассказе много других культурно-исторических реалий, для сохранения функциональной нагрузки которых требуются профессиональные компетенции переводчика. Так имя героя *Петр Безродный* [4, с. 40], переведено *Peter the Orphan* [3, p. 636]. Для русского читателя вряд ли безродный – это сирота, скорее человек, у которого нет корней, а не родителей. Одиноким человек, не имеющий близких, не знающий, где родился – вот, что первое приходит на ум. Возможно, выходец из незнатной небогатой семьи. В любом случае сопутствует значение бедности, плохого образования, одинокого существования. Видимо, отношение западного общества к человеку, не имеющему рода, предполагает в прагматическом аспекте, что его родители умерли, поэтому он не знает, кто они были и где он родился, коннотация бедности не обязательна. Переводчик не употребил буквальное *rootless*, что предполагает отсутствие работы, дома, связей с общиной.

Темно, хоть в глаза выстрели [4, с. 43].

Идиоматическое словосочетание русского языка синонимично в английском и скорее найдёт буквальное отражение в сознании англоговорящего получателя текста. Но отражение того же содержания переводчик находит в другом идиоматическом английском выражении.

It was so dark that you could not see a yard before you [3, p. 638].

Сякой, такой Петрусь, немазаний! [4, с. 47].

A fine fellow Peter, quite unequaled! [3, p. 640].

Словосочетание *немазаний сухой* в просторечии употреблялось ласкательно и льстиво. В английском языке *такой-сякой*, взятое отдельно, имеет отрицательную коннотацию *you old so-and-so!* *Немазаний сухой* – полный синоним в английском языке. Переводчик выбирает не совсем удачную сигнификативную коннотацию, эта форма нейтральна, *непревзойденный* и всё. Нарушена эмоционально-стилистическая функция высказывания.

Тут разделил он суковатую палкой куст терновника, и перед ними показались избушка, как говорится, на курьих ножках [4, с. 46].

Then he parted the thorn-bushes with a knotty stick, and before him stood a tiny farmhouse [3, p. 639].

Сказочное выражение *избушка на курьих ножках* имеет семантику жилища бабы Яги и лёгкого, непрочного строения. Прилагательное *tiny* означает *маленький крошечный*. *Farmhouse* – *сельский жилой дом*.

Нарушена функция русского словосочетания, не передана атмосфера сказки, чего-то волшебного и необычного.

При огромном разнообразии форм выражения схожей семантики сигнификативные коннотации, предложенные переводчиком, не всегда вызывают у получателя текста аналогичный коммуникативный резонанс, что было продемонстрировано выше. Порой это трудно сделать из-за неполной осведомлённости переводчика об истории, культуре, быте представителей определённой этнической общности.

Проведение такого анализа при комплексном применении имеющихся методик поможет освоить процесс толкования языковых знаков и избавит от диссонанса при переводе.

Литература

1. *Латышев, Л. К., Семёнов, А. Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебное пособие для студентов переводческих ф-тов высших учебных заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семёнов. – М.: Изд. центр «Академия», 2003.

2. *Пушкин, А. С.* Сочинения: в 3-х т. / А. С. Пушкин. – М., 1987.

3. *Great short stories of the world.* – Prague: Poligrafia, 1969.

4. *Гоголь, Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки / Н. В. Гоголь. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1969.

О. Ю. Шубина,

канд. филол. наук, доцент КРСУ

Центр китайской культуры

Создан на основе подписанного 26.06.2014 г. Соглашения о взаимном сотрудничестве между КРСУ и Институтом Конфуция при КНУ им. Жу-

суна Баласагына. Директор Центра – Л. С. Сулайманова.

Сферы деятельности центра:

- предоставление консультационной информации об образовании, истории и культуре Китая;
- создание учебной и научной базы (собственная библиотека, аудио и видеоматериалы) для подготовки специалистов-международников со знанием китайского языка и переводчиков;
- организация внеаудиторной научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности студентов: подготовка рефератов, докладов, презентаций, проведение круглых столов, конференций, семинаров, дебатов, конкурсов, фестивалей и др.
- сотрудничество с Посольством КНР в Кыргызской Республике, международными организациями и фондами;
- расширение и укрепление связей с вузами Китая;
- развитие связей с вузами и центрами Кыргызстана, осуществляющих обучение китайскому языку и культуре;
- участие в международных программах, проектах и грантах;
- помощь в организации повышения квалификации преподавателей и языковой стажировки студентов за рубежом;
- подготовка студентов к участию в конкурсах и олимпиадах по китайскому языку, в конкурсе мирового масштаба «Мост китайского языка»;
- оказание помощи Университету, факультету МО в осуществлении перевод-

ческой деятельности во время приёма китайских делегаций, в обслуживании международных и межвузовских конференций и др.;

- переводы различной документации с русского на китайский язык и с китайского на русский язык.

Образовательная и культурно-просветительская деятельность центра

С 2005 года по настоящее время студенты, изучающие китайский язык, сдают международные квалификационные экзамены по китайскому языку HSK и HSKK. У кыргызстанских студентов имеется возможность изучения китайского языка в университетах Китая на основании выигранного гранта или конкурса. Требования: высокий рейтинг, хорошая успеваемость, высокий уровень владения китайским языком, активное участие в студенческой жизни. Ежегодно лучшие

студенты факультета направляются на языковые стажировки в вузы КНР сроком от 2-х месяцев до 1 года. За последние 3 года 36 студентов получили возможность продолжить обучение за рубежом.

Центр проводит мероприятия, тематические вечера, связанные с китайской культурой и национальными традициями: «День культуры Китая», «Неделя китайского языка и китайской культуры», «Встреча китайского Нового года», Конкурс песен на китайском языке, Чайная церемония, знакомство с китайской кухней, участвует в традиционном многоязычном «Фестивале языков».

В центре регулярно проводятся встречи делегаций высокопоставленных лиц, преподавателей и студентов из КНР. В настоящий момент в центре ведутся специальные курсы китайской каллиграфии, встречи языкового клуба, лекции по страноведению, гимнастике ушу и др.

И. В. Чжан,
ст. преподаватель кафедры китайского языка
кыргызско-китайского ф-та БГУ им. К. Карасаева,
сотрудник Центра китайской культуры КРСУ

Некоторые особенности перевода с китайского языка на русский (на примере журнала «Контимост»)

Журнал «Контимост» – единственный китайский журнал, выходящий на русском языке, ориентированный на русскоговорящую часть Центральной Азии и знакомящий с экономическим и культурным развитием Китая и Синьцзяна (Китай), который стал доступен кыргызстанцам благодаря двусторонним межгосударственным отношениям.

Редакция всегда стремится сообщать читателям интересную для них информацию: торгово-экономические связи между Китаем и странами ЦА, развивающиеся со времен Великого Шелкового пути; новые тенденции и новые идеи в деле совместного строительства «Одного пояса и одного пути», охватывающие все сферы деятельности; влияние реформ и развития Китая на страны ЦА;

условия жизни синьцзянских кыргызов, таджиков, узбеков, людей других национальностей; наследие и охрана в Китае эпоса «Манас»; истории, рассказывающие о работе, учебе и жизни иностранцев в Китае; интересные темы – китайские блюда, туризм, традиционная медицина и др.

4 июня 2017 года отмечались две знаменательные для Кыргызстана и Китая юбилейных даты: 25-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Кыргызстаном и 10-летие со дня распространения журнала «Контимост» в Кыргызстане.

По этому поводу в БГУ состоялась встреча на межгосударственном уровне, ставшая своеобразной площадкой, на которой в атмосфере открытости, инклю-

живности участники делились мнениями, позитивными идеями по дальнейшему расширению и укреплению дружбы и взаимопонимания между двумя государствами. Участники встречи отметили неопределимую роль и значение журнала «Контимост» в освещении динамики развития кыргызско-китайского сотрудничества за 10 лет, ощутимые достижения и результаты. Руководитель «Синьцзянской экономической газеты» г-н Ду Цзуньяо подчеркнул стратегическую направленность добрососедских отношений на реализацию взаимных экономических и культурных интересов. В заключение встречи китайская делегация презентовала выставку произведений искусства «Китайская живопись на бумаге из тутовника: «Один пояс – один путь» и «Синьцзян». Представленные работы продемонстрировали огромное уважение к древним китайским традициям, красоту китайской каллиграфии и живописи – гохуа.

Журнал «Контимост» получил признание и поддержку в разных кругах общества Кыргызстана, действительно стал невидимым культурным мостом, возведенным между народами двух стран. Только в администрацию президента КР поступает 178 экземпляров.

Будучи переводчиком журнала в течение почти шести лет, хотела бы поделиться некоторыми соображениями по поводу перевода журнальных статей с китайского на русский язык. Прежде всего надо уточнить, что письменный перевод имеет свои преимущества. Его явной положительной стороной является то, что переводчик может воспользоваться словарем, справоч-

ником либо любым другим средством. Огромный плюс – это имеющийся запас времени, в отличие от устного перевода. Однако требования к итоговому документу совсем иные по сравнению с устным выступлением. Перевод должен быть точным и полным. Идеальный перевод китайского языка на русском воспринимается так, как будто он написан на нем изначально. При этом важно, чтобы не терялся ни смысл, ни значение терминов.

Одной из сложностей перевода являются постоянно появляющиеся неологизмы, которых порой еще нет в словарях. Одними из «отцов» новых слов и выражений общественно-политической лексики заслуженно можно назвать руководителей КНР, речи которых изобилуют как новыми идеями и инициативами, так и изречениями древних мыслителей и философов, на-

родной мудростью. К примеру, встречающееся сейчас понятие «人类命运共同体», которое впервые появилось в докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао в 2012 г. Первоначально понятие чаще переводили как «человечество с единой судьбой», и уже позже ему был придан новый смысл, как одной из концепций внешнеполитической доктрины Си Цзиньпина – «сообщества единой судьбы человечества» или «человеческого сообщества с единой судьбой». Или выдвинутая в 2013 г. инициатива Си Цзиньпина «Экономический пояс Шелкового пути».

Хотелось бы сказать о сложности перевода антропонимов. При этом имеются

в виду не привычные китайские имена и фамилии, но имена представителей других национальностей. Например, в декабрьском номере журнала «Контимост» речь шла об обсуждении экспертами из Кыргызстана прошедшего 19-го съезда КПК. В результате перевода иероглифов, составляющих имя эксперта 扎依尼金 получаем «Заиницинь» может быть «Цзаиницинь», благодаря тому, что это известная в Кыргызстане личность, удается установить, что специалиста зовут Зайнидин. Гораздо труднее, когда речь идет о малоизвестных людях или малоизвестных географических названиях. Порой, чтобы правильно написать имя или название, приходится изучить немало справочной литературы.

Тем не менее журнал «Контимост» продолжает выполнять роль культурного, экономического моста между Китаем и Кыргызстаном и, как я надеюсь, продолжает радовать своих читателей. Только за прошедший год на страницах журнала было опубликовано более 300 материалов, осветивших социально-экономическую и культурную жизнь двух стран.

Литература

1. Сусоева, Е. К. Китайский язык. Особенности устного и письменного перевода / Е. К. Сусоева // Молодой ученый. – 2016. – № 14. – С. 669–671.
2. Журнал «Контимост».

М. Дж. Тагаев,
доктор филологических наук,
профессор КРСУ

Текст как результат процесса межъязыковой деривации (на материале киргизско-русских Интернет-переводов)

Наряду с такими фундаментальными свойствами языка, как парадигматические и синтагматические отношения, существуют и отношения эпидигматико-деривационные, на которые в меньшей степени обращается внимание. Между тем эпидигматика, как и другие типы связей, пронизывает всю систему языка, обеспечивая процессы говорения и восприятия, поскольку говорящий использует говоримое им в качестве суппозиции для построения нового коммуникативного акта. Иначе говоря, всякий новый коммуникативный акт как производная единица строится на базе уже сказанного или известного.

Деривация, как известно, это процесс создания мотивированных единиц на базе других, принимаемых за исходные. Про-

цесс деривации можно рассматривать в двух аспектах. Первый из них связан с номинативной деятельностью человека, когда он при помощи мотивированного слова стремится обозначить результаты своей познавательной деятельности путем установления каких-либо связей и отношений во внешнем мире. Второй определяется синтагматическими формами деятельности. «При этом, как отмечает Н. Д. Голев, в системно-структурном аспекте первый включается в сферу вертикальных отношений (означаемое – означающее), второй – в сферу горизонтальных (знак А→знак Б)» [1].

Номинативная деятельность и движение мысли по вертикали есть результат словообразовательного процесса, кото-

рый Г. С. Зенков называет генератологическим [2, с. 12]. При этом создаются мотивированные слова как словарные обозначения. Например, *круглый* – *кругляк*, *округлить*; *топчу* ‘пуговица’ – *топча* – ‘застегни’. Данный тип можно отнести к лексической деривации.

При синтагматике деривационные отношения развёртываются линейно. При этом не только слово, но и другая языковая единица (словосочетание, предложение или текст) может рассматриваться в качестве мотиватора (суппозиции) для создания более сложных образований. Процесс деривации может происходить не только в рамках одного языка, но и между разными языками, когда мотиватором является суппозиция, представленная ресурсами языка А, а результатом является вторичный текст, созданный средствами языка Б (текст на языке А → текст на языке Б).

В этом случае можно говорить о межъязыковой деривации, когда на базе единиц одного языка создаются единицы при помощи другого языкового кода в результате применения такой операции, как перевод. «Текстопорождение как процесс образования целостного и связного текста, – как пишет И. Г. Разина, – включает в себя деривационные процессы, происходящие на разных языковых уровнях. Данные процессы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными и представляют собой синтез лексической, синтаксической, семантической деривации» [3, с. 66]. В результате процессов деривации при межъязыковой трансформации возни-

кает интегративный текст, содержание которого базируется не только на семантике исходного текста, но и включает в себя субъективную интерпретацию исходного текста переводчиком. Во вторичный текст транслируются в специфической форме различные функции исходного языка, в частности, когнитивные, экспрессивные, аппелятивные, поэтические, метатекстовые, референтивные и др., благодаря которым создается межкультурная интертекстуальность.

Объектом нашего исследования явились некоторые формы электронной письменной речи, которые создаются в результате перевода с одного языка на другой, т. е. их можно рассматривать как факт межъязыковой деривации. Отличает такой тип письменной речи от бумажных её форм то, что благодаря современным информационным технологиям они создаются, во-первых, за сравнительно короткий промежуток времени и, во-вторых, позволяют оперативно донести до читателя текущую информацию.

К таким текстам можно отнести активизировавшиеся в последние время письменные переводы общественно-политических статей из кыргызскоязычных газет на русский язык, которые размещаются на специальном сайте “gezitter.orgЧТОБЫ ПОНИМАЛИ”. Особенность этих материалов в следующем: 1) они отражают текущую ситуацию в стране; 2) актуальны в течение ограниченного времени; 3) переводчик не имеет достаточного времени на осмысление текста и не стремится находить полное соответ-

ствие образу мира русскоязычного читателя и соблюдать стилистические нормы русского литературного языка.

В этой связи создается не совсем обычный текст на русском языке, который сохраняет в себе некоторые черты идиоматичности киргизского текста, отличительной особенностью которого является его эпичный характер и тесная связь с устным народным творчеством. Понимание такого текста на русском языке требует от читателя специальных знаний этнокультуроведческого характера, знакомства с языковой картиной мира, представленной средствами киргизского языка. В то же время по своей стилистике газетные тексты на киргизском языке – это не просто информация, а своеобразная аналитика, наполненная размышлениями, предположениями и эмоциональными переживаниями, которые выстраиваются на знании родо-племенного устройства киргизского общества, ментального сознания, системы ценностей киргизского народа. Все это, как правило, недоступно авторам другой культуры.

Появление такого жанра – объективная реальность. Отрицать данный факт равнозначно тому, что не признавать наличие в языке разговорного стиля, диалектов на основании лишь того, что они не соответствуют нормам кодифицированного литературного языка.

Переводчик в исходной суппозиции имеет текст с национально-культурным содержанием и своеобразной стилистикой на языке А, который он должен переложить в условиях недостатка времени на другой язык Б, в котором иные представле-

ния и образы мира. В результате большинство переводов – это максимально близкая передача содержания текста средствами русского языка с сохранением особенностей стилистики и некоторых форм идиоматичного строения исходного текста. Русскоязычного читателя такой перевод поражает своеобразием языкового мышления и построением синтаксиса текста, прямым включением его лексико-фразеологических единиц, семантических калек, использованием прецедентных феноменов (имен, выражений и других национально-культурных смыслов).

Источником таких текстов являются материалы множества газет на киргизском языке, которые рассчитаны в основном на киргизскоязычных жителей, число которых составляет примерно около 70 % населения. Среди них наиболее популярными являются такие издания, как «Фабула пресс», «Жаңы Агым» (Новое течение), «Азия news», «Ачык сөз» (Открытое слово), «Де-Факто» и мн. др. Материалы этих газет полнее отражают настроения масс в регионах, где проживает основное население страны, здесь размещают различные аналитические статьи, интервью с политиками и государственными деятелями, строят прогнозы относительно тенденций развития социально-политической ситуации в стране, кадровых назначений и перемещений и мн. др.

Эти материалы пользуются большим спросом, главным образом у русскоязычных читателей, среди которых немало таких, кто может оказать влияние на ход социально-политических процессов. В результате такой общественной потреб-

ности появился и активно функционирует сайт <http://www.gezitter.org>, который занимается исключительно переводом и размещением на своих страницах статей из киргизскоязычных газет. На июнь 2017 года на сайте опубликовано свыше 60 тыс. переводов с киргизского языка, на которые получено около 32 тыс. комментариев. Эти цифры говорят о высокой популярности и востребованности материалов сайта.

Переводы интересны тем, что в них имеются сведения, которых нельзя найти в русскоязычных газетах. Особенным успехом пользуется категория статей, выделенная в специальный раздел «Ушактар» (слухи). Если в русском языке слухи – это неподтвержденная, недостоверная информация, то статьи из раздела «Ушактар» содержат такие сведения о ситуации в стране или кадровых перестановках, которые, как правило, впоследствии подтверждаются. Вполне понятно, что запросы читателей на такие статьи огромны, что требует их оперативного перевода на русский язык.

Такие тексты имеют свою аудиторию, причем, немалую. Достаточно сказать, что в настоящее время почти треть школьников республики обучается в школах с русским языком обучения. В целом же можно предположить, что из шестимиллионного населения республики более половины в достаточной степени владеет русским языком. Исторически сложившиеся традиционные связи, общее образовательное и гуманитарное пространство Кыргызстана и России генерирует не только билингвальные, но бикультурные

личности, для которых данные тексты, совмещающие в себе русские и киргизские образы, являются привычными и понятными. Образы мира, ценности культуры, прецедентные имена, выражения, паремиологические средства и др., имеющиеся в киргизском языке и культуре, им хорошо знакомы.

В результате действий переводчика создается текст на русском языке, который обладает целым рядом специфических свойств, обусловленных национально-культурной спецификой исходного киргизского текста и ментального языкового сознания переводчиков. Приведем пример такого перевода с киргизского языка.

«Расплодились, как муравьи, желающие раздуть из мухи слона. Сейчас удачливое время для энергично работающих СМИ. Как нам отрицать, что в эпицентре осенних политических сражений стоят видные большие люди страны? Поэтому караулят, изо рта какого чиновника вылетит содержательное слово. На случайно вылетевший «ляп» прямо бросаются и хватают. Да еще объявляют народу, аттин!

В переводной текст перенесен образ, кроющийся за выражением «расплодились, как муравьи». В русском языковом сознании понятие негативного множества скорее связано с выражением «расплодились, как тараканы, как мухи». Синтаксическую кальку с киргизского представляют нехарактерное сочетание прилагательных в словосочетании *видные большие люди* (ср. «көрүнүктүү чоң кишилер»). Необычный для русского языкового сознания способ мышления отражён в

прямых кальках с киргизского языка: *поэтому караулят, из рта какого чиновника вылетит содержательное слово «кайсы аткаминердин оозун маанилүү сөз чыгар экен деп, кайтарып турушат».*

На прошедшем Курман айте мишенью стали два солидных сотрудника. Поздравившего от имени президента главу правительства Сооронбая Жээнбекова гневно упрекнул Текебаев. Оказалось, эту миссию должен выполнять глава президентского аппарата Фарид Ниязов. По мнению критиков, и мэр Оша Айтмамат Кадырбаев подхалимствовал перед президентом в день айта. Правильно понимающие люди убеждены, что такие речи он сказал для приведения в чувство тех, кто безосновательно цепляется к президенту. Если какая-то нация не уважает своего падишаха, то в той стране появляется беспорядок. Поэтому давайте будем серьёзно смотреть на главу народа. От высказанной справедливости мы же не уменьшимся?» (Ачык соз. № 18. 22.09.2016. С. 5).

Кроме того, эти тексты зачастую насыщены киргизской лексикой, употребляющейся в региональном русскоязычном дискурсе, они характеризуются калькированием синтаксических конструкций, фразеологических оборотов и паремиологических средств киргизского языка, прямым включением в русскоязычный текст без перевода лексикализованных средств, междометий. Все это инкорпорирует в русский текст идиоматичность киргизского языка, создает интертекстуальную связь между текстами этих языков, когда национально-культурная семантика и индивидуальные формы киргизского перетекают в перевод-

ной текст на русском языке. Смысл отдельных частей подобного текста может быть не совсем понятным для российского читателя, однако легко и образно осознается носителями киргизско-русского двуязычия. Так, экспрессивно-образная функция в переводных текстах реализуется путем сохранения национальных культурно-семиотических ориентиров в производном тексте. Это нередко калькированные паремиологические единицы с прецедентными именами из киргизской мифологии. К примеру, в текстах на русском языке можно встретить выражение *«Разве хуже Чубак Манаса»* (в значении «Он также славен, как и Манас»), что представляет собой буквальный перевод «Манастан Чубак кем бекен». (Чубак – это богатырь, входивший в дружину Манаса – героя одноимённого эпоса). Это выражение в русском тексте означает: когда кого-либо хотят призвать к участию в каком-либо деле, его утверждают в мысли, что ему это дело по силам, например, участие в каких-либо выборах и др.

Отметим, что эпос «Манас», который в условиях отсутствия письменности изустно передавался сказителями из поколения поколению в течение многих веков, является коллективной философией киргизов. Слова и выражения из этого эпоса составляют часть языковой картины мира киргизов, определяя их мировоззрение, ценностные ориентиры, стереотипы мышления и поведенческие стратегии, и потому становятся мощным средством воздействия на сознание людей.

Так, в русскоязычный текст транслируется без каких-либо пояснений выражение *«Поминки по Кокотаю стали причиной*

многих раздоров» как пропозитивная калька из киргизского текста. Данный концепт-сценарий представляет широко известное событие из эпоса «Манас», когда Кокотай, один из старших соратников героя, завещает своему сыну устроить по себе поминки («аш»)¹. В сознании киргизов сохранилось выражение «Көкөтөйдүн ашы – көп жаңжалдын башы» (поминки по Кокотаю – истоки, причина всех ссор), которое используется в дискурсе в тех ситуациях, когда имеют в виду что-то, что послужило или может стать причиной раздора. «Как говорится: “Поминки по Кокотаю стали причиной многих раздоров”, – изменение в Конституции окончательно рассорило политиков и партии, с одной стороны, партнёров, с другой, конкурентов». (gezitter.org. Неделя: Политическая «буча», призраки новой коалиции) (19.09.2016).

В процессе межъязыковой деривации во вторичный текст транслируются без пояснений прецедентные имена из эпических жанров киргизской мифологии: «Посмотрите на эпос “Эр-Тоштук”. Когда дети Эламана рассыпались и превратились в манкуртов, Эр-Тоштук собирал их» (gezitter.org. Кыргызстан может превратиться в бумажный корабль (18.11.2013)².

В некоторых случаях интертекстуальные ссылки фактически выступают в

¹ Эти поминки проходили так масштабно, на широкую ногу с соблюдением всех правил и традиций, что были равноценны тою – большому празднику. В результате киргизские роды, приехавшие на эту тризну, все перессорились.

² «Эр-Тоштук» – эпос, в котором повествуется о приключениях эпического героя в подземном мире. Батыр встречается с мифическими персонажами, борется со злом во имя справедливости и любви.

роли обращений, призванных привлечь внимание определённой части читательской аудитории. В случае межтекстового взаимодействия апеллятивную функцию часто трудно отделить от *фатической* (контактоустанавливающей): они сливаются в единую опознавательную функцию установления между автором и адресатом отношений «свой/чужой»: обмен интертекстами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической, а возможно, и культурной, памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий.

Для установления доверительных отношений с читателем-билингвом во вторичные тексты переносится атмосфера национального колорита путём использования собственных имен широко известных личностей в сочетании с этнокультурными апеллятивами. Сохранение в тексте обращений, соответствующих киргизским национальным традициям, помогает усилить воздействие на читателя.

1) «Обиженно ушедшая с площади после слов президента в День Независимости наша Роза-апче (апче – старшая сестра) уехала в Европу, Америку и без вести пропала». (Имеется в виду Р. Отунбаева, экс-президент Кыргызской Республики).

2) «Мы увидели, как Мелис-байке сильно засучивает рукава, чтоб дать крутое интервью газете “Азия ньюс” в ближайшие дни». (Байке – старший брат, форма обращения к старшему по возрасту).

3) «Есть такие, которые игнорируют Каната-мырзу» (мырза – господин).

«7 апреля 2010 г. Алмаз-мырза выставил вперед Розу-апче» (*gezitter.org Уйгурские родственники Атамбаева (24.07.2012)*)

4) «Честно говоря, именно благодаря сыну **Чиркеша** партия сохранилась до настоящего времени». (Имеется в виду Текебаев Омурбек Чиркешевич – лидер влиятельной политической партии в Кыргызстане). (*gezitter.org. Внутри «Ата Мекена» пробежала черная кошка (2.06.2016).*)

5) «Вы знаете, главой администрации президента переходного периода **Розы Отунбаевой** был **Эмильбек Каптагаев**. До этого у **Эмике** не было никакого политического авторитета». (Сравните, *Топчубай – Топчуке, Ташполот – Ташке*).

Тексты насыщаются нарицательными именами, которые обозначают национально-культурные реалии: *молдо* (мулла), *шариат* (мусульманское право), *манкурт* (потерявший память, не помнящий родства), *устукан* (кость с мясом), *бешбармак* (национальное блюда киргизов, состоящее из мяса и теста), *самсы* (азиатский пирожок с мясом), *лагман* (среднеазиатское блюдо из мяса со сложной начинкой), *аким* (глава местного исполнительного органа власти), *торо ага* (спикер парламента), *Жогорку кенеш* (Верховный совет, парламент). Например, «29 % мужчин и 16 % женщин считают, что предпочтительнее обращаться за советом к *молдо*, нежели в судебные и правоохранительные органы, и опираться надо на законы *шариата*».

Как мы уже отмечали, данные слова помогают воссоздать в русскоязычном тексте национальную культурно-языковую

картину мира исходного текста, а некоторые из них вносят широкий спектр метафорических образов в контекст единиц другого языкового кода. Так, примечательно использование слова *устукан*. Отметим, чтобы правильно разделить тушу барана для почётных гостей, необходимо проявить большое искусство. Каждая кость должна быть выделена с соблюдением определённых правил. В результате получается иерархическая система блюд – *устуканов*, каждый из которых обладает семиотической значимостью и особым рангом почётности.

Слово *устукан* имеет ранг почётности и может использоваться в переводном дискурсе в качестве метафоры для обозначения какой-либо важной должности: «К сожалению, у нас привыкли оказывать сопротивление из-за того, что “не получили должность”. Разве неправда, что эти крикуны мгновенно могут заткнуться, если власть предложит им “жирный *устукан*”?», т. е. доходное место».

Примечательно довольно часто включаемое в переводные тексты киргизское слово *кетсин* (пусть уходит, уходи), которое стало кличем толпы, протестующей против правления президентов А. Акаева и К. Бакиева.

Возможны случаи, когда киргизские национально-культурные метафоры, перетекающие в русский текст, имеющие понятный и образный в киргизском тексте смысл, получают расплывчатое значение в русскоязычном тексте, а для российского читателя и вовсе малопонятное. Сравните, «Конечно, политика – это политика, но такое ощущение, что такие

понятия, как “джигитство”, “честь” и “гордость” упали ниже стремлений к власти и карьере, и не осталось людей, способных стать рукояткой ножа». Последняя часть высказывания “не осталось людей, способных стать рукояткой ножа” имеет значение «ответственных, способных выполнить какое-либо дело или руководить чем-то». В основе такого переноса лежит тот национально-обусловленный факт, что для изготовления рукоятки ножа был нужен крепкий, прочный материал, как правило, из древесины или кости, и не любая порода деревьев годилась для этих целей.

В результате межъязыковой деривации во вторичный текст на русском языке могут транслироваться этнокультурные образы киргизского языка, необычность которых создает своеобразный национально-культурный колорит. Так, например, значение «очень сильный аппетит» в русском языке передается через образ волка, который в русской мифологической традиции предстает как жадный и ненасытный зверь. В переводных же текстах нередко сохраняется тот метафорический образ, который присущ для киргизского языкового сознания: *«Если у ребенка с детства змеиный аппетит, то, кажется, он очень быстро превратится в дракона. Еще вчера стреляющие сигареты ата-мекеновцы (члены кыргызстанской политической партии «Ата-Мекен») сегодня важно разъезжают на дорогущих джипах, проживают в элитных квартирах, ханских дворцах, а их карманы на-*

биты дорогими марками сигарет». Для киргиза ненасытность связана с образом змеи, а всепоглощающая жадность ассоциируется с качеством дракона. Данное образное выражение включает в себя динамику постепенного нарастания отрицательного качества с течением времени по линии «змея – дракон».

Таким образом, переводной текст, полученный в результате межъязыковой деривации, сохраняет стилистику, черты языковой идиоматичности, национально-культурный колорит, образы языкового сознания исходного текста. Как способ коммуникации, трансляции смысла и воздействия на субъекта он достаточно эффективен по степени волюнтаристического воздействия на читателя, рассчитан на билингва, в сознании которого представлены обе картины мира – киргизского и русского языков, образуя межкультурный симбиоз.

Литература

1. *Голев, Н. Д.* Эпидигматика и деривационные процессы в речи. Динамический аспект / Н. Д. Голев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru>
2. *Зенков, Г. С.* Принципы организации словообразовательных элементов в системе и возможности ее описания / Г. С. Зенков. – Бишкек: КРСУ, 2004.
3. *Разина, И. Г.* Перевод как процесс межъязыковой деривации / И. Г. Разина // Язык и культура. – 2008. – № 1.
4. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.gezitter.org>

Теория и практика перевода (дайджест материалов форумов КРСУ)

В этом разделе кратко, в дайджест-формате, представлена деятельность двух научно-образовательных центров КРСУ в сфере проблематики теории и истории перевода, формирования переводческого мастерства в виде творческих практик – Научно-образовательного центра «Перевод» (НОЦ «Перевод») и Инновационного научно-образовательного центра русского языка (ИНОЦ РЯ).

Библиографические списки, предлагаемые ниже, дают общее представление об основных направлениях научно-исследовательской деятельности учёных-филологов страны в сфере переводческой науки – транслатологии. однако являются лишь своеобразной информационной репликой, указателем, но не исчерпывающим источником переводческой работы в КРСУ. Более подробно с этой предметной сферой можно ознакомиться по тем сборникам, которые представлены в этом разделе. Кроме того, ряд материалов опубликован в соответствующих изданиях наших партнёров – в научных центрах Европы и Азии.

Кыргызско-русские культурно-языковые связи. Научно-практический семинар, посвящённый 15-летию учебно-научного центра регионального славяноведения. 24 мая 2011 г., г. Бишкек; секция «Художественный перевод в тюрко-славянском мире». – Бишкек: КРСУ, 2011.

Г. З. Абытова. Отражение поэтики Куприна в кыргызских переводах.

А. А. Акматалиев. Академическая наука Кыргызстана и инициативы в области перевода.

А. Алымкулова. Роль перевода в организации кыргызско-русско-английского СМИ-пространства.

А. А. Бекбалаев. Переводческая проблематика в деятельности диссертационного совета по сопоставительному языкознанию в КазГУ МЯ и МО им. Абылай-хана.

С. Ж. Бурбекова. Переводческая компетенция как фактор формирования традиции в русских переводах лирики Абая.

З. К. Дербешева. Перевод как фактор лингвокультурной эволюции в обществе.

Ч. Т. Джолдошева. Поэзия Касыма Тыныстанова в русских переводах.

М. М. Кадырова. К истории переводов лирики Токтогула на русский язык.

З. К. Караева. Эпос «Манас»: к истории современных переводческих подходов.

М. К. Карыпов. Перевод в контексте межкультурной коммуникации.

Э. А. Ниязова. Переводы русской классической прозы и формирование литературного процесса в Кыргызстане.

М. А. Рудов. Стадиальность как компонент истории перевода в Кыргызстане.

В. М. Озмитель. Эпос «Манас» в контексте современных переводческих подходов.

В. К. Сабирова. Кыргызский фольклор в исторической парадигме (на материале дискурса этнических кыргызов).

Э. Д. Салахитдинова. Поэт-переводчик как носитель языковой личности.

Н. Сардарбек кызы. О творческой индивидуальности поэта-переводчика А. Токтогулова (на материале кыргызского перевода романа Ч. Айтматова «Плаха»).

Э. А. Сарылова. Эпос «Манас»: культурно-географический ареал переводческого распространения в первом десятилетии XXI в.

С. Г. Сулова. Дискуссионная судьба переводческих традиций в КР.

А. Халит. Турецко-русско-кыргызский литературно-художественный контекст: в поисках эквивалентности.

В. И. Шаповалов. Современные транслатологические школы Европы и формирование научного мировоззрения теории художественного перевода.

Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии. Тюрко-славяно-германские культурно-языковые связи: Материалы Международной научной конференции / ред. колл.: <...> проф. В. И. Шаповалов, проф. В. К. Янцен. – Бишкек: КРСУ, 2012.

С. Ж. Бурбекова. Традиции русской переводческой школы в методологических исканиях на евразийском материале.

А. П. Долгов, Д. Н. Жаткин. Немецкая поэзия в переводческом осмыслении А. А. Дельвига.

А. П. Долгов, Д. Н. Жаткин. Первый русский переводчик «Фауста» (о судьбе и творчестве Э. И. Губера).

С. К. Мамбаева. Особенности подготовки переводчиков-синхронистов в Кыргызстане.

Л. В. Остапенко. Особенности перевода научно-технической литературы.

Kosta Peter. Übersetzung von Humor als kognitives und Kulturphänomen.

Д. А. Крутиков. Альтернативная переводческая интерпретация стихотворения А. Осмонова «Атажурт».

Г. А. Куттубаева, А. М. Сальникова. Роль перевода в развитии коммуникативной компетенции студентов.

О. В. Раздорская. Опыт воспитания толерантности на лингвокультурной основе.

Э. Д. Салахитдинова. Призвание – переводчик (к проблеме понятия «языковая личность»).

А. Halit. Halide Edip Adıvar ve Yakup Kadri Karaosmanoğlu'nun Hikayelerinin Rusça'ya evirileri ve Eşdeğerlilik Sorunsalı Üzerine («Himmet Çocuk» ve «İssiz Köy ve Dilsiz Kız Hikayeleri Örneğinde»).

В. И. Шаповалов. «Элементы «скопостеории» в интуитивной модели автоперевода: творческая практика писателей-билингвов.

Ян Кай. Способы выражения лингвоцветовой картины мира в стихотворении Б. Пастернака «Рождественская звезда» и его китайском переводе.

Кыргызстан – Россия: вехи гуманитарного сотрудничества. Материалы Международного симпозиума, посвящённого 20-летию КРСУ. – Бишкек, 2014.

В. И. Шаповалов. Сфера перевода в системе геополитических интересов: информационная политика гуманитарного сотрудничества.

А. В. Шипилов. Российско-кыргызский исторический опыт межкультурных коммуникаций.